

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

ПИТЕР СТРАУБ

КОКО

Легенды хоррора

Питер Страуб

Коко

«Издательство АСТ»

1988

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Страуб П.

Коко / П. Страуб — «Издательство АСТ», 1988 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-147090-6

Коко. Лишь четыре человека во всем мире знают, что на самом деле значит это слово. Четыре ветерана Вьетнама: доктор, юрист, рабочий и писатель. Совершенно разные, они связаны общей историей и чудовищной тайной. Теперь им придется объединиться и отправиться в нелегкий путь, который приведет их на кладбища Дальнего Востока и в человеческие джунгли Нью-Йорка. Еще не зная, какой ужас их ждет по дороге, они, мучимые совестью, станут искать кого-то, кто восстал из тьмы прошлого с одной-единственной целью: убивать.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-147090-6

© Страуб П., 1988
© Издательство АСТ, 1988

Содержание

Часть первая. Имена	6
1. Вашингтон, округ Колумбия	6
2. Записка	17
3. Воссоединение	19
4. Автоответчик	30
5. Боб Биверс у Мемориала	39
Часть вторая. Приготовления к отъезду	45
6. Биверс на отдыхе	45
7. Конор за работой	51
8. Доктор Пул на работе и отдыхе	58
9. В поисках Мэгги Ла	64
10. Разговоры и сны	69
11. Коко	72
Часть третья. Сады Тигрового бальзама[53]	79
12. Начало положено	79
13. Коко	93
14. Воспоминания о Драконовой долине	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Питер Страуб Коко

*Посвящается
Сьюзен Страуб и
Лиле Дж. Калнич, д. м. н.*

*Полагаю, вполне возможно и даже нужно играть блюз на чем
угодно.
Фрэнк Морган, саксофонист-альтист*

Peter Straub
КОКО

Copyright © 1988 by Seafront Corporation
© Александр Крышан, перевод, 2021
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая. Имена

1. Вашингтон, округ Колумбия

1

Хмурился серый ветреный день середины ноября. В три часа пополудни детский врач по имени Майкл Пул смотрел из окон своего номера на втором этаже отеля «Шератон». Внизу, на стоянке перед отелем, микроавтобус «фольксваген» с полустертыми, напыленными баллончиком «пацификами» на бортах, управляемый то ли пьяным, то ли больным на всю голову, пытался развернуться в девяносто восемь приемов на узеньком пространстве между первым рядом припаркованных машин и однополосным въездом на парковку, уже сотворив своими маневрами пробку из вереницы нетерпеливо гудящих автомобилей. На глазах у Майкла «фольксваген» наконец завершил разворот, сокрушив передним бампером решетку радиатора и фары маленького пыльного «камаро» и погнув ему капот. Обиженно взывал автомобильный гудок. Теперь микроавтобусу противостояла запертая и раздраженно-враждебная вереница машин. Водитель микроавтобуса сдал назад, и Майкл решил, что тот вознамерился удрать, смяв первый ряд автомобилей и тем самым освободив себе выезд на Вудли-роуд. К его удивлению, лихач умудрился втиснуть «фольксваген» на свободное место двумя машинами дальше. «Вот чертяка! – подумал Майкл. – Ради места на парковке не пожалел «камаро».

Уже дважды Майкл звонил на ресепшн справиться, нет ли для него сообщения. Однако ни один из троих, кого он ждал, еще не зарегистрировался в отеле. Если Конору Линклейтеру не придет в голову проделать весь путь из Норуолка на своем мотоцикле, они наверняка воспользуются челночным рейсом из Нью-Йорка. Однако на мгновение Майкл порадовал себя фантазией – вот прямо сейчас, стоя у окна, он увидит, как все трое выбирают из того самого «фольксвагена»: Гарри «Боб» Биверс, он же Чокнутый Босс и худший на свете лейтенант; Тина Пумо, или Пумо-Пума, которого Андерхилл называл Леди Пума, и неистовый маленький Конор Линклейтер – все, кто остался в живых из их взвода. На самом-то деле они наверняка приедут каждый по отдельности, на такси, прямо к входу в отель, но ему очень хотелось, чтобы сейчас именно они вылезли из микроавтобуса. Майкл даже не подозревал, насколько сильно ему хотелось, чтобы они поскорее приехали: в первую очередь он хотел сам осмотреть Мемориал, но еще больше хотелось сделать это чуть позже вместе с друзьями.

Двери микроавтобуса скользнули назад. Сначала показался кулак с зажатым в нем горлышком бутылки – Майкл тотчас опознал кукурузный виски «Джек Дэниелс». За «Джеком Дэниелсом» медленно появилась толстая рука, вслед за ней – голова, скрытая мятой армейской тропической панамой. Вылезший наконец целиком мужчина, грохнувший водительской дверью, казался много выше шести футов и весил никак не меньше двухсот тридцати фунтов. На нем был тигровый камуфляж¹. Двое мужчин помельче, одетых так же, выбрались из-за левой сдвижной двери салона, а крупный бородач в поношенном разгрузочном жилете закрыл пассажирскую дверь «фольксвагена» и обошел его спереди, чтобы забрать у водителя бутылку.

¹ *Тигровый камуфляж (tiger-stripe)* – название группы камуфляжных моделей, разработанных для использования в джунглях во время войны в тропических лесах в южновьетнамских Вооруженных силах и принятых американским спецназом во время войны во Вьетнаме. Камуфляж получил свое название от сходства расцветки с тигриными полосами – зелеными и коричневыми мазками и более широкими – черными, напечатанными на светлом фоне оливкового или цвета хаки. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Он рассмеялся, помотал головой и опрокинул бутылку в рот, прежде чем передать другому. Все вместе и каждый по отдельности они выглядели в точности так же, как и десятки солдат, которых он прежде знал, – подумалось Пулу: прижавшись лбом к оконному стеклу, он пристально смотрел вниз.

Конечно же, из этих парней он не знал никого. Сходство было типическим. Здоровяк не был никаким Андерхиллом, как и все остальные – его однополчанами.

Просто ему *хотелось*, чтобы стоявшие внизу были ими – вот и вся такая простая истина. Ему хотелось грандиозной торжественной встречи, воссоединения со всеми до единого, кого помнил он по Вьетнаму, – с живыми либо павшими. И еще ему хотелось взглянуть на Мемориал, и чтобы тот тронул ему душу, и хотелось этого так страстно, что он почти страшился увидеть его. Судя по снимкам, которые попадались Майклу, Мемориал – мощный, мрачно-суровый в своей строгой красоте – стоил того, чтобы полюбить его. Мемориал представлялся Майклу неким символом разобщенности, принадлежащим каждому по отдельности, а на самом деле он принадлежал и ему, и этим «ковбоям» там, на парковке, потому что Вьетнам навсегда отделил их от этого мира, как навсегда отделил павших. Майкл остро почувствовал, что все они существовали в какой-то своей, не видимой другим стране.

Ему хотелось отыскать имена на Мемориале – имена, на месте одного из которых могло быть начертано и его имя.

Ковбой-здоровяк достал из кармана рубахи листок бумаги и принялся что-то писать, полусогнувшись над капотом микроавтобуса. Остальные взялись выгружать вещмешки из задней части салона. «Джек Дэниелс» гулял по кругу до тех пор, пока водитель не прикончил виски и не убрал пустую бутылку в один из мешков.

Майклу захотелось выйти и прогуляться. Если верить программе праздника, которую он прихватил внизу на стойке ресепшн, парад на Конститушн-авеню уже начался. Он успеет сходить взглянуть на Мемориал и вернуться до того времени, как подъедут в отель друзья. Если, конечно, Гарри Биверс не умудрился напиться в баре ресторана Тины Пумо и не сидит сейчас там, настойчиво выпрашивая «последний ма-а-аленький стаканчик водки-мартини, и необязательно ведь лететь в четыре, мы можем и в пять, и в шесть, а то и в семь»... Тина Пумо, единственный из их старой компании, с кем Пул виделся относительно регулярно, рассказывал ему, что Биверс порой проводит в его баре весь день. С самим Гарри Биверсом Пул за четыре или пять лет виделся лишь однажды – когда тот позвонил ему, чтобы зачитать статью из «Старз энд страйпс», которую ему прислал брат. Статью о серии не связанных между собой убийств на Дальнем Востоке, которые совершил некто, называвший себя Коко.

Пул отошел от окна. Не до Коко сейчас. Гигант в тигровом камуфляже и армейской панаме закончил строчить записку и пристраивал ее под один из дворников пострадавшего «камаро». Что он мог в ней нацарапать? «Извини, приятель, я раскурочил твою тачку, приходи, пропустим по стаканчику „Джека“»...

Пул присел на краешек кровати, снял трубку телефона и после секундного колебания набрал номер школы, в которой работала Джуди. Когда она ответила, Майкл проговорил:

– В общем, я на месте, но остальные ребята еще не подъехали.

– Мне, наверное, надо сказать: «Бедняжка Майкл»? – спросила Джуди.

– Нет, просто думал, тебе интересно, что здесь и как.

– Майкл, у тебя что-то особенное на уме? К чему этот разговор? Какой в нем смысл? Ты собрался провести пару дней в компании своих армейских друзей – пьянствовать, сентиментальничать и вспоминать былые дни. Я-то здесь с какой стороны? Какое отношение к этому имею я? В моем присутствии ты просто будешь чувствовать себя виноватым.

– И все же мне бы очень хотелось, чтобы ты была рядом.

– Знаешь, Майкл, я считаю, что прошлое должно оставаться в прошлом, потому что только там ему и место. Это тебе о чем-нибудь говорит?

– Думаю, говорит...

Повисла пауза, показавшаяся слишком долгой. Джуди молчала, и Майкл заговорил сам.

– Ладно, – произнес он наконец. – Вечером, наверное, увижу Биверса, Тину и Конора, а завтра намечаются кое-какие церемонии, хотелось бы в них поучаствовать. Домой вернусь в воскресенье, часам к пяти-шести.

– Твои пациенты на удивление терпеливы.

– Потничка редко приводит к смертельному исходу, – сказал Майкл, и Джуди выдохнула дым сигареты со звуком, который можно было бы принять за смешок. – Позвонить тебе завтра?

– Не беспокойся. Очень мило, что предложил, но – не стоит беспокоиться, ей-богу.

– Ей-богу... – невольно повторил Майкл и повесил трубку.

2

Майкл неторопливо пересек вестибюль «Шератона», поглядывая на выстроившихся в очередь у стойки регистрации мужчин – среди них гигант-ковбой в камуфляже и трое его приятелей, – и на группки людей, занимавших мягкие темно-зеленые стулья и банкетки. «Шератон» принадлежал к типу отелей, в которых бара как такового не имелось. Здешние официантки, казалось, происходили из одной семьи. Привлекательные, высокие, томные и неторопливые – этим принцессам больше пристало подавать джин-тоник и «Перье» с лаймом холеным мужчинам в темных костюмах с модными стрижками (такими, как, например, соседи Майкла Пула в округе Уэстчестер), – они же ставят рюмки с текилой и бутылки пива перед дикарями в армейских куртках и широкополых шляпах, в вонючей линялой военной робе и драных бейсболках защитного цвета.

От едкого разговора с женой Майклу захотелось приземлиться за столик среди «дикарей» и заказать выпить. Но подобное действие чревато: он непременно во что-нибудь ввяжется. Кто-нибудь заведет с ним разговор, и он закажет выпивку собеседнику, который воевал в тех же местах, что и он, либо где-то поблизости от тех мест, или же у того был друг, побывавший рядом с теми же местами. Ну, а потом собеседник угостит выпивкой его. После чего непременно последуют рассказы, воспоминания, размышления, новые знакомства, клятвы в нерушимом братстве. Кончится все тем, что он присоединится к параду в составе команды совершенно не знакомых людей и увидит Мемориал сквозь комфортную пелену алкогольного дурмана. Майкл не стал останавливаться и проследовал дальше.

– Спецназ навсегда! – раздался пьяный выкрик за спиной.

Через дверь служебного входа Майкл вышел на парковку отеля. В твидовом пиджаке и свитере было, пожалуй, холодновато, но возвращаться в номер за пальто он не стал. Мрачное, набрякшее тучами небо грозило дождем, но Майкла это не слишком заботило.

С улицы вверх по пандусу шли машины: номерные знаки Флориды, Техаса, Айовы, Канзаса и Алабамы, автомобили любых типов и моделей – от тяжелых «Дженерал моторс» до миниатюрных импортных японцев. Ковбой из «фольксвагена» и его дружки прибыли сюда из Нью-Джерси, Садового штата². На клочке бумаги, прижатом дворником ветрового стекла «камаро», красовалась надпись: «Ты стоял у меня на пути, мать твою!!!»

На улице Майкл поймал такси и попросил отвезти его на Конститушн-авеню.

– Собираетесь участвовать в параде? – тотчас поинтересовался водитель.

– Совершенно верно.

– Значит, тоже ветеран, были там?

² Самый густонаселенный штат США Нью-Джерси прозвали так, потому что он исправно снабжает овощами и фруктами не только своих жителей, но и огромный Нью-Йорк на противоположном берегу Гудзона.

– Именно так, – Майкл поднял взгляд на таксиста. Со спины того можно было бы принять за одного из искренних, безрассудных, слегка чокнутых юношей, обреченных на отчисление из медицинского колледжа: очки в бесцветной пластиковой оправе, светло-русые волосы, нежная бледная кожа. На идентификационной табличке сообщалось, что водителя зовут Томас Страк. Засохший потек крови из огромного прыща красовался на воротнике его рубашки.

– И участвовали в боевых действиях? Типа, в перестрелке или что-то в этом роде?

– Случалось.

– Я вот всегда хотел спросить... вы только не подумайте, не в обиду вам...

Майкл уже знал, о чем хотел спросить таксист:

– Коль не хотите, чтобы я обиделся, не задавайте обидных вопросов.

– Ага, – парень на мгновение обернулся взглянуть на Майкла, затем снова стал смотреть на дорогу. – Только не злитесь, ладно?

– У меня не получится объяснить вам, каково это – убивать человека, – ответил Майкл.

– То есть, хотите сказать, вам не приходилось?

– Нет, хочу сказать, что не смогу объяснить.

Остаток пути таксист вел машину в возбужденном молчании. «Мог бы и сказать пару слов. Подпустить немного „расчлененки“, что тебе стоит? Увидеть, почувствовать, как грызет тебя застарелая вина, как шевелится в душе то жуткое упоение...» – Майкл будто читал его мысли.

«Прошлое должно оставаться в прошлом. Не стоит волноваться, ей-богу. Ты стоял у меня на пути, мать твою».

«Мне, пожалуйста, тройной martini с „Финляндией“, со льдом, поменьше оливок, поменьше вермута, поменьше льда и, пожалуйста, то же самое моим четырём сотням приятелей, что здесь со мной, прошу вас. Они, может, выглядят странновато, но все они – мой клан».

– Здесь нормально? – предложил высадить его таксист: рядом с машиной стояла стена людей, в толпе Майкл видел флаги и баннеры, растянутые между парами шестов.

Он расплатился и вышел из такси. Через головы стоявших на тротуаре Майклу хорошо было видно происходящее. Да, собрался весь его клан. Люди, бывшие когда-то солдатами, одетые так, словно солдатами и оставались, заполняли всю ширину Конститушн-авеню: группами численностью до взвода, перемежаемые школьными оркестрами, они нестройно шествовали по улице. Горожане стояли на тротуарах и смотрели, как колонна следует мимо, – они одобряли то, кем те были в прошлом и что сделали. Люди смотрели и аплодировали. До сих пор, вдруг пришла в голову Майклу мысль, он сопротивлялся тому, чтобы окончательно поверить в реальность этого парада. Здесь не было торжественного кортежа с серпантином и лимузинами на Пятой авеню, как при возвращении из Ирана освобожденных заложников³, – но во многом это действо ощущалось более проникновенным, искренним и всеобъемлющим, менее эйфорическим, но гораздо душевнее. Майкл стал пробираться сквозь толпу на тротуаре. Он сошел с края тротуара и пристроился за ближайшей многочисленной и нестройной группой. К удивлению Майкла, глаза его вдруг наполнились слезами.

Шагавшие перед ним на три четверти состояли из воевавших в джунглях бойцов, которым не хватало разве что «клейморов»⁴ и М-16, и на одну четверть – из пузатых ветеранов Второй мировой, внешне смахивающих на бывших боксеров. Лишь заметив их длинные тени, протянувшиеся к нему по улице, Майкл понял, что выглянуло солнце.

³ 4 ноября 1979 года американское посольство и 66 работавших там дипломатов были захвачены антиамерикански настроенной толпой; захват поддержало новое исламское правительство Ирана. Попытка освободить американских дипломатов путем вооруженной спецоперации провалилась. Заложники были освобождены 20 января 1981 года в результате переговоров.

⁴ M18A1 «Клеймор» – противопехотная мина направленного поражения, состоявшая на вооружении США во время войны во Вьетнаме. Представляет собой изогнутую вперед прямоугольную коробку из полистирола, армированного стекловолокном.

Он представил себе, что видит шагающего перед ним Тима Андерхилла – еще одну длинную тень: круглый животик впереди, дымок сигары тянется следом. Тим на ходу цедит сквозь зубы уморительные непристойные замечания обо всех, кто попадает в поле его зрения. На нем летняя военная форма, свободные форменные штаны и пестрая бандана. На левом плече краснеет мазок от раздавленного москита.

Несмотря ни на что, Майклу остро захотелось, чтобы Андерхилл в самом деле очутился сейчас рядом. Внезапно он осознал, что Андерхилл не вдруг вспомнился ему – Тим жил в его подсознании все это время с того самого момента, когда в конце октября Майклу позвонил Гарри Биверс и поведал о газетных статьях, что прислал ему брат с Окинавы.

В двух не связанных между собой происшествиях в Сингапуре с интервалом примерно в семь-десять дней были убиты три человека: английский турист чуть старше сорока и пожилая чета из США. Убийства по времени почти совпали с возвращением домой иранских заложников. Труп англичанина обнаружили на территории отеля «Гудвуд парк», а тела американцев – в пустующем бунгало в районе Орчард-роуд⁵. Все три тела были изуродованы, а на двух из них были найдены игральные карты с небрежно нацарапанным причудливым и загадочным именем – Коко. Шесть месяцев спустя, летом 1981 года, в Бангкоке в номере отеля были найдены трупы двух французских журналистов, изувеченные таким же образом; на телах лежали игральные карты, подписанные тем же именем. Единственное отличие этих убийств от имевших место полтора десятилетия назад в Я-Туке, состояло в том, что карты были не полковыми (т. е. не из военного снабжения), а обычными игральными, «гражданского образца» картами, доступными везде.

Майкл полагал, что Андерхилл в Сингапуре, – во всяком случае, Тим всегда утверждал, что после демобилизации собирается переехать туда и остаться жить. Но обличить Андерхилла в убийстве – такое Майклу даже в голову не приходило.

За время службы во Вьетнаме Пул узнал двух удивительных личностей – двух человек, которых он выделял на фоне остальных как заслуживающих уважения и симпатии среди того полубалагана, полулаборатории человеческого поведения, которыми становится сложившееся боевое подразделение. Одним из них был Тим Андерхилл, другим же – паренек из Милуоки по имени М. О. Денглер. Храбрейшие из тех, кого он когда-либо знал, Андерхилл и маленький Денглер, казалось, чувствовали себя во Вьетнаме как дома.

Действительно, сразу же после войны Андерхилл вернулся на Дальний Восток и стал достаточно успешным автором детективных романов. М. О. Денглер из Азии так и не вернулся: находясь в кратковременном отпуске в Бангкоке, он погиб в довольно странном дорожном происшествии вместе с другим солдатом по имени Виктор Спитальны.

О, Майкл скучал по Андерхиллу. Ему так не хватало их обоих – Андерхилла и Денглера.

Майкла постепенно нагоняла группа ветеранов – такая же нестройная и разношерстная, как и та, за которой он пристроился. Он заметил, что шагает уже не один, но двигается между толпами, выстроившимися на тротуарах по обе стороны улицы, в которых ему почудились несколько Денглеров, – таких же низеньких «панамочников», с пышными усами, одетых в полиэстер ВЗВ⁶.

Будто прочитав его мысли, один из таких малышей-панамочников, шагавший неподалеку от Майкла, подошел бочком к нему и что-то прошептал. Майкл нагнулся к нему, приставив ладонь к уху.

– Я был чертовски крутым бойцом, братан, – чуть громче прошептал бывший солдат. В глазах его блеснули слезы.

⁵ Орчард-роуд – улица в Сингапуре, центр торговли и развлечений, главная туристическая достопримечательность.

⁶ ВЗВ (сокр.) – Ветеранов зарубежных войн США (англ. VFW – Veterans of Foreign Wars of the United States).

– Сказать по правде, – отозвался Майкл, – вы напоминаете мне одного из лучших солдат, каких я когда-либо знал.

– Ясен пень, – отрывисто кивнул «Денглер». – В каком «хозяйстве» служил?

Пул назвал номера дивизии и батальона.

– В каком году? – ветеран вскинул голову и заглянул Майклу в лицо.

– В шестьдесят восьмом, шестьдесят девятом.

– Я-Тук, – мгновенно среагировал «Денглер». – Да, помню... Значит, то были вы, ребята? Журнал «Тайм» и прочее дерьмо?

Пул кивнул.

– Уроды. Они должны были наградить лейтенанта Биверса гребаной Медалью Почета, а затем отобрать ее за то, что распустил язык перед этими шакалами журналистами, и все дела, – бросил малыш в панаме и «отстегнулся» в сторону неуловимым плавным движением, которое не произвело бы ни малейшего шума, если бы они шли по хрупким веточкам в зарослях.

Две полные женщины с прическами-одуванчиками, в пастельных брючных костюмах и с просветленными, как на церковном пикнике, лицами несли красный баннер с надписью резко выделяющимися черными буквами: «ВОЕННОПЛЕННЫЕ, ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ». Отстав от них на несколько шагов, двое молодых бывших солдат несли баннер: «КОМПЕНСАЦИЮ ЗА ЭЙДЖЕНТ ОРАНЖ»⁷. «Эйджент оранж»...

Виктор Спитальны запрокидывал голову и высовывал язык, изображая, насколько хорош вкус этой дряни. «Ну-ка, ублюдки, пейте до дна! Эта хренотень – настоящий бальзам для души!» Вашингтон и Спэнки Барридж, чернокожие солдаты, прикомандированные в их отряд, валились с диким хохотом на густые кусты у тропы, хлопая друг дружку по спине и бокам, повторяя «бальзам для души» и беся этим Спитальны, который, как все прекрасно знали, верный своей дурацкой привычке, всего лишь пытался шутить. Прилипчивая вонь «Эйджент оранжа» – нечто среднее между бензином и техническим растворителем – преследовала их до тех пор, пока не была смыта либо тело не покрывалось пленкой: пот, репеллент от насекомых и вьезшаяся в кожу тропическая грязь.

Пул вдруг поймал себя на том, что вытирает ладони, однако смывать «Эйджент оранж» было слишком поздно.

Каково это – убивать человека? Я не могу объяснить этого. Не могу просто потому, что не могу, вот и все. Кто знает, может, меня самого убили, но не раньше, чем я убил своего сына. Ты обделался, чувак, потому и ржешь до колик.

3

К тому времени, когда Майкл Пул достиг парка, парад растекся в неторопливо бредущую толпу – колонна участников и зеваки теперь все вместе двигались через лужайку. Разрозненные, не связанные между собой группки брели напрямую, огибая редкие деревья, заполняя все видимое пространство парка. Еще не видя Мемориала, Майкл чувствовал, где именно тот находится. Примерно в сотне ярдов перед ним толпа стекала по склону в естественную чашу, озарившуюся невидимым ореолом энергии неисчислимого количества людей, а внизу, под ногами этих людей, лежал Мемориал. У Майкла зазвенело в ушах, и побежали мурашки.

Небольшая группа ветеранов в инвалидных колясках с усилиями пробивались через траву лужайки перед чашей. Одно из кресел опрокинулось набок, и из него выпал худой черно-

⁷ «Эйджент оранж», «Агент оранж» (англ. Agent Orange) – название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Применялся как химическое оружие американской армией во Вьетнамской войне с 1961 по 1971 год в рамках программы по уничтожению растительности Ranch Hand. Название появилось из-за оранжевой окраски бочек для транспортировки дефолиантов. Нгуен Тронг Нхан, представитель вьетнамской ассоциации жертв Agent Orange и бывший президент вьетнамского Красного Креста, считает использование этого вещества военным преступлением.

волосый мужчина без обеих ног. Лицо его показалось поразительно знакомым. Сердце Майкла замерло – Гарри Биверс! Майкл рванулся было на помощь, но в следующее мгновение одернул себя. Упавшего уже окружили друзья, да в любом случае он никак не мог оказаться бывшим лейтенантом Пула. Двое поправили кресло и держали его ровно, пока упавший опирался на свои культы. Затем он рывком поднялся на металлические подставки для ног, потянулся, ухватился за подлокотники и с ловкостью гимнаста поместил себя в кресло.

Мало-помалу мужчин в колясках нагнала и стала огибать толпа. Майкл огляделся по сторонам. Почудившиеся знакомыми в первое мгновение лица оказывались абсолютно чужими. Всевозможные бородатые гиганты-двойники Тима Андерхилла двигались то здесь, то там к поросшей травой низине-чаше, от них не отставали несколько жилистых Денглеров и Спитальны. Сияющий круглолицый Спэнки Барридж «дал пять» чернокожему мужчине в спецназовской кепке. «А как же дэп⁸?» – задался вопросом Пул, подразумевая сложную серию рукопожатий, которым во Вьетнаме приветствовали друг друга чернокожие солдаты, относясь к этому ритуалу с замечательной смесью безудержного веселья и сохраняя при этом каменные, бесстрастные лица.

А люди все стекали и стекали в чашу Мемориала. Пожилые женщины и детишки с крохотными флажками в кулачках. Справа от Майкла двигались двое молодых парней на костылях, за ними дедок с плешивой, белой-белой головой, над левым нагрудным карманом клетчатой рубашки позвякивал ряд медалей. Рядом с ним шагал краснолицый, далеко за семьдесят мужчина в пилотке ВЗВ, с трудом переставляя блестящие четырехопорные ходунки. Пул искал людей примерно одного с ним возраста и вглядывался в их лица, попадая под «перекрестный огонь» ответных разочарованных взглядов: будто его тоже пытались узнать и – не узнавали. Перестав озираясь, он зашагал по вытоптанной траве и стал смотреть только вперед.

Отсюда Мемориал казался длинной прерывистой полосой чисто черного цвета, словно связывающей головы и тела людей перед ней. Вдоль верхнего края Стены, как бы упирающегося в лужайку коротко стриженной травы, некоторые стояли или прохаживались, будто меряя его шагами. Другие ложились на траву и, вытягивая шеи, пытались прочесть имена, выгравированные на полированном камне. Пул сделал еще несколько шагов вперед, и переполненная чаша вдруг распахнулась перед ним, явив взору картину всего комплекса.

Огромное черное изломанное крыло Мемориала было окружено человеческой массой, не будучи поглощенным ею. Чтобы полностью загородить его, подумалось Пулу, потребуется слишком много народу. Виденные прежде фотографии не передавали всего масштаба Мемориала⁹, массы, от которой исходила его мощь. Высотой всего в дюйм на концах, уже к центру, на изломе крыла, Стена вздымалась на два человеческих роста. На расстоянии примерно фута от нее на земле, уже усыпанной маленькими флажками, веточками с приколотыми к ним письмами, венками и фотографиями погибших, – тянулась под отлогий уклон по всей длине дорожка из гранитных блоков.

Люди медленно шли вдоль этого выразительного шрама, вдоль все более и более высоких панелей. То и дело кто-нибудь останавливался, чтобы наклониться и коснуться имени на них. Многие обнимались. Ветеран – тощая версия нелюбимого сержанта курса базовой военной подготовки, – зажав в руке горсть маленьких красных диких маков, вставлял их один за

⁸ Дар (англ.) – особая форма приветственного рукопожатия, придуманная во Вьетнаме солдатами афроамериканского происхождения.

⁹ Стена Мемориала ветеранов Вьетнама является самым известным элементом памятника, обычно именно с ней ассоциируется сам Мемориал. Часто ее называют просто Стеной (The Wall). Конструктивно она представляет собой две стены из черного гранита (Западная и Восточная), соединенные под тупым углом в 125° 12'. Общая длина Стены – 75 метров. Ее высота возрастает от концов Западной и Восточной стен к месту их соединения и в самой высокой точке составляет 3 метра. Стена расположена в углублении ниже уровня поверхности, и ее верхняя кромка соединяется с окружающей лужайкой. На Стене перечислены имена всех американских военнослужащих, погибших или пропавших без вести в Юго-Восточной Азии (Южный Вьетнам, Северный Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Китай, Таиланд, Тонкинский залив) между 1957 и 1975 годами.

другим в щели меж гранитных блоков. Непосредственно перед Мемориалом клин огромной толпы рассыпался вверх по склонам покрытой травой чаши лужайки. Майкл почти физически ощущал исходящую от этих людей плотную волну эмоций.

Вот и все, что осталось от Вьетнамской войны. Десятки тысяч имен на черных плитах Мемориала, да толпы бредущих мимо либо застывших перед ними людей. Для Пула реальный Вьетнам ныне стал просто местом – одним из многих, – где-то далеко-далеко, за тысячи миль отсюда, со своей трудной историей и непостижимой культурой. История и культура этой страны драматически пересеклись с нашими. И все же истинный Вьетнам был здесь, в начертанных на камне именах павших и в лицах тех, кто пришел поклониться им.

Андерхилл-призрак вновь материализовался рядом с Майклом, разминая мясистое плечо окровавленными пальцами, – яркие пятна раздавленных насекомых алели на загорелой коже.

«А, леди Майкл! Все они классные парни, просто дали втянуть себя в эту войну, только и всего, – сухой смешок. – Но мы-то здесь ни при чем, не так ли, леди Майкл? И должны быть выше всего этого, верно, леди Майкл? Ведь я прав, скажи».

«Мне показалось, я видел, как ты, паркуясь, разбил чужую машину», – мысленно ответил Пул воображаемому Тиму Андерхиллу.

«Я разбиваю машины только на бумаге».

«Андерхилл, убийства в Сингапуре и Бангкоке – твоих рук дело? Это ты оставил на их трупах игральные карты с надписью „Коко“?»

«Не стоит вешать это на меня, леди Майкл».

– За десантуру! – заорал кто-то.

– Да здравствует десантура! – подхватил другой голос.

Пул протиснулся к Мемориалу сквозь почти неподвижную толпу. Сержант, напомнивший Майклу его сержанта из учебки в Форт-Стилл, сейчас вставлял маленькие красные маки в щель между двумя последними высокими плитами – два крошечных красных дротика отбрасывали каждый по две черные тени на каждую плиту. Крупный, с растрепанными волосами мужчина держал огромный, размером с Техас, флаг с развевающейся золотой бахромой. Пул прошел рядом с мексиканским семейством, расположившимся рядом с гранитной дорожкой, и впервые увидел отражение в черной панели высокой плиты:плыли отраженные в ней люди, сидело отраженное мексиканское семейство – мужчина и женщина, пара девочек-подростков и маленький мальчик с флажком в руке, и все пристально смотрели в одну точку на Стене. Между ними отраженные родители держали перед собой фотографию в рамке молоденького морпеха. Отраженный Пул, приподняв голову, пытался, как и многие здесь, отыскать конкретное имя. И тут, словно в жутковатой оптической иллюзии, от черной плиты отделились имена и поплыли прямо на него. Дональд З. Павел, Мелвин О. Элван, Дуайт Т. Паунсфут. Он перевел взгляд на соседнюю панель. Арт А. Маккартни, Сирил П. Даунтейн, Мастерс Дж. Робинсон, Билли Ли Барнхарт, Пол П. Дж. Бедрок, Говард К. Хоппе. Брюс Г. Хиссоп. Все имена казались в равной мере знакомыми и незнакомыми.

Кто-то за спиной у него проговорил: «Альфа-Папа-Чарли»¹⁰, и Майкл обернулся, в ушах у него зазвенело. Неширокая чаша Мемориала и пологий скат лужайки позади него заполнились людьми. «Альфа-Папа-Чарли». Без расспросов невозможно было определить, кто из них – лысых, седых, с затянутыми в конский хвост длинными волосами, с возбужденными взволнованными лицами, чистыми либо с отметинами шрамов, – проговорил позывные. Из компа-

¹⁰ Фонетический алфавит ИКАО иногда также называется фонетическим алфавитом НАТО. Если в процессе ведения радиообмена произношение имен собственных, служебных сокращений и отдельных слов может вызвать сомнение, то они передаются по буквам. При такой передаче каждая буква текста произносится, например: «Альфа» – «А», «Папа» – «П», «Чарли» – «С» (от *англ.* Charlie).

нии четырех-пяти мужчин в армейских тропических панамах и зеленых форменных куртках прилетел другой, поглубже, голос:

– ...потеряли его под Данангом.

Дананг. *Ego* Вьетнам. Первый корпус. На несколько мгновений Пул замер, не в силах пошевелить ни руками, ни ногами, жадно впитывая названия мест, которые он не вспоминал четырнадцать лет. Чу Лай, Тамки. Пул будто наяву увидел грязный узкий проход за рядом хижин; нос уловил запах пучков сушащейся конопли, свисающих с потолка убогой лачуги, в которой жила и процветала сутенерша с неотразимым именем Си Ван Во. Драконова долина, боже мой! Фу-Бай¹¹, высадка десанта с вертолетов в Сю, Хью, Куангчи... Альфа-Папа-Чарли. По другую сторону от стайки крытых пальмовыми листьями хижин через топкую долину к горной тропе двигалась вереница азиатских буйволов. От мириад жуков темнел налитанный влагой воздух. Мраморные горы. Все эти очаровательные местечки между Аннамскими Кордильерами и Южно-Китайским морем, в розовой пене которого лениво крутился труп Коттона – полицейского из подразделения охраны, подстреленного снайпером по прозвищу Элвис. Долина Ашау¹²: да, если проскочу...

«Да, если проскочу долину Ашау, мне сам черт не брат». Майкл видит, как М. О. Денглер пританцовывает по узкой и крутой горной тропке, оборачиваясь через плечо и ухмыляясь ему, спина перечеркнута крест-накрест пулеметными лентами. Радостная физиономия Денглера маячит на фоне зеленого пейзажа изысканной, даже неправдоподобной сочности и глубины цвета, погруженного на тысячи футов в дымку, окрашенную в десятки оттенков зеленого и уходящего в зеленую же небесную бесконечность.

«Дрейфишь? – будто только что спросил его Денглер. – Если нет, тогда тебе не о чем беспокоиться. Да, если проскочу долину Ашау, мне сам черт не брат...»

Пул наконец осознал, что плачет.

– Поляки служили и вашим и нашим, – проговорила шедшая рядом с ним пожилая женщина. Пул вытер глаза, но они вновь наполнились слезами так быстро, что не видели перед собой ничего, кроме цветных размытых пятен. – Весь район был польским, с обеих сторон, там и сям. Отец Тома воевал на Второй мировой, но эмфизема не позволила ему сегодня прийти сюда, он остался дома. – Пул достал из кармана носовой платок, прижал его к глазам и попытался унять рвущиеся наружу рыдания. – А я сказала, старик, делай, что хочешь, но лично меня ничто не удержит и в День ветеранов я буду в округе Колумбия. Не переживай, сынок, никто здесь тебя не осудит, хоть все глаза выплачи.

До Майкла не сразу дошло, что последняя фраза адресована ему. Он опустил руку с платком. Тучная седовласая женщина лет шестидесяти смотрела на него с бабушкиной заботой. Рядом с ней стоял чернокожий мужчина в линялой куртке спецназа и анзакской шляпе¹³ поверх непослушной копны волос в стиле «афро».

– Спасибо, – проговорил Пул и жестом показал на Мемориал: – Меня все-таки пробило... Чернокожий ветеран кивнул.

¹¹ Боевая база, также известная как аэродром Фу-Бай и Кэмп-Мут, – бывшая база армии США и Корпуса морской пехоты США к югу от Ху, в центре Вьетнама.

¹² В долине Ашау (А-Шау) произошло одно из самых известных сражений Вьетнамской войны – на высоте «Гамбургер», которое легло в основу одноименного фильма.

¹³ АНЗАК – акроним от «Австралийский и Новозеландский армейский корпус» – названия воинского формирования двух титульных стран времен Первой мировой войны. Военнослужащих корпуса называли Анзаками. Австралия и Новая Зеландия участвовали во Вьетнамской войне. Со времени прибытия первых австралийских частей в 1962-м, через Вьетнам прошло примерно 60 000 австралийцев, включая личный состав армии, авиации и флота. В боях погиб 521 человек. Более 3000 получили ранения. Новозеландские военнослужащие во Вьетнаме насчитывали 3890 человек. Убиты 37, ранено 187. В 2005 году правительство Новой Зеландии подтвердило, что во время конфликта поставляло американским военным химикаты «Агент оранж».

– Вообще-то я слышал, как кто-то что-то сказал, но сейчас никак не могу вспомнить, что именно...

– Вот-вот, – подхватил чернокожий собеседник, – я тоже услышал, как кто-то вроде сказал: «Километрах в двадцати от Анкхе», и я... и меня как громом поразило.

– Второй корпус, – сказал Майкл. – Вы стояли малость южнее нас. Меня зовут Майкл Пул, приятно познакомиться.

– Билл Пирс. – Они пожали друг другу руки. – Эта леди – Флоренс Маджески. Ее сын служил в моей части.

Пул вдруг ощутил острое желание обнять пожилую женщину, но он знал, что опять не выдержит и расплачется, и спросил первое, что пришло ему в голову:

– Где это вы раздобыли шляпу АНЗАК?

Пирс ухмыльнулся:

– Да ехал на джипе и сорвал у одного с головы. Бедолага...

И тут Майкл понял, что на самом деле хотел спросить у Пирса.

– Как в такой толпе вам удастся отыскать нужные имена?

– С одного и другого конца Мемориала стоят морпехи, – ответил Пирс. – У них книги со всеми именами и номерами плит, на которых те выбиты. А еще можно спросить у одного из ребят в кепках с желтыми козырьками. Они здесь только сегодня, из-за большого наплыва народу, – Пирс глянул на миссис Маджески.

– В такой вот книге они и нашли нам Тома, – подтвердила она.

– Глядите, вон там один из «козырьков», – Пирс показал направо от Майкла. – Он найдет вам, кого надо.

Посреди небольшой группки людей высокий бородатый белый молодой человек в желтой «кепке-утконосе», справляясь с записями на листах планшета, находил спрашиваемые имена и затем жестами указывал на конкретные гранитные панели.

– Да хранит тебя Бог, сынок, – проговорила миссис Маджески. – Если случится тебе когда-нибудь побывать в Айронтоне, штат Пенсильвания, непременно загляни навестить нас.

– Удачи! – напутствовал Пирс.

– И вам обоим того же, – с улыбкой пожелал Майкл и повернулся уходить.

– Нет, я на полном серьезе! – крикнула ему вслед миссис Маджески. – Непременно приезжай к нам!

Майкл помахал ей и направился к волонтеру в желтой кепке. По меньшей мере две дюжины человек окружили парня, и все они, казалось, тянулись к нему.

– Я не могу заниматься всеми сразу, пожалуйста, по одному, – монотонно просил волонтер голосом жителя Среднего Запада. – Прошу вас, наберитесь терпения.

«А мои, должно быть, уже в отеле, – подумал Пул. – То, что я делаю сейчас, довольно нелепо».

Юноша в желтой кепке очередной раз сверился со своими записями, указал на гранитные панели, вытер пот со лба. Подошла очередь Майкла. На волонтере были голубые джинсы и расстегнутая наполовину джинсовая рубашка поверх взмокшей серой футболки. Его борода блестела от пота.

– Имя, – спросил он.

– М. О. Денглер, – назвал Пул.

Парень зашуршал страницами с именами на «Д», затем повел пальцем по столбцу.

– Вот. Единственный Денглер – Денглер, Мануэль Ороско из Висконсина. Кстати, я сам родом оттуда. Западная четырнадцатая панель, строка пятьдесят два. Вон там, – он показал направо. Яркие крохотные маки, словно маячки-ориентиры, атели по краям панели, перед которой замерла неподвижно большая толпа. «БОЛЬШЕ НИКАКИХ ВЬЕТНАМОВ», – провозглашал ярко-голубой баннер.

Мануэль Ороско Денглер? Какая неожиданность – испанские имена. Внезапная мысль остановила Майкла, когда он пробирался сквозь толпу к синему баннеру: волонтер назвал ему не того Денглера. Следом он вспомнил слова парня, что в его списках это единственный Денглер. И ведь инициалы совпадали. Значит, Мануэль Ороско и есть его Денглер.

Пул вновь очутился прямо перед Мемориалом. Его плечо касалось плеча лохматого плачущего ветерана с длинными, подкрученными вверх усами. Рядом с ним стояла женщина с платиновыми волосами до пояса своих синих джинсов – она держала за руку такую же светленькую девочку. Ребенок без отца – почти как и Майкл теперь навсегда останется отцом без ребенка. По другую сторону перепаханной тысячами ног полосы дерна, усаженной флажками и скрепленными деревянными палочками венками и фотографиями молодых солдат, перед ним высилась западная четырнадцатая панель. Майкл принялся отсчитывать строки, пока не дошел до пятидесят второй. Высеченное на черном граните имя «Мануэль Ороско Денглер» бросилось ему в глаза. Пул невольно залюбовался почти хирургической точностью и неприукрашенным достоинством гравировки букв. Он знал, что у него никогда не было иного выбора, кроме как стоять перед именем Денглера на плите.

Денглеру нравились даже армейские сухпайки, которые проклинали все остальные бойцы. Он утверждал, что отдающая собачьей едой индюшатина из банки, законсервированная в 1945-м, вкуснее, чем любая снедь, приготовленная когда-либо его мамашей. Денглер любил ходить в дозор. (*«Парни, да я все детство провел в дозоре»*). Жара ли, холод или сырость – все это мало занимало его. Денглер вещал, будто во время ледяных дождей в Милуоки радуги вмерзали в землю, и детишки, выбегая из домов, отламывали каждый по кусочку своего любимого цвета и лизали их, пока те не становились белыми. Ежели разговор заходил о насилии или страхе смерти, то Денглер говорил, мол, во вьетнамских перестрелках столько же насилия и жестокости, сколько перед любым кабаком в Милуоки, а если сунуться внутрь – увидишь кое-что и покруче.

В Драконовой долине Денглер под огнем вытащил с поля боя Тротмана, дотянул его до санинструктора Питерса, не умолкая при этом, – спокойной, юморной своей болтовней подерживая раненого. Денглер был уверен: его не убьют во Вьетнаме.

Пул сделал шаг вперед, стараясь не наступить на фотографию или венки, и пробежался пальцами по острым граням букв имени Денглера, высеченных в холодном камне.

Перед глазами вдруг мелькнула до жути знакомая картина: Спитальны и Денглер бегут вместе сквозь густые клубы дыма ко входу в пещеру в Я-Туке.

Пул отвернулся от Стены. Ему стало настолько тяжело, что он боялся разрыдаться снова. Блондинка с девочкой подарила ему сочувственную, осторожную полуулыбку и притянула дочурку к себе, давая Майклу пройти.

В огромной толпе Пул чувствовал себя совсем одиноким. Ему остро захотелось увидеться со *своими* боевыми товарищами.

2. Записка

1

Майкл был настолько уверен, будто в отеле его уже ждет сообщение от друзей, что, вернувшись и миновав вращающуюся дверь, он напрямик зашагал к стойке регистрации. Гарри Биверс заверил его, что вместе с остальными прибудет «во второй половине дня». Часы показывали без десяти пять.

Пул еще на ходу стал искать глазами записку в ячейках на стене за спиной портье, едва различая цифры номеров под ними. Когда он миновал почти три четверти вестибюля и подошел к стойке, то увидел один из белых фирменных бланков сообщений отеля, лежавший по диагонали в ячейке его номера. Усталость как рукой сняло. Биверс и двое других прибыли.

Майкл подошел к конторке и поймал взгляд клерка.

– Для меня оставили записку. Пул, номер двести четыре, – сообщил он и, достав из кармана пиджака громадных размеров ключ, предъявил его клерку. Тот принялся рассматривать стену за своей спиной с неторопливостью, едва не взбесившей Майкла. Наконец нужная ячейка отыскалась, и клерк, вытянув из нее записку и передавая Майклу, попутно взглянул на нее, затем улыбнулся.

– Сэр.

Майкл взял бланк, взглянул сначала на имя и, повернувшись спиной к клерку, прочитал. «Пыталась перезвонить тебе. Ты правда бросил трубку, не дав мне договорить? Джуди» Время 3:55 было проставлено на бланке фиолетовыми чернилами – Джуди перезвонила тотчас после того, как он вышел из номера.

Майкл развернулся и встретился с безучастным взглядом клерка.

– Мне хотелось бы знать, заселился ли уже кое-кто из гостей, которые должны были прийти к этому времени?

Пул проговорил имена друзей по буквам.

Клерк неторопливо поклацал клавишами компьютерного терминала, нахмурился, опустил голову, снова нахмурился и, ничуть не изменив позы, глянул искоса на Майкла и сообщил:

– Мистер Биверс и мистер Пумо еще не прибыли. Мистер Линклейтер номер не бронировал.

Конор, по-видимому, решил сэкономить, устроившись ночевать в номере Пумо.

Пул развернулся, сложил послание Джуди, убрал в карман пиджака и только сейчас обратил внимание, насколько изменился вестибюль отеля за то время, пока он гулял. Банкетки и столики теперь занимали мужчины в темных костюмах и галстуках в полоску. У большинства растительность на лице отсутствовала, на груди белели бейджики с крупно напечатанными именами. Они негромко переговаривались, справлялись с данными в блокнотах с линованной бумагой и заносили цифры в карманные компьютеры. В период восемнадцати фантастических месяцев после возвращения из Вьетнама Майкл Пул мог почти наверняка определить, побывал ли человек во Вьетнаме, по одной лишь осанке и движениям. С тех пор это его умение отличать ветеранов от гражданских почти угасло, однако сейчас он знал: насчет этой группы посетителей отеля не ошибся.

– Добрый день, сэр! – звонко прозвучало откуда-то рядом с его локтем.

Пул опустил взгляд на лучезарно улыбающуюся молодую женщину с фанатичным лицом в облаке взбитых светлых волос. Она держала поднос со стаканами, наполненными темной жидкостью.

– Позвольте поинтересоваться, сэр, являетесь ли вы ветераном Вьетнамского вооруженного конфликта?

– Я был во Вьетнаме, – ответил Пул.

– Компания «Кока-кола» вместе со всей Америкой благодарит вас лично за усилия, проявленные во время Вьетнамского конфликта. С радостью пользуясь возможностью выразить нашу благодарность, мы хотели бы представить вам наш новый продукт «Диет-колу» с надеждой, что напиток доставит вам удовольствие, которым вы поделитесь со своими друзьями и соратниками-ветеранами.

Пул поднял глаза и увидел, что высоко на стене над вестибюлем подвешен ослепительно-красный баннер из материала, напоминающего парашютный шелк. Белая надпись на нем гласила: «Корпорация „Кока-кола“ и ее „Диет-кола“ приветствуют ветеранов Вьетнама!» Он вновь опустил взгляд на девушку.

– Пожалуй, я пас.

Девушка включила обаяние улыбки на полную мощность и сделалась вдруг удивительно похожей на всех стюардесс рейса из Сан-Франциско, которым Пул летел во Вьетнам. Затем она отвела взгляд и отошла прочь.

Портье сообщил:

– Сэр, помещение для встреч ветеранов внизу. Вы можете спуститься – возможно, ваши друзья уже ждут вас там.

2

Управленцы в синих костюмах потягивали напитки, притворяясь, что не наблюдают за девушками, лавирующими между столиков с холодными улыбками на лицах и подносами с «Диет-колой» в руках. Майкл коснулся кармана пиджака, в котором лежала записка Джуди. Либо листок бумаги, либо кончики его пальцев были горячими. Хорошо бы сесть в баре вестибюля лицом к входной двери, чтобы понаблюдать за прибывающими, но если он так сделает, через пару минут его наверняка опять спросят, не воевал ли он во Вьетнаме.

Пул подошел к лифтам и дождался, пока странная компания нескольких ветеранов вперемишку с управленцами «Кока-колы» не покинула кабину, при этом каждая группа делала вид, что другой не существует. В лифт вместе с ним шагнул только один человек – гороподобное пьяное существо в тигровом камуфляже. Ветеран взгляделся в панель с кнопками этажей и нажал «16» четыре или пять раз, после чего привалился спиной к поручню задней стенки лифта и громко рыгнул, наполнив кабину густым духом бурбона. В этот момент Пул узнал в нем водителя микроавтобуса, смявшего на стоянке «камаро».

– Ты же знаешь ее, а? – спросил его человек-гора и, выпрямившись, начал горланить песню, которую Пул, как и все ветераны до единого, знали наизусть. – «Дорога домой, как бы я хотел вернуться домой!..»¹⁴

Пул подхватил его песню со второй строки, тихонько и фальшиво подпевая, но тут лифт остановился и двери раскрылись. Гигант, прикрыв глаза, продолжал петь, пока Пул делал шаг с коричневого ковролина лифта на зеленый палас холла. Двери сомкнулись. Лифт пошел вверх: из шахты, затихая, неслась песня.

¹⁴ «Дорога домой» (Homeward Bound, 1966) – песня американского фолк-рок дуэта «Саймон и Гарфанкел», написанная Полом Саймоном.

3. Воссоединение

1

Северовьетнамский солдат, выглядевший как двенадцатилетний мальчик, стоял над Пулом, тыча ему в шею стволом контрабандного шведского пулемета, который он, должно быть, заполучил, убив кого-то. Пул притворился мертвым, чтобы боец ВНА¹⁵ не застрелил его: глаза Майкла были закрыты, но он отчетливо видел лицо солдата. Жесткие черные волосы падали на высокий, без единой морщинки лоб. Черные глаза и резко очерченный, почти безгубый рот – ничего не выражающее бесстрастное лицо казалось почти безмятежным. Когда ствол пулемета больно вдавливался в шею, Пул, расслабив мышцы, позволял своей голове безвольно скользить по жидкой грязи, в реалистичной, как он надеялся, имитации смерти. Ему нельзя было умирать – он был отцом и просто обязан жить. Огромные жуки кружили в воздухе над его лицом, ему казалось, будто их радужные крылья клацают, словно ножницы.

Ствол перестал давить ему шею. Огромная капля пота выползла из-под правой брови Пула и сползла в маленькую впадину между переносицей и уголком глаза; одно из мерзко скрежещущих насекомых на лету врезалось ему в губы. Когда боец ВНА не перешел от него ни к одному из валявшихся рядом «настоящих» трупов, Пул понял, что умрет. Жизни его конец, и он никогда не узнает своего сына Роберта. Он остро почувствовал любовь к своему мальчику, которого никогда не видел, и следом – так же остро, – что прямо сейчас, здесь, на узеньком, заваленном мертвецами поле, вьетнамец разнесет ему голову.

Однако выстрела не последовало. Еще один из рыжих жуков шлепнулся ему на лоснящуюся от пота щеку, как пуля на излете, и прошло безумно долгое время, прежде чем насекомое, повозившись, стало на лапы и свалилось на землю. Затем Пул услышал негромкий щелчок и шорох, будто некий металлический предмет доставали из кожуха. Ноги вьетnamца чуть сдвинулись, когда он перенес вес своего тела: Майкл понял, что тот опускается на колени подле него. Действуя уверенно и безразлично, вьетнамец тоненькой, как у девушки, рукой вдавил его голову в жидкую грязь, а затем резко потянул за правое ухо. Видимо, Майкл так удачно симитировал смерть, что боец ВНА решил заполучить его ухо в качестве трофея. Глаза Пула распахнулись как бы сами по себе и там, по ту сторону длинного серого лезвия ножа – где должны были увидеть небо, – уткнулись в застывшие черные глаза солдата врага. Северовьетнамец потрясенно ахнул. На полсекунды воздух между ними наполнился тошнотворным запахом рыбного соуса.

Резко согнувшись пополам, Пул слетел с кровати, и боец ВНА растаял. В номере звонил телефон. Первое, что Пул ясно осознал, было то, что его сына больше нет. Не стало также и трупов, и ковыляющих жуков. Пул нащупал рукой телефон.

– Майк? – звонко прозвучало из трубки.

Оглянувшись через плечо, он увидел безвкусные выцветшие обои, картину с туманным китайским ландшафтом над кроватью. Следом отметил, что может свободно дышать.

– Да, это Майкл Пул, – проговорил он в трубку.

– Майки! Привет! Что-то голос у тебя какой-то стремный, дружище, – Пул наконец узнал голос Конора Линклейтера; отвернувшись от микрофона, тот проговорил кому-то: – Эй, я дозвонился до него, он у себя в номере. Я же говорил, помнишь, Майкл будет в своем номере. – Затем снова в трубку: – Старик, а ты что, не получил нашу записку?

¹⁵ Вьетнамская народная армия.

Майкл вспомнил, что разговоры с Линклейтером, как правило, носили более эмоциональный характер, чем с большинством других людей.

– Выходит – нет... А вы когда приехали? – он взглянул на часы и понял, что проспал полчаса.

– Примерно в полпятого, старик, и сразу же тебе позвонили, а нам сначала сказали, что здесь таких нет, а Тина заставил их проверить еще разок, и тогда они сказали, что да, здесь, но телефон у тебя в номере не отвечал. А что это ты не ответил на наше послание?

– Я ходил к Мемориалу, – ответил Пул. – Вернулся почти в пять, заснул, и вы вытащили меня из жуткого кошмара.

Конор не попрощался и не повесил трубку. Более мягким тоном он сказал:

– Старик, ты говоришь так, будто этот кошмар здорово тебя напугал.

Грязная рука тянет его за ухо, силясь оторвать; напитанная кровью земля... В памяти Пула всплыла картина: поле в голубоватой дымке раннего утра, смертельно уставшие люди несут тела убитых к нетерпеливо поджидающим вертолетам. На головах некоторых трупов чернели кровавые дыры в тех местах, где прежде были уши.

– Похоже, я снова побывал в Драконовой долине, – проговорил Майкл, вдруг поняв, что ему снилось.

– Ладно, не дрейфь, – сказал Конор Линклейтер. – Мы уже идем.

В ванной Пул плеснул в лицо водой, наспех вытерся полотенцем и всмотрелся в свое отражение в зеркале. Несмотря на краткий сон, выглядел он бледным и усталым. Рядом с его зубной щеткой на полочке лежал прозрачный блистер с поливитаминами. Он выдавил одну таблетку и проглотил.

Прежде чем прогуляться по коридору к льдогенератору, он набрал номер для прослушивания сообщений.

Мужской голос доложил, что для него оставлены два сообщения.

– Первое зарегистрировано в три пятьдесят пять, и в нем говорится: «Пыталась тебе перезвонить...».

– Это сообщение я забрал на ресепшн, – не дал договорить Пул.

– Второе – время регистрации четыре пятьдесят, его текст: «Мы только что прибыли. Ты где? Когда вернешься, набери 1315. Подпись: Гарри».

Они позвонили ему в тот момент, когда он был еще внизу, в вестибюле.

2

Майкл Пул расхаживал между окном, выходившим на парковку отеля, и дверью. Всякий раз подходя к двери, он останавливался и прислушивался. В шахтах, гудя, трудились лифты, по коридору персонал проворно возил тележки, повизгивающие колесиками. Вскоре на его этаже коротко дзинькнул остановившийся лифт, и Майкл, распахнув дверь номера, выглянул в коридор. К нему спешил подтянутый седовласый мужчина в белой рубашке и голубом костюме с именным бейджем на лацкане, на несколько шагов опережая высокую блондинку в сером фланелевом костюме и узорчатом платке, повязанном на шее замысловатым бантом. Пул втянул голову назад и закрыл дверь. Он слышал, как в коридоре мужчина возится с ключом у своего номера. Пул вернулся к окну и взглянул на автостоянку. С полдюжины мужчин, одетых в несочетаемые элементы военной формы, расселись на капотах и багажниках припаркованных автомобилей с банками пива в руках. Отсюда создавалось впечатление, будто они поют. Пул вернулся к двери и стал ждать. Едва заслышав, что лифт снова остановился на его этаже, он открыл дверь и высунулся в коридор.

Высокий возбужденный Гарри Биверс вместе с Конором Линклейтером шагнули из лифта в коридор, а через секунду за ними следом появился Тина Пумо – у последнего был

какой-то опустошенный, задерганный вид. Конор заметил Майкла первым и, подняв сжатый кулак, расплылся в улыбке и крикнул:

– Майки, детка!

В отличие от того Конора Линклейтера, которого Майкл видел последний раз, этот был гладко выбрит, рыжеватые волосы были подстрижены коротко, почти как у панка. Как правило, Конор носил мешковатые синие джинсы и рубашки в клетку, однако нынче на удивление тщательно позаботился о своем гардеробе. Раздобыл где-то черную футболку с трафаретной надписью большими желтыми пляшущими буквами «Эйджент оранж» и поверх нее напялил свободный, с множеством карманов, черный джинсовый жилет с экстравагантной, отчетливо различимой белой прострочкой. Наряд довершали черные брюки с отлично заутюженными стрелками.

– Конор, я не сплю? Ты классно выглядишь! – Пулвышел в коридор, придерживая вытянутой левой рукой открытую дверь номера. Линклейтер, ростом на полфута ниже Майкла, подошел к нему и крепко обнял.

– Дружище, – проговорил он куда-то в подбородок Майклу и игриво поцеловал его. – Усилада глаз моих печальных!

Ухмыляясь проявлению «зрелого линклейтеризма», к ним подкрался Гарри Биверс, окутанный облачком мускусного одеколона, и тоже неловко обнял Майкла, больно ударив уголком портфеля бедро.

– Майкл, мои «печальные глаза» тоже рады видеть тебя, – шепнул ему в ухо Биверс.

Пул деликатно отстранился, и его глазам предстал в увеличенном масштабе детальный вид крупных, перекрывающих друг друга желтоватых зубов Гарри Биверса.

А в это время Тина Пумо шагал перед ними по коридору взад-вперед, пряча свирепую ухмылку под густыми усами.

– Так ты спал, – спросил Пумо, – и не получал нашего сообщения?

– Виноват, можете меня расстрелять, – ответил Пул, улыбаясь Пумо.

Конор и Биверс отлепились от него и направились по отдельности к двери его номера. Пумо наклонил голову – в точности как Том Сойер, только не ковыряя носком ботинка ковер, – и проговорил:

– Черт, Майки, я бы тоже не прочь обнять тебя... – и обнял Пула. – Рад снова видеть тебя, дружище.

– Я тоже, – сказал Майкл.

– Давайте лучше зайдем внутрь, а то арестуют за организацию оргии, – предложил Гарри Биверс, стоя уже на пороге номера Майкла.

– Фу, противный, – сдохмил Конор Линклейтер, тем не менее двинулся к дверному проему, глянув искоса на двух друзей. Пумо засмеялся, похлопал Майкла по спине, после чего выпустил из объятий.

– И что вы, ребята, поделывали с тех пор, как попали сюда? – спросил Майкл. – Помимо того что кляли меня на чем свет стоит?

Расхаживая по номеру, Конор ответил:

– Крошка Тина все парился о своем ресторане.

«Крошка Тина» было отсылкой к происхождению прозвища Пумо, которое поначалу было Тайни¹⁶, когда он был маленьким ребенком в маленьком городке на севере штата Нью-Йорк, позднее поменялось на Тини и в конце концов – на Тина. Десяток лет проработав в различных ресторанах, Пумо сейчас имел свой собственный в Сохо: ресторан вьетнамской кухни. Несколько месяцев назад его заведение щедро расхвалили в журнале «Нью-Йорк».

¹⁶ От *англ.* *tiny* – крошка.

– Представляешь, он уже два раза звонил куда-то. Он и Департамент здравоохранения, похоже, готовят мне бессонную ночь, – продолжил Конор.

– Да там на самом деле ничего серьезного, – заверил Тина. – Просто я выбрал неподходящее время, чтобы уехать. В ресторане оставались кое-какие дела, и я хочу убедиться, что все сделано как надо.

– Департамент здравоохранения? – переспросил Майкл.

– В самом деле, ничего серьезного. – Пумо растянул рот в бодрой улыбке, усы у него топорщились, радостные складочки в уголках глаз словно удлинились и сделались резче. – Дела у нас идут отлично. Почти каждый вечер аншлаг. – Он присел на краешек кровати. – Вон Гарри не даст соврать.

– Не дам, – сказал Гарри. – Ты воплощение истории успеха.

– Как вам отель, освоились? – спросил Пул.

– Сходили, взглянули на помещение для встреч ветеранов, побродили по отелю, осмотрелись, – рассказал Пумо. – Солидное намечается мероприятие. – Если есть желание, можем вечером собраться посидеть.

– Тоже мне, солидное мероприятие! – сказал Биверс. – Куча мужиков собрались груши околачивать. – Он повел плечами, скинув пиджак на спинку стула, на котором сидел, и явив свету красные с белыми херувимчиками подтяжки. – Организации никакой, nada, rien¹⁷. Единственные, у кого здесь все более-менее организовано, – это Первая воздушная кавалерия¹⁸. У них есть свой выставочный стенд, они помогают ребятам своего подразделения найти друг друга. Да, мы осмотрелись здесь, но не уверен, что видели хоть кого-то из всей нашей чертовой дивизии. Мало того, нам отвели этот вониючий захламленный холл, который больше смахивает на школьный спортзал. Там, правда, тоже есть выставочный стенд – с «Диет-колой», если это кому интересно.

– Хм, школьный спортзал... – пробормотал Конор. Остановившимся взглядом он смотрел на прикроватный светильник.

Пул улыбнулся Тине – тот ответил улыбкой. Линклейтеер поднял лампу и осмотрел внутреннюю часть абажура, затем поставил на место, провел пальцами по шнуру и, наткнувшись на выключатель, включил, а затем выключил ее.

– Да сядь ты уже, Конор, – попросил Биверс. – Ты меня нервируешь, когда вот так начинаешь возиться со всякой ерундой. Нам предстоит серьезный разговор, надеюсь, ты помнишь.

– Да помню, помню, – возмутился Конор, отворачиваясь от лампы. – А сесть, кстати, некуда: Тина занял кровать, а вы с Майклом – оба стула.

Гарри Биверс встал, сдернул со спинки стула свой пиджак и театральным жестом предложил Конору присаживаться.

– Если это поможет вам успокоиться, я с удовольствием уступлю свой стул. Это тебе, Конор, садись, – захватив свой стакан, он уселся на кровать рядом с Пумо. – Надеешься, что сможешь уснуть в одной комнате с этим типом? Он ведь наверняка до сих пор по ночам разговаривает сам с собой.

– Это наследственное, *лейтенант*, у меня в семье все разговаривают сами с собой, – сказал Конор. Он подвинулся вместе со стулом поближе к столу и принялся барабанить по столешнице пальцами, будто по воображаемым клавишам фортепьяно. – В Гарварде, полагаю, ведут себя несколько иначе...

– Я не учился в Гарварде, – вяло парировал Биверс.

– Майки! – с сияющей улыбкой Конор обратился к Пулу, будто только что заметил его. – Как же я рад видеть тебя! – Он хлопнул Пула по спине.

¹⁷ Nada, rien (*исп.*) – ничего, просто ничего.

¹⁸ «Воздушная кавалерия» – воздушно-десантная группа.

– О да! – подхватил Тина Пумо. – Как дела, Майкл? Давненько не виделись...

Сейчас Пумо жил с красавицей-китайкой лет двадцати с небольшим по имени Мэгги. Ее брат работал барменом в «Сайгоне». До Мэгги у Тины была целая серия девушек, каждую из которых он, по его заверениям, беззаветно любил.

– Есть на уме кое-какие изменения, – ответил Майкл. – Забот полон рот, за день, бывает, так накрутишься, что ночью с трудом помнишь, чем занимался днем.

В дверь громко постучали.

– Обслуживание номеров, – пояснил Майкл и встал.

Официант вкатил тележку и расставил на столе бутылки и стаканы. Атмосфера в номере сделалась более праздничной, когда Конор открыл «Будвайзер», а Гарри Биверс налил в пустой стакан водку. Майклу не удалось поделиться с друзьями своим наполовину сформировавшимся планом продать практику в Вестерхольме и попробовать себя в каком-нибудь «суровом» районе – Южном Бронксе, например, – где детям действительно не хватает врачей. Всякий раз, когда дома он заводил разговор об этом, Джуди выходила из комнаты.

Когда официант ушел, Конор растянулся на кровати, перекатился на бок и спросил:

– Так, значит, видел имя Денглера? Там, на плите?

– Видел. Хотя кое-что стало для меня сюрпризом. Знаете, как его полное имя?

– М. О. Денглер, – ответил Конор.

– Не валяй дурака, – попросил Биверс. – Марк, если не ошибаюсь, – он взглянул на Тину, словно прося подсказки, но тот лишь нахмурился и пожал плечами.

– Мануэль Ороско Денглер, – объявил Майкл. – Сам себе удивляюсь, что не знал этого раньше.

– *Мануэль?* – поразился Конор. – Денглер был *мексиканцем?*

– Майкл, ты нашел не того Денглера, – со смешком проговорил Пумо.

– Черта с два, – отмел Майкл. – Там не просто один М. О. Денглер, там всего один-единственный с фамилией Денглер. И это наш.

– Мексиканец, значит, – задумчиво проговорил Конор.

– Кто-нибудь когда-нибудь слышал о мексиканцах с фамилией Денглер? Может, родители просто дали ему испанское имя. Кто знает? И кого это вообще волнует? Он был первоклассным солдатом, вот и все, что я знаю. Хотел бы я...

Не договорив, Пумо поднес к губам стакан, и все словно по команде умолкли, несколько секунд храня упругую тишину.

Линклейтер пробормотал под нос что-то невнятное, пересек комнату и уселся на полу.

Майкл встал, чтобы добавить в свой стакан свежих кубиков льда, и обратил внимание, что Линклейтер сидит, зажав меж коленей коричневую бутылку пива, привалившись спиной к стене, весь в черном – похожий на чертенка. Оранжевая надпись на его футболке была того же оттенка, что и его волосы. Конор смотрел на него с ответной загадочной полуулыбкой.

3

«Может, Боб Биверс и не учился в Гарварде или Йеле, – размышлял Конор. – Но несомненно побывал в таком заведении, где окружающие просто принимали все как должное». Конор полагал, что в Соединенных Штатах процентов девяносто пять людей всерьез озабочены лишь тем, где и как раздобыть денег, – их нехватка сводит американцев с ума. Они завязывали с выпивкой, пускались во все тяжкие и совершали грабежи: забвение, конфликт, забвение. Остальные пять процентов населения скользили над этой суматохой, как пена на гребне волны. Они ходили в школы, которые посещали их отцы, они вступали в брак и разводились, как Гарри женился и развелся с Пэт Колдуэлл. У них была работа, на которой они перекладывали с места на место бумажки и трещали по телефону. Сидя в кабинетах за рабочими столами,

они наблюдали, как деньги текут в открытую дверь, возвращаясь домой. Даже работу свою они передавали друг другу: Гарри Биверс, который проводил за барной стойкой ресторана Пумо столько же времени, сколько и за рабочим столом, трудился в юридической фирме, которой руководил брат Пэт Колдуэлл.

Когда Конор был мальчишкой в Южном Норуолке, своего рода удивление и возмущенное любопытство заставляли его крутить педали своего старенького «швинна» по шоссе 136 до Маунт-авеню в Хэмпстеде. Жители Маунт-авеню были настолько богаты, что почти невидимы, как и их скрытые от посторонних взглядов дома: с дороги можно было рассмотреть лишь отдельные кусочки кирпичных или оштукатуренных стен. Могло показаться, что большинство этих стоявших на побережье особняков пустует и населяют их одни лишь слуги, хотя время от времени взгляд юного Конора подмечал очевидного жильца-владельца. Из своих кратких наблюдений Конор узнал, что хотя владельцы обычно носили такие же серые костюмы и синие рубашки, как большинство обитателей Хэмпстэда, иногда они красовались в рубашках разгульно-розового и кислотно-зеленого оттенков, уморительных галстуках-бабочках и тусклых двубортных костюмах. Происходящее напоминало сказку «Новое платье короля»: никому не хватало смелости сказать миллионерам-протестантам, насколько нелепо они выглядят. (Отчего-то Конор был уверен, что ни один из этих людей не может быть католиком.) Это ж надо, галстук-бабочка! Красные подтяжки с ангелочками!

Конор не мог не улыбнуться про себя: вот он я, почти без гроша в кармане, однако считаю преуспевающего адвоката достойным моей жалости. На следующей неделе у него работа – обшивка кухни гипсокартоном, за которую он может получить пару сотен долларов. Хотя Гарри Биверс, пожалуй, в состоянии заработать вдвое больше, просто сидя на барном стуле и болтая с Джимми Ла. Конор поднял глаза и встретился взглядом с Майклом Пулом – тот глядел на него с таким выражением, будто думал о том же.

Биверс как всегда припас в рукаве какую-нибудь ахинею, подумал Конор, но Майклу хватало ума не попасться на удочку.

Конор вновь улыбнулся про себя, вспомнив, как Денглер называл людей, которые никогда не испытывали страха и принимали все как должное, – мультяшными. Теперь мультяшные заправляли всем, они карабкались вверх, сшибая все на своем пути. В наши дни казалось, что половина посетителей «У Донована», любимого бара Конора в Южном Норуолке, имели дипломы MBA¹⁹, пользовались муссом для волос и пили исключительно коктейли. У Конора было ощущение, что эти кардинальные изменения произошли все разом, что все эти новые люди только что выпрыгнули из экранов собственных телевизоров. И Конор почти жалел этих людей – настолько убогими и извращенными оказались их нравственные ценности.

Мысли о «мультяшках» удручили Конора. Ему захотелось как следует добавить, хотя он знал, что по количеству выпитого он уже близок к своей предельной норме. У них же встреча боевых друзей, разве нет? Тоже мне – сидят в гостиничном номере, как кучка старикашек. Он допил остатки своего пива.

– Майки, а налей-ка мне водки, – попросил он и ловко бросил пустую пивную бутылку в корзину для мусора.

– Молоток! – похвалил Пумо, отсалютовав ему стаканом.

Майкл приготовил Конору выпивку и пересек комнату, чтобы передать ему стакан.

– У меня тост, – объявил Конор и встал. – И мне *чертовски приятно* его произносить. – Он поднял стакан. – За М. О. Денглера. Даже если он был мексиканцем, в чем я сомневаюсь.

Конор отпил обжигающе ледяной водки и тотчас проглотил. Он почувствовал себя настолько лучше, что не медля допил остаток.

¹⁹ MBA (англ.) – магистр делового администрирования.

– Черт, я порой настолько отчетливо вижу всю ту хрень, что творилась с нами там, будто это происходило вчера. А что произошло именно вчера, хоть убей, припомнить не могу. В смысле, я о том парне, что заправлял клубом в Кэмп-Крэндалл, помните, он еще соорудил гигантскую стену из пивных ящиков...

– Мэнли, – рассмеялся Пумо.

– Мэнли! Долбаный Мэнли. И как вспомню, так сразу начинаю ломать голову, как он умудрялся добывать все это пиво там? А затем начинает вспоминаться всякая мелочовка – что и как он делал.

– Этот парень словно родился за барной стойкой, – вставил слово Биверс.

– В точку! Держу пари, у него сейчас свой маленький бизнес, в котором все выстроено как надо, а еще жена, дети, хорошая тачка, а к стене гаража прикручено баскетбольное кольцо...

Конор на секунду устремил взгляд в пространство, как бы наслаждаясь своим видением нынешнего образа жизни Мэнли. Где-нибудь в провинции или пригороде Мэнли катался бы как сыр в масле. Этот человек мыслил как преступник, не будучи на самом деле таковым, и потому, наверное, сейчас зарабатывал кучу денег, занимаясь чем-то вроде установки систем безопасности. Затем Конор вспомнил, что в некотором смысле именно с Мэнли и начались все их беды там, во Вьетнаме...

За день до того, как они вошли в Я-Тук, Мэнли отбилсЯ от колонны и оказался в джунглях один. Не отдавая себе отчета в том, что он всех демаскирует, Мэнли вдруг поднял страшный шум, словно запаниковавший шестифутовый шмель. Все в колонне замерли. Снайпер, известный по кличке Элвис, преследовал их уже два дня, и переполох, устроенный Мэнли, оказался именно тем, что было нужно снайперу для фарта. Конор уже давно понял, как уметь «раствориться» на фоне джунглей. В этой его способности было что-то мистическое. Конор мог становиться практически невидимым (и по себе знал, как это работает: дважды вьетконговские патрули смотрели прямо на него и – не замечали). Почти так же, как Конору, удавалось прятаться Денглеру, Пулу, Пумо и даже Андерхиллу, но Мэнли маскироваться совсем не умел. В ярости и готовый прибить Мэнли, если это только заставит того замолчать, Конор начал беззвучно пробираться через джунгли на шум. В течение ничтожной доли секунды он – нет, не услышал, а словно телепатически понял, что за ним по пятам следует Денглер.

Мэнли они обнаружили в зарослях: тот прорубался через зеленую завесу с мачете в одной руке и М-16 у бедра – в другой. Конор начал было бесшумно скользить к нему, раздумывая, не перерезать ли ему глотку, когда рядом с Мэнли материализовался Денглер и перехватил его руку, сжимавшую мачете. На секунду оба замерли. Конор прокрался вперед, опасаясь, что Мэнли может вдруг заорать, как только его отпустит «столбняк». И в этот момент услышал одиночный выстрел справа от себя, где-то под зеленым пологом зарослей, и увидел, как Денглер упал навзничь. Конор ощутил такой внезапный и глубокий шок, что почувствовал, как вмиг похолодели руки и ноги.

Вместе с Мэнли они повели Денглера обратно к колонне. Несмотря на то что выстрел сбил его с ног и кровотечение не останавливалось, ранение оказалось лишь поверхностным. Пуля вырвала из левой руки кусок плоти размером с мышь. Петерс заставил его лечь на землю, тампонировал и перевязал рану и объявил, что он способен передвигаться самостоятельно.

Не будь Денглер ранен, даже так легко, Я-Тук мог бы остаться просто очередной брошенной деревней на их пути. Вид страдающего от боли Денглера ожесточил всех, усилив нервозность и страх. Быть может, дурную службу сыграла их слепая вера в неуязвимость Денглера. Увидев его раненого и окровавленного на земле, Конор вновь испытал тот же шок, как и в момент ранения. После этого ничего не стоило сорваться, потерять контроль над собой и начать все крушить в Я-Тук. После этого изменилось все и никогда уже не было как прежде. Изменился даже Денглер – возможно, из-за огласки и военного трибунала.

Сам Конор постоянно пребывал под таким сильным кайфом, что до сих пор не в состоянии вспомнить кое-что из того, что происходило в течение нескольких месяцев между событиями в Я-Туке и датой его возвращения домой по демобилизации. Одно он помнил точно: перед самым заседанием военного трибунала он отрезал уши у мертвого северовьетнамского солдата и сунул ему в рот игральную карту с надписью «Коко».

Конор понял, что рискует снова впасть в депрессию. Он пожалел, что вообще упомянул Мэнли.

– Пополнить запасы! – скомандовал он и, подойдя к столу, подлил водки себе в стакан. Трое друзей продолжали смотреть на Конора и улыбались своему заводу, зная его способность обеспечить хорошее настроение.

– За девятый батальон двадцать четвертого пехотного полка!

Конор проглотил очередную порцию ледяной водки, и в его сознании вдруг всплыло лицо Харлана Хюбша. Буквально через несколько дней после появления в Кэмп-Крэндалле этот бедняга из Орегона споткнулся о растяжку и его разорвало пополам. Конор так отчетливо помнил гибель Хюбша, потому что примерно через час после нее, когда они наконец добрались до другого конца маленького заминированного поля, Конор растянулся на поросшей травой дерновой плотине и вдруг заметил длинный спутанный моток тонкой проволоки, зацепившейся за шнурки его правого ботинка. Единственное различие между ним и Хюбшем состояло в том, что мина Хюбша сработала так, как должна была. Теперь Харлан Хюбш стал именем на плите Мемориала – Конор пообещал себе, что непременно отыщет его, как только они все придут туда.

Биверсу захотелось выпить за Железного Дровосека, и, хотя все присоединились к его тосту, Линклеитер знал, что из всех один Боб был искренен. Майкл Пул поднял тост за Си Ван Во, что Конору показалось забавным. Затем Конор заставил всех выпить за Элвиса. А Тина Пумо провозгласил тост за Дон Куччио – проститутку, с которой он познакомился в отпуске в Сиднее, Австралия. Идея выпить за нее так развеселила Конора, что тот, хохоча, привалился спиной к стене, чтобы не упасть.

Однако следом его вновь стали одолевать невеселые мрачные чувства. Ведь если принять действительность как она есть – он всего лишь безработный малоквалифицированный работник, сидящий в компании с адвокатом, врачом и владельцем ресторана настолько модного, что его фотографии печатают в журналах.

Конор поймал себя на том, что пристально смотрит на Пумо, который выглядел так, словно сошел со страницы GQ²⁰. Тина всегда отлично смотрелся – особенно в интерьерах своего ресторана. Конор заглядывал в его заведение раз-другой в год, но большую часть денег, как правило, оставлял в баре. В свой последний визит видел там соблазнительную миниатюрную китаяночку – должно быть, ту самую Мэгги.

– А скажи-ка, Тина, какое блюдо в твоём ресторане самое-самое? – язык немного подвел Конора, и «самое-самое» он произнес слегка невнятно, но, как ему показалось, остальные этого не заметили.

– Полагаю, утка по-сайгонски, – ответил Тина. – По крайней мере, на сегодняшний день оно у меня самое любимое. Маринованная жареная утка с сушеной рисовой лапшой... Нечто потустороннее!

– С тем самым рыбным соусом?

– Ты про соус Ньюк-мам²¹? Само собой.

²⁰ GQ (Gentlemen's Quarterly) – ежемесячный мужской журнал.

²¹ Соус Ньюк-мам входит практически во все национальные блюда Вьетнама, а также его использует в своей кухне практически вся Юго-Восточная Азия. Представляет собой жидкость с запахом тухлой рыбы, имеет красно-коричнево-золотистый цвет.

– Не понимаю, как можно есть такую гадость, – скривился Конор. – Помнишь, старина, ведь когда мы были там, мы точно знали, что это дерьмо несъедобно?

– Нам тогда было по восемнадцать лет, – ответил Тина. – Нашим представлением о классной еде был гамбургер с картошкой фри.

Конор не отважился признаться Тине, что его представление о классной еде по-прежнему не изменилось. Он принял самое верное, как ему показалось, решение – выпил залпом еще одну порцию водки... и совсем приуныл.

4

Однако скоро все опять стало почти как в старые добрые времена. Конор узнал, что наряду со всеми обычными жизненными трудностями Тине Пумо теперь приходилось иметь дело с новыми впечатляющими заморочками, вызванными тем, что Мэгги мало того, что моложе почти на двадцать лет и такая же сумасбродная, как и он, но к тому же и умнее его. Как только она переехала к Тине, тот стал ощущать «слишком большое давление» на себя. Подобное случалось с Пумо и прежде, однако в отличие от прежних романов разница состояла в том, что через несколько месяцев Мэгги исчезла. И вот теперь морочит ему голову. Она позвонила ему по телефону, но отказалась сообщить, где остановилась. Время от времени Мэгги оставляла ему зашифрованные сообщения на последней странице «Вилледж войс».

– Можете представить, каково это – читать последнюю страницу «Воис», когда вам сорок один год? – возмущался Пумо.

Конор представить не мог, поскольку ни одного номера «Виллидж воис» не читал. Он покачал головой.

– Каждая ошибка, которую ты когда-либо совершал с женщиной, здесь пропечатана черным по белому. Запасть на чью-то внешность: «Красивая блондинка в футболке с Вирджинией Вулф в „Седутто“. Мы едва-едва поговорили, и теперь я кусаю локти». «Уверена, у нас может получиться что-то необыкновенное. Позвони человеку с рюкзаком. 581-4901». Роман-тика идеализации: «Сьюки, ты — моя падающая звездочка. Жить без тебя не могу. Билл». Амурные страдания: «Сердце разрывается с тех пор, как ты ушла. Потерявший надежду из Йорквилла». Мазохизм: «Драчунья. Не терзайся, я тебя прощаю. Гриб-дождевик». Милота: «Твинки-какашка. Бьет баклуши и любит сладенькое». Неуверенность: «Мескит. Я все еще думаю. Маргарита». Там еще столько всего... Молитвы святому Иуде. Номера телефонов, по которым можно позвонить, если хочешь слезть с кокса. Избавление от облысения. Масса объявлений о частных танцах. И регулярно, каждую неделю – «Евреи за Иисуса»²². Но в основном – все эти разбитые сердца, страдания и муки прекрасных двадцатилетних. И вот, Конор, представь, я должен пожирать глазами эту страницу и ломать голову, как над Розеттским камнем. И каждую среду утром лететь за этой газетенкой, едва она попадает на лотки, чтобы потом перечитывать страницу объявлений четыре или пять раз, потому что одного-двух раз мало: можно пропустить то, что ищешь. Сначала мне надо распознать из кучи объявлений то самое, что от нее. Иногда она себя называет «Тайп-А», или «типичный представитель А», что означает Тайбэй, где она родилась, в другой раз – «Кожаная леди». Или «Молодая луна» – недавно она наколола себе татушку – полумесяц.

– А в каком месте? – поинтересовался Конор. Его немного отпустило, и он лишь чувствовал себя слегка пьяным. По крайней мере, он не так облажался, как Пумо. – На попке, что ли?

²² Евреи за Иисуса – международная мессианская еврейская некоммерческая организация со штаб-квартирой в Сан-Франциско, штат Калифорния. Группа известна своим прозелитизмом по отношению к евреям и пропагандирует веру в то, что Иисус есть Христос и Сын Божий. Несмотря на свое название, «Евреи за Иисуса» не считается еврейской организацией раввинскими еврейскими властями, которые рассматривают Иисуса как лжепророка, а не мессианскую фигуру.

– Чуток пониже пупка, – ответил Тина. Судя по его виду, он явно пожалел, что заговорил о татуировке своей девушки.

– Мэгги набила татушку полумесяца прямо на киску? – решил уточнить Конор, пожалев, что не присутствовал в тату-салоне во время процесса. Хотя Конор и не был фанатом китайских девушек – все они напоминали ему Леди Дракон из «Терри и пиратов»²³, – он все же не мог не признать, что Мэгги более чем просто хорошенькая. Все в ней казалось таким привлекательно кругленьким, и каким-то непостижимым образом ей удавалось выглядеть гармонично с короткой панковской стрижкой и в одежде, купленной, казалось, уже изодранной.

– Нет, я же сказал, – раздраженно ответил Пумо. – Чуть ниже пупка. Большую часть ее закрывает низ бикини.

– Так это ж почти на киске! – упорствовал Конор. – И полумесяц на волосы заходит, да? А ты был там, когда этот тип делал ей татуху? Ей было больно, она плакала, да?

– Еще б я не был. Стоял, следил за ним, чтоб не отвлекался. – Пумо отпил глоточек из стакана. – Кстати, Мэгги и глазом не повела.

– Большая татуха? С полдоллара? – не успокаивался Конор.

– Если это так тебя колышет, попроси ее показать тебе.

– А что – возьму и попрошу! Ух, вот прямо вижу, как я это делаю.

Тут до слуха Конора долетели обрывки разговора Майкла Пула с Бобом Биверсом: что-то о Я-Туке и рядовом, с которым Пул разговаривал во время парада.

– Участвовал в боевых операциях? – спросил Биверс.

– Выглядел так, будто неделю назад с поля боя, – чуть улыбнувшись, ответил Майкл.

– И что, этот ветеран реально вспомнил все обо мне и сказал, что мне должны были дать Медаль Почета?

– Да, так и сказал. Медаль Почета тебе должны были вручить за то, что ты совершил, а потом отобрать за то, что распустил язык перед журналистами.

Впервые Конор слышал, как Биверс столкнулся с некогда широко распространенным мнением, будто он по дурости своей хвастался перед прессой произошедшим в Я-Туке. Само собой, Биверс повел себя так, будто об этом мнении слышит впервые.

– Да ну, бред, – возмутился Биверс. – Я могу почти согласиться с ним только в том, что касается медали Конгресса. Я горжусь всем, что делал там, как, надеюсь, и вы тоже. Если бы это зависело от меня, нас бы всех наградили. – Он опустил взгляд на свою рубашку на груди, разгладил складки, затем гордо вскинул голову, выпатив подбородок. – Зато люди знают, что мы поступили правильно. Это так же хорошо, как медаль в награду. Люди согласны с решением трибунала, даже если и забыли, что он когда-то имел место.

Странно, думал Конор, как Боб может говорить такое. Каким, интересно, образом «люди» могли знать, что они поступили правильно в Я-Туке, когда даже те, кто там побывал, толком не знали, что именно там произошло.

– Ты удивишься, если узнаешь, сколько у меня знакомых адвокатов, да и судей тоже, которым известно мое имя благодаря той акции, – продолжил Биверс. – Сказать по правде, опыт своего рода героя низшей лиги не раз помогал мне в профессиональном смысле. – Биверс обвел всю компанию взглядом такой слащавой искренности, что Конора едва не стошнило. – Я не стыжусь ничего, что совершил во Вьетнаме. Надо уметь извлекать плюсы из всего, что происходит.

– Сказано от чистого сердца, Гарри, – рассмеялся Пул.

– Ну, а как иначе, это же так важно, – упорствовал Биверс. На пару секунд на его лице отразились обида и недоумение. – Такое впечатление, будто вы все трое в чем-то меня обвиняете.

²³ «Терри и пираты» – приключенческий комикс-боевик (выходил в периоды 1934–1973 и 1995–1997 гг.).

– Я тебя ни в чем не обвинял, Гарри, – сказал Пул.

– Я тоже, – со злым раздражением подхватил Конор и показал на Пумо: – Как и он.

– Мы же все время были рядом, – сказал Гарри, и Конор не сразу понял, что Биверс вновь заговорил о Я-Туке. – Мы всегда помогали друг другу. Были одной командой – все мы, включая Спитальны.

Не в силах больше сдерживаться, Конор перебил его:

– Жаль, что этого подонка не прибили там. В жизни не встречал таких подлецов. И ведь Спитальны не любил *никого*, твою мать! Я прав? И взахлеб утверждал, что на него напали осы? В той пещере? Не уверен, черт возьми, что во Вьетнаме водятся осы. Жуков размером с собаку видел, а осы – ни одной.

– О чем угодно, только не об осах и жуках, вообще о насекомых! Ни слова при мне, – взмолился Тина.

– Это как-то связано с твоими ресторанными проблемами? – спросил Майкл.

– Департамент здравоохранения слишком неровно дышит к шестиногим, – пояснил Пумо. – Не хочу даже это обсуждать.

– Давайте вернемся к нашей теме, если никто не против, – призвал Биверс, устремив на Майкла Пула полный таинственности взгляд.

– Какой еще, черт возьми, теме? – удивился Конор.

– Как вы насчет того, чтобы пропустить еще по стаканчику, – предложил Пумо. – А потом спустимся перекусим и посмотрим, чем можно развлечься. Кстати, сюда должен подтянуться Джимми Стюарт. Мне он всегда нравился.

– Майкл, – сказал Биверс. – Ты, похоже, единственный, кто понимает, о чем я? Помоги мне, напомни им, чего ради мы здесь.

И Пул напомнил:

– Лейтенант Биверс считает, что настало время поговорить о Коко.

4. Автоответчик

1

– Тина, передай мне мой портфель. Он где-то там, у стенки, – не вставая с края кровати, Биверс протянул руку. Тина пошарил под столом в поисках портфеля. – Спешить нам некуда, целый день впереди.

– Ты задвинул его стулом, когда вставал, – сказал Пумо, скрываясь под столом. Вынырнув и держа портфель обеими руками, он протянул его Биверсу.

Гарри положил портфель на колени и, щелкнув замком, открыл.

Пул наклонился и увидел внутри стопку листов перепечатки уже знакомой страницы из «Старз энд страйпс»²⁴. К ней были приколоты копии других газетных статей. Биверс достал стопку и сказал:

– Здесь по одной на каждого из вас. С некоторыми из этих материалов Майкл уже знаком, но я подумал, что каждый должен иметь на руках весь пакет. Так все будут в курсе, о чем идет речь, – он передал Конору первую пачку скрепленных листов. – Утомонись и вникай.

– Зиг хайль! – откликнулся Конор и уселся на стуле рядом с Майклом Пулом.

Вручив по такой же пачке скрепленных листов Пулу и Пумо, Биверс положил последнюю стопку на кровать рядом с собой, закрыл и поставил на пол портфель.

– Спешить нам некуда, целый день впереди, – повторил Пумо.

– Дело серьезное, – Биверс положил свои листы на колени, поднял их обеими руками, сощурился. Затем вновь опустил на колени и достал из нагрудного кармана пиджака футляр с огромными очками в тонкой овальной черепаховой оправе. Пустой портфель он положил на свой пиджак, затем водрузил очки на нос и вновь вгляделся в бумаги.

«Сколько раз в день, – подумал Майкл, – Биверс прогоняет этот глупый фарс „адвокатского“ поведения?»

Биверс поднял глаза от бумаг. Галстук-бабочка, подтяжки, огромные очки.

– Прежде всего, друзья мои, хочу сказать, что мы немного повеселились и еще повеселимся куда больше, прежде чем разведемся, но... – Тяжелый взгляд на Конора. – Мы вместе в этом номере, потому что все обладаем неким важным опытом. И... мы выжили, познав этот опыт, потому что могли положиться друг на друга.

Биверс опустил взгляд на лежащие у него на коленях бумаги, а Пумо сказал:

– Гарри, давай ближе к делу.

– Если вы не понимаете, *насколько важна* работа, вы упускаете самую суть, – Биверс вновь оторвал взгляд от бумаг. – Пожалуйста, прочтите статьи. Их три. Одна из «Старз энд страйпс», вторая из сингапурской «Стрэйтс таймс» и третья из «Бангкок пост». Мой брат Джордж, кадровый военный, знал кое-что о происшествиях, связанных с Коко, и когда это имя попало к нему в «Старз энд страйпс», он прислал статью мне. Затем он попросил другого моего брата, старшего, Сонни – он тоже кадровый военный, сержант, служит в Маниле, – проштудировать всю азиатскую прессу, какую сможет раздобыть. И сам Джордж проделал то же на Окинаве. Вместе им удалось просмотреть практически все англоязычные издания Дальнего Востока.

– У тебя оба брата сержанты? – спросил Конор. – Сонни и Джордж – кадровые военные в Маниле и на Окинаве? Родом из семьи с Маунт-авеню?

²⁴ Stars and Stripes (англ.), или «Звезды и полосы» – неофициальное название государственного флага США – ежедневная газета Министерства обороны США. Издается с 1861 года. Предназначена для контингентов Вооруженных сил США, дислоцированных за рубежом.

Биверс раздраженно глянул на него:

– В конце концов эти две другие статьи сыскались в газетах Сингапура и Бангкока, вот и все. Кое-какое расследование я провел сам. Однако сначала прочтите статьи. Увидите: наш парень потрудился на славу.

Майкл Пул немного отпил из стакана и пробежал глазами верхний лист с первой статьей. 28 января 1981 года в Сингапуре был найден мертвым сорокадвухлетний турист из Англии, писатель-фрилансер Клайв Маккенна. Труп обнаружил садовник на заросшем садовом участке территории гостиницы «Гудвуд парк отель». Тело было изуродовано: глаза зверски вырваны, уши отрезаны. В рот мистера Маккенны была вложена игральная карта с надписью «Коко» на лицевой стороне. 5 февраля 1982 года оценщик, вошедший в пустующее, как он полагал, бунгало, обнаружил лежащие бок о бок на полу гостиной тела мистера Уильяма Мартинсона из Сент-Луиса, шестидесятиоднолетнего топ-менеджера компании по торговле тяжелой строительной техникой, работающего в Азии, и миссис Барбары Мартинсон, сорока пяти лет, также из Сент-Луиса, сопровождавшей мужа в командировке. У мистера Мартинсона были выколоты глаза и отрезаны уши, в рот его была вложена игральная карта с нацарапанным на лицевой стороне словом «Коко».

В статье из «Стрэйтс таймс», датированной тремя днями позже, была добавлена информация о том, что, хотя тела Мартинсонов обнаружили менее чем через сорок восемь часов после их смерти, тело Клайва Маккенны оставалось ненайденным почти пять дней. Примерно десять дней разделяли две серии убийств. В распоряжении полиции Сингапура имелось немало зацепок, и арест считался неизбежным.

Статья «Бангкок пост» от 7 июля 1982 года была значительно более эмоциональной, чем предыдущие две. «Зверское убийство французского писателя», гласил заголовок. Возмущение и тревогу разделяли все добропорядочные граждане. Сферы как туризма, так и литературы подверглись жестокой атаке. Нежелательные события насильственной природы несли угрозу гостиничной индустрии. Они повергли в шок как туристов, так и водителей такси, компании по прокату автомобилей, рестораны, массажные салоны, музеи и храмы, тату-салоны, служащих аэропорта, носильщиков и т. д. Следует не только помнить, но и повторять: преступление почти наверняка – дело рук нежелательных гостей нашей страны, совершенное иностранцами в отношении иностранцев. Полиция всех округов предприняла похвальные усилия по взаимному сотрудничеству, направленные на то, чтобы в течение нескольких дней установить местонахождение убийц. Нельзя также сбрасывать со счетов политическую враждебность по отношению к Таиланду.

Но в оболочке этой довольно странной многословной и косноязычной истерии присутствовала информация о том, что 48-летний Марк Жильбер и 49-летний Ив Дантон, оба журналисты, проживающие в Париже, были обнаружены в своем номере отеля «Шератон Бангкок» горничной, когда она утром пришла прибраться в их номере. Обоим постояльцам, привязанным к стульям, перерезали горло, выкололи глаза и отрезали уши. Оба прибыли в Таиланд накануне и, как известно, в отеле не получали никаких сообщений и не принимали посетителей. Во рту каждой жертвы была оставлена игральная карта из обычной колоды малайзийских игровых карт со словом или именем «Коко», написанным от руки печатными буквами.

Тина и Конор продолжали читать: Тина – с выражением притворной беспристрастности, Конор – с максимальной сосредоточенностью. Гарри Биверс, устремив взгляд в никуда, сидел очень прямо и постукивал по зубам карандашом.

«От руки печатными буквами». Словно наяву Майкл увидел, как это выглядело: буквы так сильно вдавлены, что свободно читаются даже с обратной стороны карты. Пул вспомнил, как впервые увидел одну из таких вот карт, торчавшую изо рта мертвеца в черной пижаме... «Очко в нашу пользу, – подумал он. – Неплохо».

– Сдается мне, треклятая война все еще не окончена, – проговорил Пумо.

Конор поднял глаза от своей копии вырезки из бангкокской газеты:

– Слушай, старина, это же может быть кто угодно. Вот пишут же они, что здесь может быть замешана политика. Да в любом случае, пес с ними!

– Ты всерьез считаешь простым совпадением то, что убийца пишет имя Коко на игровой карте, которую вставляет в рот своим жертвам? – спросил Биверс.

– Всерьез, – ответил Конор. – Почему нет? А может и политика, как пишет этот парень.

– А я считаю, что это почти наверняка наш Коко, – медленно проговорил Пумо. Рядом с собой на столе он разложил три вырезки, как будто, если видеть их все три одновременно, поймешь, что совпадение кажется еще менее вероятным. – Твоим братьям удалось найти только эти статьи? Продолжения не было?

Биверс покачал головой. Затем наклонился, поднял с пола свой стакан и махнул им в безмолвном насмешливом жесте-тосте за всех троих, но не выпил.

– Не слишком ли ты жизнерадостно относишься к этому? – заметил Пумо.

– Когда-нибудь, друзья мои, это будет чертовски занятная история. Я не шучу. Я определенно чую права на крутую книгу. Мало того – права на фильм! Хотя, признаться, я б довольствовался и мини-сериалом.

Конор спрятал лицо в ладонях, а Пул сказал:

– Теперь я точно знаю, что ты и впрямь чокнутый.

Биверс повернулся и немигающим взглядом уставился на них:

– Когда-нибудь мне захочется, чтобы вы вспомнили, кто первым сказал, что мы можем заработать на этом хорошие деньги. Если сделаем все как надо. *Mucho dinero*²⁵.

– Аллилуйя, – подытожил Конор. – Чокнутый Босс собрался сделать нас богачами.

– *Рассмотрим факты.* – Биверс поднял ладонь, словно в жесте полицейского «стоп», затем отпил из стакана. – Студент юридического факультета, который у нас занимается сбором данных, провел по моей просьбе кое-какое расследование в свое рабочее время, так что денег с нас за это не возьмут. За год он проштудировал материалы полудюжины столичных газет и информационных агентств. И что в итоге? Помимо, конечно, историй о Мартинсонах в прессе Сент-Луиса, в Штатах не промелькнуло ни слова о Коко или об этих убийствах. Причем в статьях прессы Сент-Луиса не упоминались как игральные карты, так и Коко.

– Может ли существовать какая-либо связь между жертвами? – спросил Майкл.

– *Рассмотрим факты.* Английский турист в Сингапуре. Наш студент-исследователь выяснил, что Маккенна был писателем, автором книги о путешествиях по Австралии и Новой Зеландии, пары триллеров и книжки «Ваша собака может жить дольше!» Да, с восклицательным знаком. Может, и в Сингапуре он занимался каким-нибудь расследованием. Кто знает? Мартинсоны – обыкновенная американская чета предпринимателей среднего класса. Фирма Мартинсона торговала кранами и бульдозерами по всему Дальнему Востоку. Так, теперь два журналиста СМИ. Французы, работали на журнал «Экспресс». Жильбер и Дантон приехали в Бангкок ради тамошних массажных салонов. Они были старыми друзьями и каждую пару лет вместе отдыхали. В Бангкок приехали не по заданию редакции – просто повалять дурака.

– Англичанин, два француза и двое американцев, – подытожил Майкл.

– Яркий пример случайного выбора жертв, – сказал Биверс. – Полагаю, все эти люди просто оказались не в том месте и не в то время. Ходили по магазинам либо сидели в баре, где разговорились с внешне благовидным американским парнем с кучей интересных историй, который в конце концов заманил их в тихое место и убил. Образец мистера Ошибки. Чисто американский психопат.

– Он не расчленил труп жены Мартинсона, – возразил Майкл.

²⁵ *Mucho dinero* (исп.) – большие деньги.

– Ну, да, просто убил, и все, – сказал Биверс. – А что, без расчлененки никак? Может, он забрал мужские уши просто потому, что воевал во Вьетнаме против мужчин?

– Ладно, – сказал Конор. – Допустим, это наш Коко. И что тогда? – он как бы неохотно взглянул на Майкла и пожал плечами. – Я к тому, что лично я не собираюсь ни к копам, ни к кому бы то ни было еще. Мне им нечего сказать.

Биверс наклонился вперед и впери в Конора взгляд человека, пытающегося загипнотизировать змею.

– Согласен с тобой на все сто.

– А вы со мной согласны?

– Полиции нам сообщить нечего. На данный момент у нас даже нет стопроцентной уверенности, что Коко – это Тим Андерхилл. – Он выпрямился и взглянул на Майкла, растянув губы в подобии улыбки. – Хваленый, или не очень, автор триллеров, к тому же постоянно проживающий в Сингапуре.

Каждый из них, кроме Биверса, закрыл глаза.

– Его книги действительно бредовые? – нарушил паузу Биверс. – Помните, он любил гнать всякую жуть? Ты про ту самую книгу?

– Да, «Дезертир», – сказал Пумо. – Ушам своим не поверил, когда услышал, что Тим опубликовал несколько романов: он столько трещал об этом, что я был уверен, никогда ему писателем не стать.

– Стал, как видишь, – сказал Пул. Сам того не желая, он был удивлен и даже встревожен тем, что Тина не читал ни одного из романов Андерхилла. – Первая его книга вышла под названием «Увидеть зверя».

Биверс выжидающе смотрел на Пула, сунув большие пальцы рук за розовые подтяжки.

– То есть ты всерьез считаешь, что это Андерхилл? – спросил Пул.

– *Рассмотрим факты*, – в третий раз повторил Биверс. – Очевидно то, что Маккенну, Мартинсонов и двух французских журналистов убил один и тот же человек. Таким образом, у нас есть серийный убийца, который отождествляет себя с именем Коко, написанным на игровой карте, которую он оставляет во рту жертвы. Что означает это имя – какие есть идеи?

– Так называется вулкан на Гавайях... Кстати, не пора ли нам на встречу с Джимми Стюартом?

– Андерхилл как-то говорил мне, что «Коко» – это название песни, – сказал Конор.

– Кто и что только не носит имя «Коко»: и панда, которую содержат в неволе, и гавайский вулкан, и принцесса Таиланда, и джазовые песни Дюка Эллингтона и Чарли Паркера. Даже в деле об убийстве доктора Сэма Шеппарда фигурировала собака по кличке Коко. Но это все не то. Коко подразумевает, обозначает всех нас – и больше ничего другого. – Скрестив на груди руки, Биверс обвел друзей взглядом. – И я в прошлом году не был ни в Сингапуре, ни в Таиланде. Может, ты был, Майкл? *Рассмотрим факты*. Маккенна был убит сразу после того, как иранские заложники вернулись на парады и обложки журналов – вернулись героями. Вы видели, как примерно в то же время в штате Индиана вьетнамский ветеран, у которого поехала крыша, убил несколько человек? Але, я говорю вам что-то новое? Каково вам было, что вы тогда ощущали?

Ему никто не ответил.

– Вот и я тоже, – продолжил Биверс. – Я не хотел ничего чувствовать, однако пришлось. Меня возмутили почести, которые они получили всего лишь за то, что побывали в заложниках. Тот ветеран в Индиане испытал те же чувства, и они толкнули его за грань. А что, по-вашему, произошло с Андерхиллом?

– Или с кем-то другим? – предположил Пул.

Биверс усмехнулся ему.

– А по мне, так все это в первую очередь полное безумие, – подал голос Пумо. – Однако не рассматривал ли кто из вас возможность, что этим Коко мог быть Виктор Спитальны? Его ведь никто не видел с тех пор, как он бросил Денглера в Бангкоке пятнадцать лет назад. Не исключено, что Вик и сейчас обитает где-то в тех краях.

Конор удивил Майкла Пула, ответив:

– Спитальны скорее всего на том свете. Он *пил* такую шнягу...

Пул промолчал.

– Был еще один инцидент с Коко – уже после того, как Спитальны исчез из Бангкока, – сказал Биверс. – Даже если у настоящего Коко появился подражатель, то старый добрый Спитальны вне подозрений. Где бы он сейчас ни был.

– Вот бы сейчас поговорить с Андерхиллом, – сказал Пумо, и Пул про себя согласился с ним. – Тим всегда нравился мне. Чертовски нравился! Знаете, если бы не предстояло разгрести этот бардак у меня на кухне, я бы поддался искушению сесть на самолет и отправиться на его поиски. Может, мы смогли бы помочь ему, сделать для него что-нибудь.

– А вот это любопытная идея, – заметил Биверс.

2

– Прошу разрешения встать, *сэр*! – рявкнул Конор.

Биверс сердито зыркнул на него. Конор встал, хлопнул Майкла по плечу и спросил:

– Знаете ли вы, что это за время такое, когда сгущается темнота, воздух наполняется летучими мышами и начинают выть дикие собаки?

Майкл поднял взгляд на Конора и смотрел на него с добродушным изумлением, Гарри Биверс – карандаш застыл на полпути ко рту – с раздражением и недоверием.

Конор склонился над Биверсом и подмигнул:

– Это время еще по пивку! – он вытянул из ведра со льдом мокрую бутылку и свинтил пробку. Биверс по-прежнему сверлил его сердитым взглядом. – Итак, лейтенант полагает, что мы должны выслать за Андерхиллом маленькую поисковую партию, посмотреть на него и разобраться, насколько он спятил.

– Ладно, Конор, раз уж ты спрашиваешь, – совсем негромко и легко проговорил Биверс, – что-то в этом роде вполне можно попробовать.

– То есть реально поехать туда? – спросил Пумо.

– Ты первым озвучил это.

Непрерывной серией глотков Конор влил в себя почти полбутылки пива. Причмокнул губами, вернулся к своему стулу и глотнул еще. Все только что вышло из-под контроля, и теперь он может сидеть сложа руки, и расслабляться, и ждать, пока это дойдет до остальных.

Если Чокнутый Босс скажет, что он все еще считает себя лейтенантом Андерхилла, подумал Конор, меня тут же стошнит.

– Не знаю... Хотите – называйте это моральной ответственностью или как-то еще, – сказал Биверс, – но я считаю, что мы должны справиться с этой ситуацией сами. Мы знали этого человека, и мы были там.

Конор открыл рот, набрал в легкие воздуха и через секунду-другую смачно рыгнул.

– Я не прошу вас разделить мое чувство ответственности, – сказал Биверс. – Но было бы неплохо, если бы вы перестали вести себя, как дети малые.

– Да как я, черт возьми, могу поехать в Сингапур?! – заорал Конор Линклейтер. – У меня нет денег даже на то, чтобы прокатиться вокруг своего квартала! Последние я потратил на проезд сюда, блин. Я сплю на диване в номере Тины, потому что мне не по карману отдельный номер на встрече с боевыми друзьями. Давайте серьезно, а?

Конор тотчас ощутил неловкость за то, что сорвался при Майкле Пуле. Он слишком быстро разозлился – так всегда случалось, когда он превышал свою норму спиртного, – и сейчас ему захотелось все объяснить, не выставляя себя еще большим дураком.

– Да я к тому, что... Ладно, я придурок, я не должен был так орать. Просто я... не такой, как все вы, парни, я не врач, не адвокат и не индейский вождь, я на мели, черт, и если прежде был частью старой бедноты, то теперь я часть новой бедноты²⁶. Я элементарно без гроша.

– Положим, и я не миллионер, – сказал Биверс. – Несколько недель назад я уволился из «Колдуэлл, Моран, Моррисси». Серьезных причин тому было немало, но факт в том, что я нынче безработный.

– Брат твоей жены выдал тебе «розовый листок»²⁷? – удивился Конор.

– Я сам подал в отставку, – ответил Биверс. – Пэт – бывшая жена. Между мной и Чарльзом Колдуэллом возникли серьезные разногласия. Как бы там ни было, зарабатываю я не больше, чем ты, Конор. Однако я выторговал себе довольно приличный «золотой парашют» и с большим желанием одолжу тебе пару тысяч долларов беспроцентно, вернуть которые сможешь тогда, когдабудет удобно. Полагаю, это поможет тебе.

– Я бы тоже помог, – сказал Пул. – Не скажу, что готов прямо на все, но думаю, что разыскать Андерхилла особого труда не составит. Он же должен получать авансы и авторские вознаграждения от своего издателя. Может даже, ему пересылают письма от поклонников. Уверен, один телефонный звонок – и мы узнаем адрес Андерхилла.

– Я, наверное, сплю, – сказал Пумо. – Вы трое умом тронулись?

– Ты же первый вызвался ехать, – напомнил ему Конор.

– Я не могу бросить все и выпасть из жизни на месяц. Мне надо рулить рестораном.

«Тина, похоже, и не заметил, в какой момент ситуация вышла из-под контроля, – подумал Конор. – Ладно, какого черта, Сингапур так Сингапур!»

– Тина, ты нам нужен.

– Себе я нужен больше, чем вам. Так что давайте как-нибудь без меня.

– Если останешься в стороне, будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

– Господи, Гарри, завтра утром все происходящее тебе будет казаться хохмой в духе Эбботта и Костелло²⁸. И что, черт возьми, вы собираетесь делать, даже если когда-нибудь найдете его?

«Пумо хочет остаться в Нью-Йорке и продолжать играть в загадки с Мэгги Ла», – подумал Конор.

– Там видно будет, – сказал Биверс.

Конор навесным броском отправил пустую пивную бутылку в мусорную корзину. Не долетев трех футов и отклонившись от цели, она улетела под комод. В какой, интересно, момент он перешел с водки на пиво? Или, начав с пива, перешел на водку, а затем – обратно на пиво? Конор пригляделся к бокалам на столе, пытаясь определить, какой из них его. И вновь трое друзей, словно группа поддержки, подбадривающе смотрели на него, и Конор пожалел, что его бросок не попал в корзину. Философски подойдя к решению, он плеснул на несколько дюймов водки в ближайший стакан, после чего зачерпнул горсть кубиков льда из ведерка и плюхнул их вдогонку.

²⁶ Новая беднота, или новые бедные, – согласно исследованию «Нью-Йорк таймс», группа людей, которые утратили финансовые возможности продолжать вести жизнь представителей среднего класса (переживают резкое понижение уровня жизни при сохранении занятости и прежнего профессионального статуса либо оказались в рядах длительно безработных).

²⁷ «Розовый листок» – извещение об увольнении. Первоначально печатались на бумаге розового цвета.

²⁸ *Эбботт и Костелло* (англ. Abbott and Costello) – знаменитый американский комедийный дуэт. *Бад Эбботт* (1895–1974) и *Лу Костелло* (1908–1959) снимались в кино с начала 1940-х годов, много выступали на радио и телевидении в 1940-е и 1950-е годы. Их программа «Эбботт и Костелло» – одна из самых популярных и долговечных программ; многие телекомпании показывают ее и сегодня. Дуэт распался в 1957 году в связи с ухудшением здоровья «человека – динамо-машины» Лу Костелло, умершего два года спустя.

– И так, за «С» – поднял он бокал в последнем тосте. И выпил. – За «И». За «Н», за... «Г». За «А»...

Биверс велел ему сесть и помолчать, что Конор, не возражая, и сделал. Все равно он не помнил, какая буква шла за «а». Усаживаясь рядом с Майклом, он пролил водку себе на брюки.

– Ну, а теперь мы можем сходить к Джимми Стюарту? – услышал он, как спросил Тина Пумо.

3

Чуть погода кто-то предложил ему прилечь на кровати Майкла и вздремнуть, но Конор отказался: нет-нет, он в порядке, он ведь со своими друзьями-балбесами, и все, что ему нужно сейчас, – это не лежать, а двигаться, и вообще, если человек в состоянии произнести по буквам «Сингапур», значит, он еще не в хлам...

Без какого-либо перехода Конор вдруг обнаружил себя в коридоре. Отчего-то плохо слушались ноги, и Майки крепко держал его за левую руку.

– А какой у меня номер? – спросил он Майки.

– Ты в одном номере с Тиной.

– Славный старина Тина...

Они повернули за угол и очутились прямо перед славным стариной Тиной и Гарри Биверсом, ожидавшими лифт. Биверс причесывался перед большим зеркалом.

Следующее, что запомнилось Конору, – как он сидел на полу кабины лифта, но умудрился подняться на ноги до того, как открылись двери.

– А ты классный, – сообщил он затылку Биверса.

Двери лифта раскрылись, и они довольно долго шли по каким-то бесцветным длинным коридорам, заполненным людьми. Конор то и дело натыкался на парней, слишком нетерпеливых, чтобы выслушивать его извинения. Он слышал, как люди пели «Дорогу домой», самую красивую песню на свете. От ее слов ему хотелось плакать.

Пул следил за тем, чтобы он не падал. Интересно, подумалось Конору, знает ли Майк, какой он славный парень, и решил для себя: нет, не знает, и именно это делает его таким славным.

– Да я правда в порядке, – заявил он.

Потом он сидел рядом с Майклом в затемненном зале. Черноволосый мужчина с усами ниточкой, с чем-то вроде чемпионского пояса под смокингом, пел «Америку прекрасную»²⁹ и скакал по сцене перед оркестром.

– Джимми Стюарта мы пропустили, – шепотом пояснил ему Майк. – Это – Уэйн Ньютон.

– Уэйн Ньютон? – изумился Конор и следом понял, что сделал это слишком громко: люди засмеялись над его словами. Конор страшно смутился оттого, что Майкл разъяснил ему происходящее: Уэйн Ньютон был просто толстым подростком, который пел, как девчонка. Этот «крутик» из Лас-Вегаса вовсе не Уэйн Ньютон. Конор прикрыл глаза, и весь темный зал тотчас принялся катать его огромными, все увеличивающимися кругами. Конор обнаружил, что не может поднять веки. Слух заполнили аплодисменты, свист, одобрительные выкрики. Он успел еще услышать, как первый раз всхрапнул, и – отключился.

²⁹ America the Beautiful (англ. – «Америка прекрасная») – американская патриотическая песня. Музыку церковной песни, сочиненной композитором-любителем Сэмюэлом Уордом в 80-х годах XIX века, в начале XX века подтекстовали светскими стихами малоизвестного литератора Кэтрин Ли Бейтс. Ныне America the Beautiful – одна из самых популярных в США патриотических композиций.

– У нас не так много групп³⁰, как у музыкантов, – сказал Пулу Гарри Биверс, – но они сюда подтянулись. По сути, они женщины-матери, с неудержимой и малость извращенной тягой к развлечениям. Что, тяжелый? Уложи его на свой диван и спускайся к нам в бар.

– Я бы сейчас и сам поспал, – сказал Пул. Конор Линклейтер, сто шестьдесят фунтов мертвого груза, завещанные ему Тиной Пумо, едва стоял, привалившись к его плечу. От Биверса несло алкоголем.

– «Вьетнамские» группы не так просты, но со временем я разобрался в них. Они отталкиваются от идеи, что мы – солдаты и бойцы, но в какой-то мере более духовные, чем другие ветераны. Это раз. В них жива частичка социальных работников, и они желают продемонстрировать, что наша страна все же любит нас, – это два. И третье – они не знают, что мы там делали, и это их заводит, – глаза Биверса холодно блеснули. – Это их обитель. Они, не напрягаясь, в состоянии преодолеть тысячи миль только ради того, чтобы просто потусоваться в баре.

У Пула возникло неприятное ощущение, что Гарри Биверс, сам того не зная, описывает Пэт Колдуэлл, свою бывшую жену.

Майкл откатил Конора к другому краю кровати, которую горничная не застелила, затем стянул с друга черные кроссовки и расстегнул ему ремень. Конор застонал, бледные, с заметными прожилками веки трепетали. С коротко стриженными рыжими волосами и бледной кожей Конор Линклейтер выглядел лет на девятнадцать: без своей неряшливой бороды и усов он очень походил на себя того, каким его Майкл помнил по Вьетнаму. Пул укрыл Линклейтера запасным одеялом из шкафа, затем включил прикроватную лампу у другого края и погасил верхний свет. Если Конор собирался ночевать в номере Тины, то последний, должно быть, забронировал себе люкс: в нынешнем номере Пула диван для перебравших посетителей не предусмотрен. Биверс уж точно заказал себе люкс (самому Гарри не пришла в голову мысль предложить Конору собственный диван).

До двенадцати оставалось несколько минут. Пул включил телевизор и убавил громкость, затем сел на ближайший стул и скинул ботинки. Сняв пиджак, повесил его на спинку другого стула. На фоне изысканного безлюдного пейзажа, напоминающего западную Ирландию, на травянистой обочине дороги стоял Чарльз Бронсон и смотрел в бинокль на серый «мерседес», остановившийся на засыпанном гравием дворике перед георгианским особняком. Краткое мгновение наполненная тревожным предчувствием тишина окружала «мерседес», а затем огромный огненный кокон стер машину с лица земли.

Майкл взял телефон и поставил на стол рядом с собой. Горничная выстроила бутылки в ряд, собрала в стопку чистые пластиковые стаканы, убрала пустую посуду, а тарелку с сыром завернула в целлофан. В ведерке по горлышко в воде стояла последняя бутылка пива, окруженная плавающими кусочками льда. Взяв верхний стакан, Майкл погрузил его в ведерко, зачерпнул воды вместе со льдом и сделал маленький глоток.

Конор пробубнил непонятное «гугол»³¹ и уткнулся лицом в подушку.

Поддавшись импульсу, Майкл снял трубку и набрал домашний номер. Быть может, Джуди в постели, но еще не спит, читая что-нибудь вроде «Одноминутного менеджера»³² и

³⁰ *Группы* (англ. Groupie) – поклонницы поп- или рок-группы, сопровождающие своих кумиров во время гастролей. Термин имеет и более широкий (как правило, иронический) смысл, однако, начиная с середины 1960-х годов, употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги.

³¹ Число 10 в степени 100, иногда так называют число атомов во Вселенной.

³² «Одноминутный менеджер» Кена Бланшара – эксперта по менеджменту, автора нескольких десятков книг, многие из которых стали бестселлерами. Одна из самых известных – «Одноминутный менеджер» – была продана в количестве 13 млн копий и переведена на 37 языков. Книга учит искусству ситуационного руководства – простой системе, которая опровергает,

успешно игнорируя телевизионную программу, которую включила лишь для того, чтобы та составила ей компанию. В трубке прогудело один раз, затем последовал щелчок, как будто на том конце сняли трубку. Пул услышал легкое шипение пленки и понял, что жена включила автоответчик и тот сообщит от третьего лица, что «сейчас Джуди не может ответить на ваш звонок, но если вы представитесь, оставите свой номер и сообщение после звукового сигнала, она свяжется с вами так скоро, как только это станет возможным».

Он дождался сигнала.

– Джуди, это Майкл. Ты дома?

Автоответчик Джуди был подключен к телефону в ее кабинете, примыкающем к спальне. Если она лежит в кровати и бодрствует, то должна слышать его голос. Джуди не отвечала; пленка крутилась. Он наговорил на автоответчик несколько банальных фраз и попрощался:

– Дома буду поздно вечером в воскресенье. Пока.

В постели Майкл прочел несколько страниц романа Стивена Кинга, который прихватил с собой. На другом краю кровати постанывал и сопел Конор Линклейтер. Ничто в романе не казалось Майклу более странным или более угрожающим, чем события реальной жизни. Неправдоподобие и жестокость произрастают из реальной жизни, и Стивен Кинг, похоже, хорошо это знал.

Прежде чем успеть погасить свет, Майкл, уже обливаясь потом, пронес свою копию «Мертвой зоны» через военную базу, размерами во много раз превосходящую Кэмп-Крэндалл. Вокруг обнесенного по периметру колючей проволокой лагеря в двадцати или тридцати километрах горбились холмы, когда-то густо поросшие деревьями, а теперь – настолько добросовестно разбомбленные, сожженные и удобренные дефолиантом, что лишь обугленные палки торчали вверх из коричневой, похожей на пудру земли. Он миновал ряд пустых палаток и только сейчас услышал тишину лагеря: он остался один. Все покинули базу, а его бросили здесь. Флагшток без флага торчал перед штабом роты. Он устало поплелся мимо опустевшего здания и выбрался на участок пустой земли; в нос ударила вонь горящего дерьма. Тогда он понял, что это не сон, – он действительно во Вьетнаме, а сном была вся остальная его жизнь. В своих снах Пул никогда не ощущал запахов, да и цветными почти все эти сны не были. Пул обернулся и увидел старушку-вьетнамку: устремив на него лишенный эмоций взгляд, она стояла за бочкой из-под нефтепродуктов, в которой горели пропитанные керосином экскременты. Густой черный дым валил из бочки и застилал небо. Его отчаяние было каким-то застарелым и ожидаемым.

«Стоп! – восторженно вскрикнул он. – Если это реальность, то не позднее тысяча девятьсот шестьдесят девятого года». Он раскрыл «Мертвую зону» на страничке с публикационными данными. Глубоко в груди сердце сдулось, как проколотый воздушный шарик. Год датировки авторского права – 1965. Он никогда не покидал Вьетнам. Все, что происходило впоследствии, – лишь сон длиною в девятнадцать лет.

5. Боб Биверс у Мемориала

1

Пул проснулся с угасающим воспоминанием о дыме и шуме, артобстреле и людях в форме, бегущих неправдоподобно и карикатурно строем нога в ногу через горящую деревню. Подсознательная экспертиза отбросила этот эпизод сна в забвение. Очнувшись, он первым делом подумал о том, что надо бы заглянуть в магазин «Уолден букс» и купить книжку своей двенадцатилетней пациентке Стейси Тэлбот, а потом съездить навестить ее в больнице Святого Варфоломея. Тут он вспомнил, что находится в Вашингтоне. Вторая полностью сформированная мысль обернулась вопросом: действительно ли Тим Андерхилл все еще жив? На краткое мгновение в сознании сложилась картинка: он стоит на уютном крохотном сингапурском кладбище и с чувством потери и облегчения глядит на надгробие Андерхилла.

Или отравленный тлеющим безумием Андерхилл все еще там, на войне?

Конор Линклейтеер словно испарился, оставив после себя расплюснутую подушку и порядком измятое стеганое покрывало. Пул подполз к дальнему краю кровати и заглянул за него. На полу, похожий на капустный лист, свернувшись калачиком, с расслабленным ртом и обтянутыми неподвижные глазные яблоки веками спал Конор. Оттолкнувшись руками, Майкл перекатился на свой край, встал и тихонько прошел в ванную принять душ.

– Черт... – пробубнил Конор, когда Майкл вышел из ванной. Обхватив голову обеими руками, он сидел на одном из стульев. – Который час, а?

– Почти пол-одиннадцатого. – Пул вытянул из сумки трусы и носки и стал одеваться.

– Ни хрена себе я отрубился, – проговорил Конор. – Голова раскалывается... – Он взглянул на Пула сквозь пальцы: – А как я вообще здесь оказался?

– Ну... я как бы помог тебе.

– Спасибо, дружище, – простонал Линклейтеер. Его голова вновь опустилась на руки. – Нет, пора начинать новую жизнь. В последнее время я что-то слишком много ураганил. Старую, пора сбавить обороты... О-ох! – Он выпрямился, обвел комнату удивленным взглядом, будто слабо соображая, где находится. – А где моя одежда?

– В номере Пумо, – ответил Майкл, застегивая рубашку.

– Память отшибло. Я у него оставлял все свое барахло. Было б здорово, если бы он поехал с нами, правда? Пумо-Пума... Нет, он должен быть с нами. Слушай, Майки, ты не против, если я воспользуюсь туалетом и душем, прежде чем топать наверх?

– Черт, – сказал Пул. – Я только что там прибрался к приходу горничной.

Конор поднялся на ноги и пересек комнату – его походка ассоциировалась у Майкла с выздоравливающими жертвами инсульта в гериатрических отделениях. Доковыляв до ванной, Конор оперся на дверную ручку и закашлялся. Его торчащие дыбом волосы напоминали рыжие шипы.

– Скажи, я вконец сбрендил или Боб в самом деле пообещал одолжить мне пару тысяч баксов?

Пул кивнул.

– Думаешь, он на полном серьезе?

Пул снова кивнул.

– Боюсь, никогда я не пойму этого парня, – проговорил Конор и захлопнул за собой дверь ванной.

Сунув ноги в мокасины, Пул подошел к телефону и набрал номер Джуди. Никто не ответил, автоответчик был отключен. Пул дал отбой.

Через несколько минут позвонил Биверс и сообщил Майклу и Конору, что к одиннадцати заказал завтрак на всех у себя в номере и Майклу лучше поторопиться, если он хочет, чтобы ему досталось больше одной порции «Кровавой Мэри».

– Больше одной?

– Вряд ли этой ночью вы разминались так, как довелось мне, – позлорадствовал Биверс. – Милая дама, о которой я вам рассказывал, ушла час или два назад, а я так расслаблен, как после месяца в деревне. Майкл... попытайся убедить Пумо, что в мире полно вещей куда более важных, чем его ресторан, хорошо? – Он положил трубку, прежде чем Пул успел ответить.

2

В люксе Биверса имелась не только длинная гостиная с раздвижными окнами на балкон, но также и столовая, где Майкл, Пумо и Биверс расселись за круглым столом, уставленным тарелками с едой, корзинками с булочками, подставками для гренок, питчерами с «Кровавой Мэри», кастрюлями с подогревом с сосисками, беконом и яйцами Бенедикт.

С дивана в гостиной, где сидел, сторбившись над чашкой черного кофе, Конор, донеслось:

– Я съем что-нибудь, только попозже.

– Mangia, mangia³³. Перед нашей прогулкой надо набраться сил, – Биверс помахал вилкой, с которой капал яичный желток вперемешку с соусом Голландез³⁴. Его черные волосы блестели, а глаза сияли. Белая рубашка с закатанными рукавами была свежа – только что из упаковки, а галстук-бабочка в строгую полоску идеально завязан. Темно-синий пиджак в широкую бледную полоску висел переброшенный через спинку стула. Биверс выглядел так, будто вместо прогулки к Мемориалу ветеранов войны во Вьетнаме собрался предстать перед Верховным судом.

– В общем, вы по-прежнему настроены серьезно? – спросил Пумо.

– А ты? Тина, ты нужен нам – ну как мы без тебя?

– Придется попробовать, – ответил Пумо. – Но это же чисто гипотетическая ситуация, разве нет?

– Во всяком случае, не для меня, – заявил Гарри. – А ты что скажешь, Конор? Тоже думаешь, что я прикалываюсь?

Трое мужчин за столом смотрели на сидящего в другом конце гостиной Конора. Он опешил, ощутив вдруг себя объектом всеобщего внимания, выпрямился и проговорил:

– Нет, если вы одолжите мне деньги на авиабилеты, то какой тут прикол.

Майклу отчего-то не понравился раздражающе ясный, насмешливый взгляд, который устремил на него Биверс:

– А ты? *Was sagen Sie*,³⁵ Майкл?

– А разве ты вообще способен прикалываться, Гарри? – ответил вопросом Майкл, не желая быть фишкой в новой игре, затеянной Гарри Биверсом.

Биверс продолжал так же смотреть на него, ожидая большего, поскольку точно знал, что получит его.

– Похоже, ты меня уговорил, Гарри, – ответил Майкл и поймал на себе косой взгляд Пумо.

³³ Mangia (*итал.*) – съешь.

³⁴ Голландез, или Голландский соус, – горячий яично-масляный соус. Один из основных соусов французской кухни.

³⁵ Was sagen Sie? (*Нем.*) – Что скажешь?

3

– Чисто из любопытства. – Гарри Биверс наклонился вперед к водителю такси. – Вот что вы подумали, когда увидели нас четверых? Какое создалось у вас впечатление о нас как о команде?

– Вы это серьезно? – спросил таксист и повернулся к Пулу, сидящему рядом на переднем сиденье. – Этот парень не шутит?

Пул кивнул, а Биверс продолжил:

– Да не шучу я. Давайте начистоту. Мне правда интересно.

Таксист взглянул на Биверса в зеркало, вернул взгляд на дорогу, затем оглянулся через плечо на Пумо и Линклейтера. Водитель был небритый, обрюзгший мужчина лет пятидесяти. Всякий раз при малейшем его движении обоняние Пула улавливало смешанные запахи застывшего пота и горячей электропроводки.

– По мне, так вы, парни, вообще ни разу не команда. Вы не подходите друг другу. Никаким боком, – сказал водитель, затем бросил подозрительный взгляд на Пула. – Эй, если это «Вас снимают скрытой камерой» или что-нибудь в этом роде, можете прямо сейчас выходить из машины.

– Что значит, не подходим друг другу? – удивился Биверс. – Мы боевая единица!

– Ладно, вот что *вижу* я, – таксист снова посмотрел в зеркало. – Вы, например, похожи на крутого адвоката, или на лоббиста, или еще кого из тех, кто вступает в жизнь, украв блюдо с пожертвованиями. Парень рядом с вами смахивает на сутенера. Тот, что рядом с ним, похож на работягу с крепкого бодуна. А вот он, на переднем сиденье, напоминает преподавателя средней школы.

– На сутенера! – взвыл Пумо.

– Ну, так засудите меня, – сказал таксист. – Сами же просили.

– Я, кстати, *в самом деле* работяга с бодуна, – сказал Конор. – А ты, Тина, что греха таить, сутенер и есть.

– Ага, значит, я угадал? – заулыбался водитель. – Какой будет приз? Вы же из «Колеса фортуны», ребята, верно?

– Вы серьезно? – спросил Биверс.

– Я первый спросил, – ответил водитель.

– Нет, я просто хотел знать... – начал Биверс, но Конор попросил его заткнуться.

Весь остаток пути до Конститушн-авеню с лица водителя не сходила самодовольная ухмылка.

– Все, дальше пройдем сами, – сказал Биверс. – Тормозите.

– Но я думал, вы просили к Мемориалу.

– Я сказал, тормози!

Таксист свернул к обочине и резко остановился.

– Можете устроить мне встречу с Ванной Уайт³⁶? – спросил он, глядя в зеркало.

– Отвянь, – бросил Биверс и выскочил из машины. – Тина, расплатись. – Он придерживал дверь, пока Пумо и Линклейтер не вылезли из салона, после чего с силой захлопнул ее. – Надеюсь, ты не дал этому говнюку на чай? – спросил он.

Пумо пожал плечами.

– Ну, тогда ты тоже говнюк. – Биверс повернулся и зашагал в сторону Мемориала.

Пул поспешил догнать его.

³⁶ *Ванна Мари Уайт* (урожденная Росич, род. 18 февраля 1957 года) – американская телеведущая и киноактриса, известная как хозяйка «Колеса фортуны» с 1982 года.

– А что я такого сказал? – огрызнулся Биверс. – Разве я не прав? Борзый таксист попался. Жаль, не врезал ему как следует.

– Да ладно, Гарри, угомонись.

– Сам же слышал, что он мне сказал, а?

– А Пумо он обозвал сутенером, – напомнил Майкл.

– Тина – сутенер в сфере общественного питания, – не унимался Биверс.

– Сбавь ход, а то ребята отстанут.

Биверс остановился и развернулся, чтобы подождать Тину и Конора, шагавших футах в тридцати позади. Конор поднял взгляд и улыбнулся им.

Биверс повернулся лицом к Майклу и спросил полупшепотом:

– Тебе не надоело нянчиться с этими двумя?

Затем крикнул Пумо:

– Так ты дал этому придурку на чай?

– Сушие гроши, – с каменным лицом ответил Пумо.

– Водитель такси, которое я вчера поймал, очень интересовался, каково это – убить человека, – рассказал Майкл.

– «Каково это – убить человека?» – визгливо передразнил Биверс. – Бесит от этого вопроса. Если так интересно, пусть попробуют на себе – грохнут кого-нибудь, и тогда узнают. – Он почувствовал, как его отпустило. Двое отставших нагнали их. – Но мы-то знаем, что как бы там ни было, мы единое целое, верно?

– Мы беспощадные убийцы, – сказал Пумо.

– А кто такая Ванна Уайт, черт ее дери? – спросил Конор, и Пумо взорвался смехом.

* * *

Когда они вчетвером приблизились к Мемориалу на сто ярдов, то уже были частью толпы. Мужчины и женщины, устремляющиеся к гранитной стене с тротуара через лужайку, казались Майклу теми же людьми, которых он видел накануне: ветераны в разномастных деталях форменной одежды, немолодые мужчины в пилотках ветеранов зарубежных войн США, женщины – ровесницы Пула, тянущие за руку ошалелого вида детишек. Гарри Биверс в своем синем в светлую полоску адвокатском костюме выглядел среди них как слегка расстроенный гид экскурсии люкс-класса.

– А ведь по сути мы все просто сборище неудачников, – прогудел в ухо Майклу Биверс.

Пул в ответ промолчал – он наблюдал за двумя мужчинами, пересекавшими лужайку. Один, лет шестидесяти пяти, худой как шест, передвигался, опираясь на железный металлический костыль и заноса по широкой дуге нестибающуюся ногу, тоже наверняка металлическую; его бородатый спутник, плененный деревянной инвалидной коляской, вынужден был приподнимать свое тело с сиденья всякий раз, когда требовалось толкать колеса. Оба спокойно переговаривались и смеялись, продвигаясь к Мемориалу.

– Нашел здесь вчера имя Коттона? – спросил Пумо, ворвавшись в его мысли и тем самым как будто расширив их полет.

Пул покачал головой:

– Давай сегодня вместе найдем его.

– Да мы, черт побери, найдем всех! – подхватил Конор. – Иначе зачем мы здесь?

4

На обороте чека «Американ Экспресс» Пумо записал все имена и номера панелей, на которых они были выбиты. «Денглер – 14 западная, строка 52, – эту Пул запомнил. Коттон – 13

западная, строка 73... Тротман – 13 западная, строка 18. Питерс – 14 западная, строка 38. И Хюбш, Ханнапин, Рехт. И Барридж, Вашингтон, Тиано. И Роули, Томас Чемберс – единственный из их роты погибший в Я-Туке. И павшие от пуль снайпера-вертизада Элвиса: Лоури, Монтеня, Бливинс. И дальше еще много фамилий. Обратная сторона зеленой странички чека «Амекса» была сплошь исписана аккуратным бисерным почерком Пумо.

Они стояли на каменных плитах пешеходной дорожки и вглядывались в имена, высеченные на полированном черном граните. Найдя имя Денглера, Конор заплакал, а Конор и Пумо оба не сдержали слез перед именем их санитаря «Питерс, Норман Чарльз».

– Проклятье! – проговорил Конор. – Питерс сейчас должен сидеть за рулем своего трактора и переживать, что дождей нынче маловато...

Семья Питерса хозяйствовала на земле одной и той же фермы в Канзасе на протяжении четырех поколений, а сам он ни от кого не скрывал, что, пока временно с удовольствием исполняет обязанности госпитального санитаря, ему по ночам порой чудится запах его канзасских полей. («Это запахи не Канзаса, а Спитальны», – шутил служащий подразделения SP4 Коттон.) А теперь поля Питерса возделывали его братья, а все, что осталось от Питерса Нормана Чарльза после того, как вертолет, на борту которого он делал переливание плазмы Рехту Герберту Уилсону, разбился и сгорел, – покоилось под слоем несомненно плодородной почвы местного кладбища.

– И перемывал бы кости властям за то, что вконец закручивают гайки ему и всем остальным фермерам, – добавил Биверс.

Майкл Пул увидел справа от себя большущий, с золотой бахромой, флаг, развевающийся на ветру, и вспомнил, что уже видел его вчера. Флаг держал высокий лохматый мужчина, прикрепив древко к широкому ремню. Рядом с ним, почти не видный из-за блестящего венка, стоял круглый белый знак, на котором красными заглавными буквами было написано: «Нет любви сильнее». «Где-то писали, – подумал Пул, – что этот лохматый бывший морпех вот уже два дня подряд стоит на одном и том же месте».

– Об этом парне писали сегодня в утренней газете, читали? – спросил Пумо. – Он стоит с флагом в знак памяти военнопленных и без вести пропавших.

– От этого они не вернутся быстрее, – заметил Биверс.

– Разве в этом дело... – проговорил Пумо.

И тут долгая черная стена Мемориала словно заявила о себе: Пулу даже почудилось, что гранитная громадина заговорила и сделала шаг к нему навстречу – в точности как вчера. Он невольно чуть отодвинулся от остальных. Мир вокруг поплыл, обретая неясные очертания, словно окутанный дымкой. Однажды Пул несколько часов простоял в воде, кишасей пиявками, держа М-16 и клеймор над поверхностью: руки сначала стали болеть, потом наливаясь свинцом, потом он перестал их чувствовать... Роули Томас Чемберс застыл рядом, точно так же держа над вонючей водой свой арсенал. Москиты черными роями гудели вокруг – они оседали на лицах, заползали в нос, и каждые несколько секунд приходилось выдувать их оттуда. Пул отлично помнил навалившуюся тогда усталость: предложи в тот момент Роули поддержать ему руки, он бы тотчас прямо там провалился в сон. Так же хорошо он помнил свои ощущения, когда к его бедрам присасывались пиявки.

– Господи боже... – обронил Пул, заметив вдруг, что дрожит. Он вытер глаза и оглядел остальных. Конор тоже плакал, и эмоции наполнили красивое, обычно бесстрастное лицо Пумо.

Гарри Биверс наблюдал за Пулом – лицо Майкла казалось таким же эмоциональным, как у отгадчика веса на ярмарке штата.

– Что, зацепило?

– Ясное дело... – ответил Пул, почувствовав острое раздражение от самодовольства Биверса. – А у тебя иммунитет?

– Едва ли, Майкл, – покачал головой Биверс. – Просто привык держать чувства в себе. Так воспитали. Знаешь, я думаю, что к этому списку нужно добавить кучу имен. Маккенна, Мартинсоны. Дантон и Жильбер. Помнишь?

Пул не нашел в себе желания пытаться объяснить то, что он только что пережил. Он тоже мог припомнить хотя бы одно имя, которое можно было бы добавить к выбитым на плите.

Биверс едва ли не подмигнул Майклу:

– Ты же понимаешь, что мы разбогатеет на этом, не так ли?

По какой-то «биверской», абсолютно не понятной для Майкла Пула причине, он дважды постучал его по груди вытянутым указательным пальцем, на котором Майкл успел разглядеть маникюр. Затем Биверс повернулся к Пумо и Линклейтеку, очевидно, говоря им что-то о Мемориале. Майкл словно все еще чувствовал, как указательный палец Гарри игриво тычет в его грудь...

– Вот только беда в том, что здесь не все имена... – донеслись до него слова Биверса.

Сотни подышающих москитов забили ноздри Пула; подышающие пиявки впились в онемевшие от усталости ноги. Майкл понял: решение принято. Как бы повторяя самих себя – невежественных, напуганных и каждого по-своему безрассудного девятнадцатилетних мальчишек, – сегодняшние они действительно собирались вновь отправиться на Дальний Восток.

Часть вторая. Приготовления к отъезду

6. Биверс на отдыхе

1

– Мэгги сюда никогда не вернется, Мэгги сыта по горло, – сообщил Джимми Ла в ответ на вопрос Гарри. Он готовил коктейль: серебристая лента вермута из шейкера лилась поверх кубиков льда в стакан, уже отчасти наполненный какой-то жидкостью. Джимми выдавил лимонную цедру вокруг края стакана, затем опустил ее в кубики льда.

– Сыта по горло жизнью или сыта по горло Тиной? – уточнил Биверс.

Джимми Ла положил на барную стойку свежую бумажную салфетку с маркировкой «Сайгон», напечатанной красными наклонными буквами над силуэтом рикши. Он поставил напиток Гарри Биверса на чистую салфетку и ловко смахнул намокшую, порванную, что лежала рядом на стойке, и сказал:

– Тина для Мэгги слишком уж... правильный.

Бармен подмигнул Гарри, затем отступил назад. Гарри неприятно поразился, обнаружив себя под прицелом взглядов наклеенных на зеркало злобных, подозрительных длинномордых демонов с кошачьими усами. Пока Джимми Ла стоял у стойки, демоны прятались за его спиной. Где-то он уже видел эти злобные рожи, кажется, в 1-м армейском корпусе, но больше ничего вспомнить не удалось.

Было четыре часа дня, и Гарри просто убивал время до звонка бывшей жене. Джимми Ла наливал из блендера какое-то немыслимое пенистое зелье единственному, кроме Гарри, клиенту – какому-то чудиле с петушиным желтым ирокезом и огромными розовыми очками.

Гарри развернулся на табурете лицом к большому прямоугольному обеденному залу ресторана Пумо: узловатые бамбуковые стулья и бамбуковые же столы со стеклянными столешницами; коричневые лопасти потолочных вентиляторов, похожие на полированные весла, медленно вращались над головой; белые стены разрисованы гигантскими папоротниками и пальмовыми листьями. Это место выглядело так, будто в любую минуту сюда могла войти Сидни Гринстрит³⁷.

За стойкой в дальнем конце ресторана распахнулась дверь – в открывшемся помещении два вьетнамца в белых передниках нарезали овощи, а за ними на газовой плите булькали кастрюльки. А дальше, за плитой, взгляд Гарри уловил нежданный, как мираж, трепет полупрозрачной шторки. Он чуть подался вперед, чтобы получше рассмотреть, и почувствовал знакомую внутреннюю дрожь, когда увидел Виня, шеф-повара ресторана Пумо, метнувшегося к открытой двери. Винь родом из Анлата – деревни, где был расквартирован 1-й корпус, – она находилась всего в паре-тройке километров от Я-Тука.

А затем Гарри увидел, кто открыл дверь.

Буквально чуть ниже поля его зрения маленькая улыбающаяся вьетнамская девочка осторожно, но быстро двигалась в ресторан. Она почти достигла барной стойки, когда Винь ухватил

³⁷ Сидни Хьюз Гринстрит (1879–1954) – британо-американский актер. Хотя он начал свою карьеру в кино только в возрасте 61 года, в его голливудской карьере, длившейся до 1940-х годов, было множество значительных кинофильмов. Его лучше всего помнят по фильмам с Хэмфри Богартом и Питером Лорре, в том числе «Мальтийский сокол» (1941), «Каса-бланка» (1942) и «Путешествие в Марсель» (1944). Он исполнил роль Ниро Вульфа в радиоспектаклях в 1950 и 1951 годах. Сидни стал гражданином Соединенных Штатов в 1925 году.

ее за плечо. Рот малышки округлился в изумленное «о», и Винь втащил ее обратно на кухню – дверь захлопнулась, отрезав выплеск сердитых выкриков на вьетнамском.

В пугающе четкой слуховой галлюцинации Гарри Биверс услышал тяжелое дыхание М. О. Денглера у себя за правым плечом, а также отдаленные выстрелы и вопли. Тусклыми пятнами бледнели лица в центре бескрайней тьмы. И тут он вспомнил, где видел рожи демонов – это были лица маленьких черноволосых женщин, кидавшихся на них с поднятыми кулаками. «Ти номер дьесят! Ти номер дьесят!»

Перед Гарри Биверсом словно разверзлась бездна. На мгновение его охватил ужас небытия – жуткое тошнотворное чувство, будто он никогда не существовал на свете, как существовали более простые, более нравственные люди.

Словно со стороны он услышал себя, спрашивающего, что на кухне делает ребенок.

Джимми Ла подошел ближе.

– Это Хелен, младшая дочка Виня. Они оба иногда торчат здесь. Хелен, наверное, искала Мэгги, они давние подружки.

– У Тины, должно быть, хлопот полон рот, – проговорил Гарри, чувствуя, что удастся понемногу взять себя в руки.

– Видели «Вилледж войс»³⁸?

Гарри покачал головой. До него только сейчас дошло, что он инстинктивно сунул руки в карманы, чтобы скрыть их дрожь. Джимми искал за барной стойкой, из стопки меню вытащил газету и протянул Гарри последней страницей вверх. «Доска объявлений „Войс“ – гласил заголовок над тремя колонками плотного текста объявлений разных размеров кегля. Гарри обратил внимание, что два из них заключены в кружок.

Первое гласило: «Кормежка для кошки. Скучаю по тебе, проклятый. Буду в среду в 10 у „Майка Тодда“. Бродяжка». Второе было набрано заглавными буквами: «ТОЛЬКО ЧТО РЕШИЛА, ЧТО РЕШИТЬСЯ НЕ В СИЛАХ. МОЖЕТ, „МАЙКЛ ТОДД“, А МОЖЕТ И НЕТ. ЛА-ЛА».

– Поняли, о чем я? – спросил Джимми. Резкими движениями он начал доставать из-под бара стаканы и энергично крутить их под струей в раковине.

– Оба объявления дала твоя сестра?

– Кто же еще, – ответил Джимми. – У нас в семье все чеканутые.

– Жаль мне Тину.

Джимми усмехнулся и поднял взгляд от раковины.

– А как поживает доктор? Изменения есть?

– Ты же знаешь его, – ответил Гарри. – С тех пор как умер его сын, тусоваться с ним не слишком весело. *Totamente*³⁹.

Через секунду Джимми спросил:

– И что, едет с вами на охоту?

– Я бы предпочел, чтобы ты называл это миссией, – огрызнулся Гарри. – Слушай, а Тина собирается когда-нибудь показаться на свет божий?

– Может, позже... – сказал Джимми, отводя глаза.

В ресторане Пумо работали и жили два вьетнамца. Если он находил хотя бы пару тараканов, то переворачивал всю кухню вверх дном, а с Мэгги Ла вел себя как подросток. «ЛА-ЛА», вот уж точно. Старый товарищ Боба Биверса стал просто очередным... несколько мгновений он копался в памяти, пытаясь отыскать слово Денглера – вспомнил: «мультиязычным».

³⁸ «Вилледж войс» (The Village Voice, *англ.* – «Голос деревни») – американский еженедельник, освещавший преимущественно события культурной жизни Нью-Йорка. Газета перестала выпускать печатную версию в 2017 году по причине финансовых трудностей. В 2018 было объявлено о прекращении регулярного обновления онлайн-версии и создании цифрового архива издания. Тем не менее, по состоянию на 2019 год на сайте продолжают периодически появляться новые материалы.

³⁹ *Totamente* (*исп.*) – абсолютно.

– Передай ему мой совет: заявиться в номер «Майкла Тодда» с охрнительным ножиком за поясом.

– Ага, Мэгги это возбудит не по-детски.

Гарри бросил взгляд на свои часы.

– Гарри, в планы вашей миссии входит посещение Тайбэя? – спросил Джимми, впервые явив признаки реальной заинтересованности.

Биверс ощутил нечто вроде укола предостережения. На виске дернулся нерв:

– А вы с Мэгги разве не из Тайбэя?

И тут до него дошло! Кто сказал, что Тим Андерхилл все еще живет в Сингапуре? Гарри бывал в Тайбэе в кратковременном отпуске и легко мог представить себе, что Тим Андерхилл предпочел остаться жить там – в гремучей и похотливой смеси Чайна-тауна и Додж-Сити, какими он помнил те места. Он понял, что суд Божий, ошибочно считающийся дремлющим, на самом-то деле все это время бодрствовал, что все предписано и продумано заранее. Бог все предусмотрел и спланировал загодя.

Гарри вновь устроился поудобнее на барном стуле, заказал еще один martini и, отложив конфронтацию с бывшей женой еще на двадцать минут, принялся выслушивать разглагольствования Джимми Ла о неприглядных аспектах ночной жизни столицы Тайваня.

Джимми поставил перед ним исходящую парком чашку кофе. Гарри сложил салфетку, сунул ее во внутренний карман пиджака и бросил взгляд на разъяренных демонов. Он увидел ребенка, летящего на него с поднятым ножом, и сердце его зачастило. Он улыбнулся, и горячий кофе обжег ему язык.

2

Вскоре Гарри стоял у телефона-автомата рядом с мужским туалетом в узком коридоре подвального этажа. Свою бывшую жену он пытался для начала отыскать в галерее Марии Фарр, располагавшейся на первом этаже бывшего склада на Спринг-стрит в Сохо. Пэт Колдуэлл Биверс ходила в частную школу Марии Фарр, а когда галерея, казалось, стала приходить в упадок, взяла ее под крыло, сделав одним из своих любимых благотворительных проектов. (Еще в самом начале вовлечения его жены в работу галереи Гарри терпеливо сносил званые обеды с художниками, чьи работы представляли собой ржавые трубы, беспорядочно разбросанные по полу, аккуратные ряды поставленных на торец алюминиевых слитков, розовые колонны, инкрустированные похожими на бородавки наростами, которые напоминали Гарри исполинские эрекции. Ему до сих пор не верилось, что авторы-исполнители этих подростковых шуточек зарабатывают звонкую монету.)

На звонок ответила сама Мария Фарр. Это был дурной знак.

– Мария, – сказал он, – как приятно снова слышать твой голос. Это я.

По правде, звук голоса Марии – все согласные твердые, словно галька, – вновь напомнил Гарри, как он не любил ее.

– Мне нечего сказать тебе, Гарри, – ответила Мария.

– Уверен, это к счастью для нас обоих, – сказал Гарри. – Пэт еще у тебя?

– Даже будь она здесь, я бы тебе не сказала. – Мария повесила трубку.

Второй звонок – в справочное бюро, где ему сообщили номер телефона «Рильке-стрит», литературного журнала, еще одного объекта непреходящей благотворительности Пэт. Офисы редакции располагались на Дуэйн-стрит и на самом деле были лофтом, принадлежавшим Уильяму Тарпу, редактору журнала. Поскольку Гарри провел с Тарпом и его обнищавшими соавторами меньше вечеров, чем с Марией Фарр и ее художниками, Тарп воспринимал его всерьез.

– Редакция «Рильке-стрит», Уильям Тарп слушает.

– Билли, дружище, здравствуй! Это Гарри Биверс, бывший муж твоей лучшей помощницы. Звоню в надежде найти ее у тебя.

– Гарри, – ответил Тарп. – Тебе повезло. Мы с Пэт как раз монтируем тридцать пятый выпуск. Классный получится номер. Подъедешь?

– Если пригласите, – сказал Гарри. – Как думаешь, могу я поговорить с милейшей Патрицией?

Бывшая жена Гарри взяла трубку через мгновение:

– Гарри, как *мило*, что ты позвонил. Надо же, я как раз вспоминала тебя. У тебя все в порядке?

Ага, значит она уже в курсе, что Чарльз выставил его.

– В порядке, в порядке, все отлично. Даже есть желание отпраздновать. Как насчет того, чтобы выпить или пообедать после того, как тебе надоест сюсюкаться со стариной Билли?

Прикрыв рукой трубку и коротко переговорив с Уильямом Тарпом, Пэт отозвалась:

– Гарри, через часик.

– Неудивительно, что я всегда обожал тебя, – проговорил он, и Пэт сразу же дала отбой.

3

Когда его такси проезжало мимо винного магазина, Гарри попросил остановиться и подождать, пока он сходит за бутылкой. Он выскочил из машины, пересек тротуар, взмахивая лапами пальто, и вошел в похожее на сарай, нещадно освещенное помещение с широкими проходами и пастельно-голубыми неоновыми вывесками «Импорт», «Пиво», «Превосходное шампанское». Он было направился к «Превосходному шампанскому», но сразу же замедлил шаг, увидев, что перед ним по проходу шагают три молодые женщины с экспрессивными начесами и в немыслимых драных одежках. «Панкуши» всегда возбуждали Гарри. Три девушки, шепча и хихикая, о чем-то совещались над корзиной с бутылками недорогого красного, их пушистые разноцветные головки, словно ядовитые орхидеи, вздрагивали и кивали в ответ на очередную только им понятную шутку.

Одна из них, выкрашенная в пшенично-розовый, ростом была почти с Гарри. Выудив из корзинки бутылку бургундского, она медленно крутила ее в длинных пальцах.

Все три девицы были одеты в черное рваньё, словно подобранное на улице. Самая низенькая из них изогнулась рассмотреть бутылку, которую ласкали пальцы самой высокой, чуть приоткрыв Гарри круглую попку. Кожа девушки была песочного, почти золотистого оттенка. На мгновение Гарри почудилось, что он знает ее. Затем он увидел профиль девушки, резко очертившийся на голубом неоновом фоне вывески. Мэгги Ла.

Гарри заулыбался и шагнул вперед, отчетливо сознавая резкий контраст между своим костюмом и лохмотьями девушек.

Мэгги вдруг отделилась от подружек и скользнула дальше по проходу, две другие поспешили за ней. Высокая протянула руку и опустила на плечо Мэгги. Гарри разглядел впалую щеку, покрытую темной щетиной; высокая оказалась мужчиной. Гарри замер на месте с застывшей на лице улыбкой. Тыльной стороной ладони Мэгги провела по небритой щеке мужчины. Вся троица продолжила путь по проходу и повернула в сторону «Превосходного шампанского», не заметив Гарри.

Мэгги и ее друзья свернули в боковой проход, вдоль которого тянулись холодильники, облитые бледно-голубым светом неоновой вывески. В тот момент, когда Гарри наконец вспомнил, что зашел сюда купить бутылку шампанского, чтобы задобрить Пэт, он увидел Мэгги, открывающую стеклянную дверцу холодильного шкафа. На ее лице было выражение сентиментальной сосредоточенности. Она выдернула бутылку «Дом Периньон» и проворно спрятала ее под одеждой, потратив на все про все не более полутора секунд. Гарри вдруг с необъясни-

мой ясностью представил себе темную холодную бутылку шампанского, приютившуюся меж грудей Мэгги.

Ни секунды не раздумывая, Гарри рванул на себя стеклянную дверцу холодильника и выхватил другую бутылку «Дом Периньона». Ему вспомнилось загадочно улыбающееся лицо вьетнамской девочки, пытающейся прошмыгнуть к нему через дверь кухни «Сайгона». Он сунул бутылку под пиджак, полу которого она, однако, оттопыривала. Мэгги Ла и ее друзья-оборванцы неторопливым шагом направились к секции кассовых аппаратов в начале магазина. Гарри запустил руку под пальто, перевернул бутылку и сунул ее за пояс горлышком вниз, после чего застегнул пиджак и пальто. Теперь бутылка оттопыривалась едва заметно. Гарри направился вслед за Мэгги к кассам.

Из них работала только часть. Сотрудники щелкали кнопками и продвигали бутылки вина по лентам транспортеров. Мэгги с друзьями благополучно проследовали мимо пустой кассы, охранника в форме, мающего без дела у витринного стекла, и вышли из магазина.

– Эй, Мэгги! – крикнул Гарри и протрусил мимо ближайшей необслуживаемой кассы. – Мэгги!

Охранник поднял голову и сдвинул брови. Гарри показал в сторону двери. Теперь уже все у входа в магазин смотрели на него.

– Увидел свою давнишнюю приятельницу, – пояснил Гарри охраннику. Ничего не ответив, тот отвернулся и снова привалился спиной к стеклу.

К тому моменту, когда Гарри выбежал на тротуар, Мэгги след простыл.

Всю дорогу до Дуэйн-стрит Гарри искал ее, вглядываясь в прохожих на тротуарах. Когда такси остановилось и Гарри ступил на металлическую дорожку, что вела к зданию склада, приютившего лофт Уильяма Тарпа, у него вдруг мелькнула мысль: а ведь там, куда мы едем с «миссией», миллион таких вот Мэгги.

4

Гарри Биверс вручил охлажденную бутылку «Дом Периньон» изумленному и обрадованному Уильяму Тарпу и провел пять-десять минут, лицемерно восторгаясь готовящимся к печати выпуском «Рильке-стрит». Затем ненакрашенную сидящую Пэт Колдуэлл Биверс, которая сейчас больше чем когда-либо напоминала бобтейла, полжизни мечтательно-уныло кружившую вокруг него, он повез в ресторан «ТрайБеКа» – из тех, что Тим Андерхилл характеризовал «с претензией на изящество». Стены здесь покрывал красный лак. На каждом столике светили неброские лампы с латунными абажурами. Неслышно, словно паря, двигались по залу осанистые официанты. Гарри думал о Мэгги Ла, ее золотистой коже, бутылке шампанского и других интересных вещах, могущих поместиться в ложбинке ее маленьких, но таких волнующих грудок. При этом он на лету сочинял и в деталях описывал подробности их будущей «миссии», а Пэт, хоть и улыбалась частенько и, казалось, наслаждалась вином, супом, рыбой, – так вот, его не покидала уверенность, что Пэт не верила ни единому его слову. Как и Джимми Ла, она поинтересовалась, как, по его мнению, дела у Майкла и как он выглядит, и Гарри ответил – отлично, все отлично. Ее улыбки казались Гарри полными сожаления: то ли о нем, то ли о Майкле Пуле, то ли о мире в целом – понять не удавалось. Когда подоспел момент попросить денег, Пэт лишь спросила: «Сколько?» Пару тысяч. Она полезла в сумочку, достала чековую книжку и авторучку и без какого-либо выражения на лице выписала чек на три тысячи долларов.

Протянув руку через стол, Пэт передала чек Гарри и зарделась пятнами от скулы до скулы, а Гарри подумал, как же не к лицу ей такой румянец.

– Само собой, я рассматриваю это исключительно как кредит, – сказал он. – Эти деньги, что ты дала, Пэт, пойдут на доброе дело, и я не шучу.

– Значит, правительство хочет, чтобы вы выследили этого человека и выяснили, убийца он или нет?

– В двух словах – да. Разумеется, характер операции, так сказать, «получастный», что позволит мне заключить контракты на написание книги, на выпуск фильма и все такое. Надеюсь, ты понимаешь, что все это строго конфиденциально.

– Ну, конечно.

– Знаю, ты всегда умела читать между строк, но... – он как будто позволил предложению завершиться самому. – Я бы был не до конца искренним с тобой, если бы умолчал о том, что дело это сопряжено с определенной долей опасности.

– О да, – кивнула Пэт.

– Жутковато даже думать о таком, но, если я вдруг не вернусь, я хотел бы, чтобы меня похоронили в Арлингтоне⁴⁰.

Она снова кивнула.

Гарри выговорился, умолк и стал искать взглядом официанта.

Слова Пэт ошарашили его:

– Знаешь, до сих пор бывают минутки, когда я очень жалею, что ты попал во Вьетнам.

– Ну а что с того? – спросил он. – Я каким был, таким и остался. И никогда не был никем кроме *себя*.

Они расстались на выходе из ресторана.

Пройдя несколько шагов, Гарри обернулся с улыбкой, зная, что Пэт глядит ему вслед. Однако она, ссутулившись, удалялась по тротуару; переполненная комковатая сумка у бедра раскачивалась в такт шагам.

Он направился в свой банк и вошел в пустой вестибюль. Здесь он воспользовался банкоматом, чтобы внести сумму с чека Пэт и еще одного, полученного сегодня, и снять наличными четыреста долларов. В газетном киоске на углу он купил журнал «Скру»⁴¹, сложил его и сунул под мышку с чужих глаз долой. По холодку он вернулся на Западную 24-ю улицу в свою однокомнатную квартиру, которую подыскал себе после того, как Пэт наиболее решительно, чем делала это много раз, объявила, что хочет развода.

⁴⁰ *Арлингтон* – пригород Вашингтона, где расположено военное Арлингтонское национальное кладбище. На его территории захоронены участники войн, президенты, председатели Верховного суда и астронавты. В настоящее время на кладбище погребено более 400 000 человек; площадь его составляет 2,53 кв. км.

⁴¹ «Скру» (англ. Screw) – еженедельный порнотаблоид с подзаголовком «Лучшая газета мира». Выпуск прекращен в 2003 г.

7. Конор за работой

1

«Странное дело, – думал Конор. – С момента воссоединения ко мне то и дело возвращаются былые дни, как будто Вьетнам был моей настоящей жизнью, а все, что потом, – приятными воспоминаниями, таким послесвечением». Все труднее становилось сосредоточиться на настоящем, удержать в нем рассудок, былые дни продолжали врывать в его жизнь, порой даже физически. Несколькими днями ранее старик без задней мысли вручил ему фотографию: на снимке, который сделал рядовой SP4 Коттон, был запечатлен Тим Андерхилл в обнимку с одним из своих «цветочков».

Было четыре часа дня, и Конор лежал в постели, страдая серьезным похмельем после церемонии торжественного открытия Мемориала. Считается, что люди с возрастом лучше справляются с давлением, однако по опыту Конора все обстояло как раз наоборот.

Еще три дня тому назад у Конора была работа: почти пять недель он проработал плотником, благодаря чему смог бы оплачивать жилье, по крайней мере, до тех пор, пока Пул и Биверс не подготовят все к поездке в Сингапур. В Хэмпстеде, на Маунт-авеню, в каких-то десяти минутах ходьбы от крохотной, с едва ли не комичным минимумом мебели квартирки Конора в Южном Норуолке, адвокат-миллионер лет шестидесяти с лишком по имени Чарльз Дэйзи («Зови меня Чарли!»), только что женился в третий раз. Дабы ублажить новую женушку, Дэйзи решил переделать весь первый этаж своего особняка: кухню, гостиную, комнату для завтраков, обеденный зал, комнату для отдыха, маленькую столовую, примыкающую к кухне, прачечную и комнату для прислуги. Подрядчик Дэйзи, белобородый старожил по имени Бен Рем, нанял Конора в помощь своей команде, в которой не хватило рук. На протяжении ряда лет Конор три или четыре раза работал с Беном. Как большинство бригадиров плотников, поистине виртуозов в работе с деревом, Рем бывал угрюм и непредсказуем, но к плотницкому делу относился как к нечто большему, чем просто занятию, благодаря которому можно оплачивать жилье. По мнению Конора, работа с Ремом настолько тесно граничила с удовольствием, насколько это вообще возможно.

И в первый же рабочий день Конора Чарли Дэйзи раньше обычного вернулся домой из офиса и зашел в гостиную, где Конор и Бен Рем клали новый дубовый пол. Чарли долго стоял, наблюдая за их работой. Конор даже немного занервничал: быть может, хозяину не нравится его внешний вид? Дабы предотвратить неизбежные боли от многочасового стояния на коленях на твердом полу, Конор толсто обмотал их тряпками. Вокруг лба он повязал пеструю бандану, чтобы пот не попадал в глаза. (Бандана натолкнула вдруг на мысль об Андерхилле, «цветочках» и надвигающемся разговоре.) Возможно, подумал Конор, клиент решил, что он выглядит малость неряшливо. Поэтому не слишком удивился, когда Дэйзи сделал шаг вперед и кашлянул в кулак: «Кхм!» Конор и Бен коротко переглянулись. Клиенты, в особенности богачи с Маунт-авеню, горазды на самые неожиданные заморочки.

– Вы, молодой человек, – заговорил Дэйзи. Конор поднял голову и заморгал, болезненно сознавая, что стоит на четвереньках, как лохматый пес, перед этим франтоватым маленьким миллионером.

– Я верно угадал? – продолжил Дэйзи. – Ведь вы были во Вьетнаме?

– Да, сэр, – ответил Конор, приготовившись к неприятностям.

– Молодчина! – Дэйзи протянул Конору руку для рукопожатия. – Я знал, что так оно и есть.

Выяснилось, что от его единственного сына осталось имя на Стене – он погиб в Хюэ во время Тетского наступления⁴².

В течение нескольких недель эта работа была, пожалуй, лучшей в жизни Конора. Почти каждый день он учился чему-то новому у Бена Рема: маленьким хитростям и премудростям, которые в одинаковой степени связаны как с техническим мастерством, так и с концентрацией и бережливостью. Через несколько дней после рукопожатия с Конором Дэйзи появился как-то под вечер, неся в руках серую замшевую коробочку и фотоальбом в кожаном переплете. Конор и Бен устанавливали новую перегородку на кухне, выглядевшей на тот момент как после бомбежки: развороченный словно взрывом пол, болтающиеся провода, торчащие трубы. Дэйзи пробрался через завалы к ним со словами:

– До той поры, пока я не женился во второй раз, единственное, что согревало мне сердце, было вот это.

Коробочка оказалась футляром для медалей сына Дэйзи. На блестящем атласе покоились «Пурпурное сердце», «Бронзовая звезда» и «Серебряная звезда». Альбом же хранил множество фотографий из Вьетнама.

Старик Дэйзи болтал без умолку, показывая пальцем на снимки заляпанных грязью танков М-48 и голых по пояс юнцов, обнимающих друг друга за плечи. «Не просто так люди выдумали путешествие во времени, – подумалось Конору. – Жаль только, что бойкому старику-адвокату не хватает смекалки, чтобы просто заткнуться и позволить фотографиям говорить самим за себя».

А фотографии говорили. Хюэ находился в зоне действия 1-го корпуса, это был Вьетнам Конора, и потому все, что он видел в альбоме, было ему знакомо.

Вот долина Ашау в объятиях вздымающихся и опадающих гор, и долгая вихляющая вереница людей, карабкающихся вверх по склону, след в след хлюпающих по жидкой грязи. (Денглер: «Да, если проскочу долину Ашау, мне сам черт не брат, потому что я самый безбашенный сукин сын в этой долине».) Мальчишки-солдаты, размахивающие пачками на поляне в джунглях, один из них с грязной марлевой повязкой на голой руке. Конор представил раскрасневшуюся, радостную физиономию Денглера на месте лица этого мальчишки.

Конор смотрел на изнуренное усатое лицо, силящееся усмехнуться над стволом М-60⁴³, установленного на большом зеленом вертолете. Питерс и Герб Рехт погибли в точно такой же вертушке, перебрасывавшей плазму, пулеметные ленты и еще шестерых бойцов через горный склон в двадцати километрах от Кэмп-Крэндалла.

Конор пригляделся повнимательнее к патронам в ленте М-60.

– Мне кажется, вам знаком этот вертолет? – спросил Дэйзи.

Конор кивнул.

– Много их видели, когда были там?

Это был вопрос, и вновь в ответ он смог лишь кивнуть.

Два молоденьких, будто едва со школьной скамьи, солдата, явно повоевавшие не больше недели, сидели на поросшей травой плотине и, запрокинув головы, пили из фляжек.

– Этих мальчиков убили вместе с моим сыном, – сказал Дэйзи.

⁴² Тетское наступление (также известно как наступление Тет, или Новогоднее наступление) – общепотребимое название первого широкомасштабного наступления коммунистических сил во время войны во Вьетнаме в 1968 году. Битва за Хюэ – одно из наиболее долгих и кровопролитных сражений периода войны во Вьетнаме, произошедшее в 1968 году между силами США и Южного Вьетнама с одной стороны и силами Северного Вьетнама с другой. Сражение велось за южновьетнамский город Хюэ и характеризовалось ожесточенными уличными боями, сопровождавшимися большими разрушениями и жертвами среди мирного населения.

⁴³ Американский 7,62-мм пулемет, разработанный в послевоенные годы и принятый на вооружение Армии и Корпуса морской пехоты в 1957 году. За недостатки конструкции и внешний вид получил прозвище «англ. the pig» – «свинья».

Влажный ветер взъерошил стриженные волосы мальчишек. За их спинами по израненному взрывами полю бродили тощие воны. Конор словно наяву ощутил во рту жуткий вкус мертвой воды из пластиковой фляги.

Увлеченно, простодушным голосом человека, обращающегося больше к самому себе, чем к своим слушателям, Дэйзи давал пояснения и комментарии к фотографиям людей, таскающих 3,5-дюймовые реактивные снаряды на крышу здания; кучкам рядовых, валяющих дурака перед деревянной хижинкой, в которой вскоре разместится РПК⁴⁴ Уилсон Мэнли; солдатам, дымящим травкой; солдатам, спящим на пыльной пустоши, очень похожей на зону высадки Сью; простоволосым ухмыляющимся солдатам, позирующим с безразличными ко всему молодыми вьетнамками...

– А вот этого парня, смотрите, я не знаю, – показал Дэйзи. Как только Конор увидел лицо, его словно оглушило и он едва слышал голос адвоката: – Здоровый тип, тот еще сукин сын, да? И похоже, мутит с этой крошкой.

Дэйзи искренне заблуждался. Должно быть, новая жена перезапустила его гонады – зачем же еще он возвращался домой в четыре тридцать пополудни?

Солдатом-здоровяком со спущенной на шею банданой был Тим Андерхилл. А «крошка», один из его «цветочков», – юношей, настолько женственным, что запросто можно было принять за девушку. Улыбаясь фотографу, они стояли на узкой улочке, запруженной джипами и рикшами, то ли в Дананге, то ли в Хюэ.

– Сынок? – окликнул его Дэйзи. – Ты в порядке, сынок?

На секунду Конор задумался, отдаст ли ему Дэйзи фотографию Андерхилла.

– Ты малость побледнел, сынок, – заметил Дэйзи.

– Не волнуйтесь, – ответил Конор, – все хорошо.

Остальные фотографии он просмотрел на скорую руку и сказал:

– Поверьте мне на слово, черта с два такое забудется...

Позже Бен решил, что для отделки кухни необходима еще одна пара рук, и нанял Тома Войцака.

Конор опоздал на работу на несколько минут. Когда он вошел в разгромленную кухню, увидел расслабленно привалившегося к каркасу новой перегородки незнакомца с длинными тронутыми сединой светлыми волосами, завязанными хвостом. На незнакомце была поношенная водолазка под клетчатой рубашкой. Под пивным пузом висел потертый пояс для инструментов. На переносице виднелась свежая ссадина, на сбитых костяшках пальцев – ссадины подзажившие, цвета пережаренного тоста. Белки глаз – в красных прожилках. В памяти Конора словно всплыл пузырь, лопнувший незабываемой вонью горящего дерьма, облитого керосином. Вьетнам, рядовой-пехотинец.

Бен Рем вместе с другими плотниками и малярами сидели или развалились на полу, потягивая из своих термосов утренний кофе.

– Знакомся, Конор, – сказал Бен. – Том Войцак, твой новый партнер по отделке кухни.

Несколько мгновений Войцак оторопело смотрел на протянутую ему руку, затем с неохотой пожал ее.

«Ну-ка, ублюдки, пейте до дна! Эта хренотень – настоящий бальзам для души!» – вспомнилось Конору.

Все утро они молча обшивали гипсокартоном стены кухни – каждый свою.

После того, как в одиннадцать миссис Дэйзи принесла кофейник свежего кофе и удалась, Войцак прорычал:

– Видел, как она подвалила ко мне, а? Еще до того, как мы здесь закончим, я окажусь в спальне этой сучки и оприходуя ее прямо на полу.

⁴⁴ Сокр. – рядовой первого класса.

– Кто б сомневался! – рассмеялся Конор.

Войцак в мгновение ока пересек кухню, оставив на полу парящую лужицу кофе и крутящуюся чашку, подлетел вплотную к Конору и, оскалив зубы, прошипел ему в лицо:

– Не вздумай мне помешать, педик, иначе я тебя грохну.

– Отвали, – Конор оттолкнул Войцака. «Сбить его с ног ударом головы, войти в клинч и размять его адамово яблоко ударом с левой», – мелькнула мысль, но тут Войцак отряхнул плечи, словно прикосновение Конора испачкало его, и отступил.

В конце дня Войцак бросил свой пояс для инструментов и молча наблюдал за тем, как Конор складывает свои инструменты перед уходом.

– Ишь, какой аккуратный маленький засранец, – прокомментировал он.

Конор громко захлопнул ящик с инструментами:

– Войцак, у тебя много друзей?

– Думаешь, хозяева тебя усыновят? Ошибаешься.

– Ладно, забей, – Конор встал.

– Что, тоже был там? – Войцак очень старался, чтобы в его голосе не промелькнуло любопытство.

– Ага.

– Секретарем-машинисткой?

Пытаясь унять душившую ярость, Конор покачал головой и отвернулся.

– В каком служил «хозяйстве»?

– Девятый батальон, двадцать четвертый пехотный полк.

Смех Войцака просипел, как порыв ветра над насыпным гравием. Конор развернулся и, не останавливаясь, благополучно вышел из дома.

Оседлав свой мотоцикл, он долго сидел, уткнувшись невидящим взглядом в темно-серые зерна гравия подъездной дорожки и стараясь не думать ни о чем. Небо над головой и даже воздух казались такого же мрачного оттенка, как гравий. Холодный ветер студил лицо. Он чувствовал, как отдельные острые камушки упираются в подошвы его ботинок.

Несколько мгновений Конор пребывал в уверенности, что вот сейчас заведет свой «харлей» и помчится, отдавшись на волю скорости, и так же не думая ни о чем и не останавливаясь укатит на сотни миль... Скорость и дальние путешествия всегда дарили ему ощущение легкой, светлой пустоты. Мысленно он увидел, как развернулись перед ним полосы автострад, полетели мимо неоновые вывески отелей, придорожные закусовые со шкворчащими на грилях гамбургерами...

Он так и сидел на мотоцикле, обдуваемый холодным ветром, когда услышал, как в доме захлопали двери и густым баритоном что-то прогудел Бен Рем.

Конору вдруг очень захотелось, чтобы ему позвонил Майкл Пул и сказал: «Мы выдвигаемся, малыш, собирай манатки и встречай нас в аэропорту».

Бен Рем открыл дверь и ухватил взглядом Конора. Он вышел из дома и надел тяжелое отделанное овчиной джинсовое пальто.

– Ну что, до завтра?

– А мне больше некуда податься, – ответил Конор.

Бен кивнул. «Харлей» с грохотом пробудился к жизни, и Конор отъехал в тот момент, когда остальная бригада выходила из дома.

В течение трех-четырех последующих дней Войцак и Конор словно не замечали друг друга. Когда Чарли Дэйзи наконец расчужил другого ветерана и появился с неизменным футляром и фотоальбомом, Конор сложил свои инструменты в ящик и вышел. Он чувствовал, что просто не вынесет находиться рядом, пока Войцак будет разглядывать фото Андерхилла.

В ночь перед неожиданно оказавшимся последним его рабочим днем у Дэйзи Конора в четыре утра разбудил кошмар – ему приснились М. О. Денглер и Тим Андерхилл. Промаяв-

шись до пяти, он встал, приготовил кофе и выпил почти весь кофейник перед тем, как отправиться на работу. Осколки кошмара цеплялись за сознание все утро.

Они с Денглером прячутся в блиндаже – дрожа от страха, пережидают обстрел. Андерхилла не видно, он, должно быть, в темном углу рядом с ними или в другом, но отлично слышен его или не его зычный голос, очень похожий на голос Бена Рема: голос перекрывает почти весь шум снаружи.

В Драконовой долине никаких блиндажей не было.

Труп лейтенанта сидит спиной к дальней стене, ноги раскинуты в стороны. Кровь из аккуратного разреза на его шее залила все тело, окрасив грудь в насыщенно-красный цвет.

– Денглер! – во сне говорит Конор. – Денглер, взгляни на лейтенанта! Этот засранец втянул нас в эту заваруху, и теперь он покойник!

Очередная ослепительная вспышка в небе, и Конор видит карту Коко, зажатую в зубах лейтенанта Биверса.

Конор касается плеча Денглера, и тело Денглера валится ему на ноги, и Конор видит, что лицо его изуродовано, а в зияющем провале рта – карта Коко. Он вопит во сне и в реальной жизни и просыпается.

На работу Конор приехал рано и ждал остальных снаружи. Через несколько минут на своем «Блейзере» подъехал Бен Рем – он подвез еще двоих работяг, живших поблизости от него. Имея маленьких детей и арендную плату, эти двое не имели за плечами опыта Вьетнама – слишком были молоды. Наблюдая за тем, как они выбираются из машины, Конор с удивлением ощутил в себе едва ли не отцовские чувства по отношению к этим крепким молодым плотникам: они не обладали достаточным опытом, чтобы уловить разницу между Беном Ремом и большинством других подрядчиков.

– Ты как, Рыжик? – окликнул его Рем.

– Как огурчик, дядя!

Через минуту прибыл Войцак на длинном автомобиле, покрытом черной грунтовкой и лишенном всех наружных украшений и деталей, даже дверных ручек.

Как только они приступили к работе, Конор впервые заметил, что Войцак, который обшил в два раза большую площадь стены, чем он, откровенно халтурил: будто вкалывал на подрядчика, спешащего закончить грязную работенку по ремонту лачуг из картонных коробок из-под яиц. Бен Рем был дотошным и требовательным, и чтобы соответствовать его требованиям, швы надо оставлять гладкими и ровными. Работа Войцака выглядела так же неряшливо, как и его убогая машина. По шву на ленте виднелись комки и морщины, которые останутся там навсегда: они будут заметны даже после того, как стены оштукатурят и покроют двумя слоями краски.

Войцак заметил, что Конор внимательно разглядывает его работу:

– Что-то не так?

– Да почти все не так, старина. Ты раньше с Беном работал?

Войцак положил на пол инструменты и шагнул к Конору.

– Ты, мелкое рыжее чмо, ты говоришь – мне, что у меня руки не из того места растут? А случаем не заметил, что я сделал в два раза больше тебя? Да тебя держат здесь только за то, что ты пустил слезу над фотками хозяина: командир хочет, чтобы мирняки были счастливы.

«Командир? – подумал Конор. – Мирняки? Мы – что, вернулись на оперативную базу?»

– Ты в курсе, что эти снимки сделал его сын? – вслух спросил он.

– Эти снимки сделал черномазый по фамилии Коттон.

– Твою ж мать... – Конор почувствовал, что должен немедленно сесть.

– Коттон служил в одном взводе с младшим Дэйзи. А тот попросил продать ему копии снимков, понял, болван?

– Я знал Коттона, – сказал Конор. – И стоял рядом, когда он покупал их.

– Мне лично пофиг, кто делал снимки, мне лично пофиг, живой он, мертвый или где-то посередине. А еще мне пофиг, если здесь кто-то думает, что ты весь из себя герой, потому что я сейчас вижу перед собой просто гребаного зануду, понял? – Войцак сделал к Конору еще один шаг, и тот увидел в его глазах ярость и страдание, так тесно переплетенные друг с другом, что казались неотличимы. – Ты все понял? Я двадцать один день провел в огневом контакте, двадцать один гребаный день и двадцать одну ночь!

– Я лишь о том, что надо будет убрать морщины на швах, и все...

Но Войцак уже ничего не слышал. Глаза его напомнили Конору вертушки на палочке.

– Баба! – завопил он.

– Так это ж у тебя только бабы на уме, – ответил Конор.

– Я классный отделочник! – проорал Войцак.

Эту сцену прервал Бен Рем, грохнув кулаком по гипсокартонной панели. Из-за спины подрядчика выплыла миссис Дэйзи с кофейником в руке.

Войцак вяло улыбнулся ей.

– Довольно, – сказал Рем.

– Я с этим придурком работать не могу, – заявил Войцак, буквально воздев руки к потолку.

– Он постоянно меня провоцирует, – защищался Конор.

– Чарли будет вне себя, если услышит в доме брань, – нервно проговорила миссис Дэйзи. – По его виду, возможно, и не скажешь, но он весьма старомоден.

– Кто здесь занимается отделкой, в конце-то концов, а? – Войцак наклонился и поднял с пола резак и кисть. – Глаза его пришли в норму. – Я всего лишь хочу делать свою работу, и все.

– Да вы взгляните, как он ее, черт возьми, делает!

Повернувшись к Конору, Бен сделал серьезное лицо и сказал, что хочет с ним поговорить.

Он повел Конора по коридору в разгромленную маленькую столовую. За спиной Конор услышал шепот: Войцак что-то промурлыкал миссис Дэйзи, пытаясь втереться в доверие, а та хихикнула.

В маленькой комнате Бен, ступая через дыры в полу, прошел к стене и привалился к ней спиной.

– Этот парень – муж моей племянницы Эллен. У него за плечами тяжелый боевой опыт... там, за океаном, и я всячески пытаюсь ему помочь. Не стоит говорить мне, что он клеит швы, как моряк после трехдневной пьянки. Я делаю для него все, что могу. – Он взглянул на Конора, но не смог надолго удержать его взгляд. – Хотел бы я, Рыжик, сказать тебе что-то еще, но увы... Ты, малыш, хороший рабочий.

– Можно подумать, я все время, что был во Вьетнаме, расслаблялся на пикниках... – Конор помотал головой и приказал себе замолчать.

– Я заплачу тебе за несколько дней вперед. А летом работа тебе будет точно, приезжай.

Вот только лето еще так нескоро... Но Конор сказал:

– За меня не беспокойтесь. У меня тут кое-что намечается. Собираюсь отправиться путешествовать.

Рем смущенно-неловко махнул рукой в отпускающем жесте:

– Только держись подальше от баров.

2

Когда Конор вернулся на Уотер-стрит в Южном Норуолке, он понял, что не в силах вспомнить что-либо с той минуты, как расстался с Беном Ремом. Словно он, оседлав свой «харлей», умчался в сон, от которого очнулся, лишь когда заглушил мотоцикл перед многоквартирным домом, в котором жил. Он чувствовал себя уставшим, пустым, подавленным. Он

не понимал, как умудрился, проделав весь путь домой в трансе, избежать аварии. Он не понимал, почему до сих пор жив.

Чисто механически он проверил почтовый ящик. Среди рекламного мусора, адресованного «постоянному жителю», и обращений политиканов штата Коннектикут обнаружился надписанный от руки продолговатый белый конверт с почтовым штемпелем Нью-Йорка. Конор отнес почту к себе наверх, выбросил все ненужное в корзину для мусора и достал из холодильника пиво. Он взглянул на себя в зеркало над кухонной раковиной: морщины на лице, мешки под глазами. Мужчина еще не старый, но уже не молодой, замученный какой-то... Конор включил телевизор, скинул пальто на свой единственный стул и плюхнулся на кровать. Он вскрыл белый конверт, больше не в силах испытывать терпение, и заглянул в него. В конверте лежал длинный прямоугольник голубой бумаги. Конор вытянул чек и внимательно изучил. После секундного замешательства и неверия он перечитал надпись на лицевой стороне. Сумма две тысячи долларов США, получатель платежа – Конор Линклейтер, чек подписан Гарольдом Дж. Биверсом. Конор поднял конверт с груди, снова заглянул в него и обнаружил записку: «Готовность номер один! Детали вылета сообщу. Мое почтение, Гарри (Боб!)».

3

Конор долго-долго смотрел на чек, затем убрал его и записку обратно в конверт и задумался, куда бы их спрятать. Если положить на стул, может ненароком сесть на него, если оставить на кровати – тот запросто попадет в узел с простынями, когда он свернет их, отправляясь в прачечную самообслуживания. Если положить на телевизор, то по пьяни, приняв ненароком конверт за мусор, может выбросить его. В конце концов мысли Конора притормозили полет, когда взгляд остановился на холодильнике. Он поднялся с кровати, нагнулся открыть дверь холодильника и аккуратно положил конверт на пустую полку прямо под упаковкой полудюжины «Молсон Эль».

Он побрызгал водой в лицо, пригладил волосы щеткой и переоделся в черную джинсу и вельвет – в чем приезжал в Вашингтон.

Затем Конор прогулялся до бара «У Донована» и опрокинул четыре «ерша» еще до того, как появились первые посетители. Прислушиваясь к себе, он не мог разобраться, чего в душе больше: радости от получения денег на поездку или огорчения от потери работы; а может, огорчение от потери работы и из-за прикурка Войцака перевешивает радость от получения денег. В итоге посчитав, что скорее счастлив, чем нет, он решил, что по этому поводу стоит выпить еще.

Со временем бар заполнился. Конор надолго зацепился взглядом за хорошенькую посетительницу, пока наконец не почувствовал себя трусом и не слез со стула, чтобы поговорить с ней. Она проходила практику, связанную с какой-то работой на компьютерах. (По вечерам процентов шестьдесят посетительниц «У Донована» чудесным образом превращались в практиканток «какой-то работы на компьютерах».) Вместе они несколько раз выпили. Конор поинтересовался, не желает ли она посмотреть его прикольную маленькую квартиру. В ответ она назвала его прикольным маленьким ухажером и сказала «да».

– О, да ты настоящий домосед, а? – спросила девушка, когда они вошли и он включил свет.

После того как закончили заниматься любовью, девушка наконец спросила о припухлостях у него на спине и животе.

– «Эйджент оранж», – ответил он.

Проснулся он один – с похмельем и сожалением, что нельзя сейчас увидеться с Майклом Пулом, поговорить с ним об «Эйджент оранж» и поспрашивать о Тимоти Андерхилле.

8. Доктор Пул на работе и отдыхе

1

– О, то что надо, – воскликнул Майкл. – В январе в Сингапуре пройдет медицинская конференция, в связи с чем организаторы предлагают участникам льготные тарифы на перелет.

Он поднял взгляд от номера «Американского врача». В ответ Джуди лишь поджала губы и уставилась в экран на телешоу «Сегодня». Она завтракала стоя у разделочного столика центральной секции, Майкл же сидел в одиночестве за длинным кухонным столом. Три года назад Джуди заявила, что эта кухня ее достала, она устаревшая и неудобная – и потребовала ремонта. Теперь Джуди по утрам ела стоя, отделенная от мужа восемью футами непомерно дорогой древесины нового стола.

– Тема конференции? – спросила Джуди, не отрываясь от экрана.

– «Педиатрия и травматология» с подзаголовком «Травматология и педиатрия».

Джуди бросила на него полуудивленный, полунасмешливый взгляд, прежде чем откусить кусочек хрустящего тоста.

– Должно получиться. Если нам повезет, то через неделю-другую разыщем Андерхилла и все уладим. Плюс еще неделю будет действительна бронь на обратные билеты.

Джуди продолжала молча смотреть в телевизор, и Майкл, не выдержав, спросил:

– Слышала вчерашнее сообщение Конора на моем автоответчике?

– Когда это я прослушивала твои сообщения?

– Гарри Биверс послал Конору чек на две тысячи на дорожные расходы.

Ответа не последовало.

– Конор глазам своим не поверил.

– Как, по-твоему, справедливо было отдавать работу Тома Брокау⁴⁵ Брайанту Гамбелу⁴⁶? Мне всегда казалось, что Гамбел несколько легкомыслен.

– А мне он всегда нравился.

– Ну, вот и радуйся. – Джуди отвернулась убрать свои пустые тарелку и чашку из-под кофе в посудомоечную машину.

– И это все, что ты можешь сказать?

Джуди резко повернулась к нему – она с заметным усилием сохраняла самообладание:

– Ах, простите. Еще пару слов мне дозволено сказать? По утрам я скучаю по Тому Брокау. Как так? А вот так: признаюсь, старина Том иногда возбуждал меня. – Телесная близость в их с Джуди браке закончилась четыре года назад, в 1978-м, когда их сын Роберт, Робби, умер от рака. – И теперь шоу уже не кажется мне таким интересным, как и многое другое. Но это «многое другое» в жизни случается, не так ли? Странные порой вещи случаются с сорокаодналетними мужьями. – Она взглянула на свои часы, а затем бросила на Майкла косой, обжигающий взгляд. – У меня всего двадцать минут, чтобы доехать до школы. Умеешь ты выбирать моменты...

– Ты так ничего и не сказала по поводу нашей поездки.

Джуди вздохнула.

⁴⁵ *Том Брокау* (род. в 1940 г.) – американский телеведущий, журналист, редактор телевизионных программ и автор, известный прежде всего как главный редактор ночных новостей с 1982 до 2004 год, автор многих книг, обладатель многочисленных премий и наград, был ведущим трех основных программ новостей NBC: «Сегодня», «Ночные новости» и Meet the Press.

⁴⁶ *Брайант Чарльз Гамбел* (род. в 1948 г.) – американский тележурналист и спортивный комментатор, наиболее известный за 15 лет работы соведущим программы NBC «Сегодня».

– Где, по-твоему, Гарри раздобыл деньги, которые послал Конору? На прошлой неделе звонила Пэт Колдуэлл и рассказала, что Гарри напел ей какую-то сказку о задании государственной важности.

– Вот как... – Майкл помолчал немного. – Биверс любит строить из себя Джеймса Бонда. Хотя, в общем-то, какая разница, где он достал деньги.

– Хотела бы я знать, почему тебе так важно удрать в Сингапур с несколькими психами, чтобы искать там еще одного больного на голову, – Джуди яростно одернула свой коротенький парчовый жакет и на секунду напомнила Майклу Пэт Колдуэлл. Она не пользовалась макияжем, и в коротких светлых волосах виднелись пепельные пряди седины.

И тут впервые за это утро она искренне взглянула на него:

– А как же твоя любимая пациентка?

– Посмотрим. Сегодня днем скажу ей.

– А твои партнеры, полагаю, займутся остальными пациентами?

– Причем с радостью.

– Ты же тем временем с не меньшей радостью рванешь в Азию.

– Ненадолго.

Опустив глаза, Джуди улыбнулась с такой горечью, что у Майкла все внутри перевернулось.

– Я должен убедиться, что Тиму Андерхиллу не нужна помощь. Он – наше неоконченное дело.

– А вот как это понимаю я. На войне убивают людей. И детей тоже. На то она и война. Но когда война окончена – она окончена, вот и все.

– В некотором смысле ничто и никогда вообще не заканчивается.

2

Джуди говорила правду: в Я-Туке Майкл Пул убил ребенка. Обстоятельства произошедшего были неоднозначными и туманными, однако факт оставался фактом: он выстрелил и убил маленького мальчика, стоявшего в тени задней стены хижины. Майкл был ничем не лучше Гарри Биверса – он был, по сути, *таким же*, как Гарри Биверс. С Гарри Биверсом все произошло почти в точности, как и с ним: был Гарри и был голый ребенок... Все, кроме финала их встречи, но именно исход дела имел значение.

Несколько лет назад Майкл прочел в каком-то уже благополучно забытом романе, что ни одна история не существует без своего прошлого и прошлое истории есть то, что позволяет нам понять ее. И это верно не только для историй из книг. Он был тем, кем был в данный момент – сорокаоднолетним педиатром, проезжающим на своем автомобиле через провинциальный городок с томиком «Джейн Эйр» на правом пассажирском сиденье, – в какой-то мере потому, что застрелил мальчика в Я-Туке, но в большей степени потому, что до того, как его выгнали из колледжа, он познакомился, а затем женился на хорошенькой студентке основной специализации Джудит Рицманн. Когда его призвали в армию, Джудит писала ему два или три раза в неделю, и даже теперь некоторые из этих писем он помнил наизусть. Именно в одном из них она написала, что хочет, чтобы их первый ребенок был непременно сыном, и что хочет назвать его Робертом. Майкл и Джуди были такими, какие есть, из-за того, что сделали в прошлом. Он женился на Джуди, он убил ребенка, а потом пил, пил... Пока он учился на медицинском факультете, Джуди содержала его. Роберт – сыночек, родной, милый, болезненный, самый красивый Робби – родился в Вестерхольме, прожил свою бессобытийную и бесценную жизнь ребенка в этом провинциальном городке, в котором души не чаяла его мать и которым тяготился его отец. Роберт поздно начал ходить, поздно заговорил, слабо учился в школе.

Майкл давно понял, что ему абсолютно безразлично, будет ли его сын учиться в Гарварде, да и в любом другом колледже. Сын был его отрадой, лучиком света в его жизни.

К пяти годам из-за частых головных болей Робби положили в больницу, где работал его отец, и у мальчика обнаружили первую злокачественную опухоль. Позже появились другие опухоли – на селезенке, печени, в легких. Майкл купил сыну белого кролика, и мальчик назвал того Эрни в честь одного из персонажей сериала «Улица Сезам». Когда у Робби наступала ремиссия, он таскал с собой Эрни по всему дому, как плюшевого мишку. Болезнь Робби длилась три года, и годы эти, казалось, обладали собственным ритмом, вели отсчет своего собственного времени, не связанного с временем окружающего мира. Когда сейчас Майкл оглядывался назад, ему казалось, что те тридцать шесть месяцев пролетели самое большее за двенадцать, а каждый час тогда тянулся неделю, каждая неделя – год, и все три года унесли молодость Майкла.

Но в отличие от Робби, он пережил эти три года. В больничной палате он держал сына на руках, когда тот тихо боролся за последний вздох: Робби очень легко расстался с жизнью. Майкл опустил родного мертвого мальчика на кровать, а затем – вновь, практически в последний раз – обнял жену.

– Когда вернусь домой, я не хочу видеть этого чертова кролика, – сказала Джуди. Она хотела, чтобы Майкл убил его.

Он и в самом деле едва не убил кролика, хотя слова жены показались ему похожими на приказ глупой злой королевы из сказки. Майкл разделял яростное отчаяние жены в такой степени, что был способен совершить подобный поступок. Вместо этого он отвез кролика к полю на северной окраине Вестерхольма, достал из машины клетку, распахнул ее дверцу и позволил Эрни выпрыгнуть наружу. Эрни огляделся вокруг кроткими глазами (так похожими на глаза Робби), сделал пару несмелых прыжков вперед, а затем припустил к лесу.

Майкл завернул на парковку перед больницей Святого Варфоломея и только сейчас осознал, что всю дорогу от своего дома на Редкуот-Парк к Аутер-Белт-роуд и затем к больнице – практически через весь Вестерхольм – он ехал со слезами на глазах. Он миновал семь поворотов, пятнадцать знаков «стоп», восемь светофоров и преодолел плотный поток машин в сторону Нью-Йорка на Белт-роуд, практически не видя ничего из этого. Он не помнил, чтобы вообще проезжал через Вестерхольм. Щеки были мокрыми от слез, веки распухли. Он достал из кармана носовой платок и вытер лицо.

– Давай не глупи, Майк, – приказал он себе, взял с сиденья «Джейн Эйр» и выбрался из машины.

На другой стороне парковки возвышалось огромное, неправильной формы строение цвета перепревших листьев с башенками, арочными контрфорсами и сотнями узких окошек, словно пробитых в фасаде.

Главная обязанность Майкла в больнице состояла в том, чтобы произвести осмотр всех родившихся за ночь детишек. Делал он это раз в неделю, и вот уже два месяца с тех пор, как в отдельной палате больницы изолировали Стейси Тэлбот, он старался задерживаться на осмотре новорожденных как можно дольше.

После того как Майкл закончил с последним младенцем, он бегом навестил послеродовое отделение, дабы удовлетворить свое любопытство по поводу матерей осмотренных им крошек, а затем поднялся на лифте на девятый этаж в отделение онкологии, или «Раковое ущелье», – однажды он ненароком услышал, что так назвал его один интерн.

Лифт остановился на третьем этаже, и знакомый Майклу хирург-ортопед Сэм Штейн шагнул в кабину. Владелец красивой белой бороды и массивных плеч, Штейн был дюймов на пять-шесть ниже Майкла, однако из-за непомерного тщеславия хирурга Майклу всякий раз казалось, что тот смотрит на него с большой высоты, хотя на деле это Штейну, чтобы смотреть коллеге в глаза, приходилось задираť бороду вверх.

Десять лет назад Штейн проявил непростительную небрежность, прооперировав юного пациента Майкла, после чего с раздражением отмахивался от жалоб мальчика на усиливавшиеся боли, называя их истерией. В конце концов под давлением всех лечивших мальчика врачей, в особенности Майкла Пула, ортопед был вынужден вновь прооперировать ребенка. Ни Штейн, ни Майкл не забыли того случая, и Майкл больше никогда не направлял к нему своих пациентов.

Штейн быстро глянул на книгу в руке Майкла, нахмурился и перевел взгляд на светящуюся панель лифта в попытке угадать, куда едет коллега.

– По моему опыту, доктор Пул, у достойного медика редко сыщется свободное время для художественной литературы, – заметил он.

– У меня его вообще нет, – отрезал Майкл.

Майкл добрался до двери в палату Стейси Тэлбот, не встретив больше ни одного из почти семидесяти врачей Вестерхольма. (Он прикинул, что около четверти из них в настоящее время не разговаривает с ним. А тем немногим, кто общался со Штейном, следовало бы призадуматься, что делает хирург в отделении онкологии. У медиков такое в порядке вещей.)

Майкл полагал, что для кого-то вроде Сэма Штейна история болезни Стейси Тэлбот тоже в порядке вещей. Для него же происходящее с ней слишком напоминало то, что случилось с Робби.

Он вошел в палату Стейси и сощурился – его встретила темнота. Девочка лежала с закрытыми глазами. Он ненадолго остановился, прежде чем подойти к ней. Жалюзи были опущены, свет выключен. В плотном темном воздухе чахли цветы из магазина на первом этаже больницы. Под множеством трубок и трубочек поднималась и опускалась грудь Стейси. На простынке рядом с ее рукой лежал томик «Приключения Гекльберри Финна» с закладкой: судя по всему, Стейси дочитала книгу почти до конца.

Майкл шагнул к кровати, и девочка открыла глаза. Краткое мгновение потребовалось ей, чтобы узнать доктора, затем она улыбнулась.

– Как хорошо, что это вы, – проговорила она.

По большому счету, Стейси числилась уже не его пациенткой: по мере того как болезнь забирала себе ее мозг и тело, Стейси передавали от одного специалиста к другому.

– Принес тебе новую книгу, – Майкл положил «Джейн Эйр» на столик. Затем присел на койку и взял руку Стейси в свою. Обезвоженная, сухая кожа, казалось, источала жар. Майкл видел каждый коричневый волосок ее бровей, прижатый к покрасневшей коже. Волосы все выпали, и голову ее прикрывала яркая вязаная шапочка, из-за которой Стейси слегка напоминала девочку с Ближнего Востока.

– Как, по-вашему, Эммелина Грэнджерфорд⁴⁷ болела раком? – спросила Стейси. – Сама-то я думаю, что вряд ли. Я все надеюсь прочитать книжку, где рассказывается о ком-то вроде меня, но такая никак не попадается.

– Ты не совсем обычный ребенок, – сказал ей Майкл.

– Знаете, иногда мне кажется, что все это никак не может происходить со мной, что я просто выдумала все это и на самом деле лежу дома на своей кровати и классно притворяюсь больной, чтобы не ходить в школу.

Майкл открыл ее амбулаторную карту и бегло просмотрел бесстрастный отчет о развивающейся трагедии девочки.

– Нашли еще одну, – доложила Стейси.

– Вижу...

⁴⁷ Персонаж романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» – умершая в возрасте пятнадцати лет дочь полковника Грэнджерфорда. Славилась своей любовью к драме и самолично сочиняемыми стихами всем умершим, которые сама называла «данью покойному».

– Наверное, проделают очередную дырку в голове. – Она попыталась улыбнуться, глядя искоса на него, но не смогла. – Мне, кстати, понравилось ездить на компьютерную томографию. Прямо сказочное путешествие. Мимо сестринского поста! По длиннущему коридору! Да еще на лифте!

– Должно быть, весьма впечатляюще.

– А еще я все время теряю сознание и потому должна целыми днями лежать.

– И женщины в белом уделяют внимание всем твоим нуждам.

– К сожалению.

И тут глаза девочки расширились, и она сжала его руку горячими пальцами. Когда боль отпустила, она расслабилась и проговорила:

– В такие вот моменты одна из моих тетюшек всегда говорит, что будет молиться за меня. Майкл улыбнулся и крепко сжал ее руку.

– А я в такие моменты всякий раз думаю, – продолжила Стейси, – что тому, кто выслушивает молитвы, мое имя уже, наверное, порядком надоело.

– Знаешь, попробую попросить кого-нибудь из сестер время от времени вывозить тебя ненадолго из палаты. Тебе, похоже, нравится путешествовать на лифте.

На секунду лицо Стейси осветилось надеждой.

– Еще хотел сказать тебе, что и сам собираюсь немного попутешествовать, – сообщил Майкл. – Ближе к концу января уеду на две-три недели. – Маска болезни вновь вернулась на лицо Стейси. – Лечу в Сингапур. Может, еще и в Бангкок.

– Один?

– Нет, со мной еще пара человек.

– Звучит очень загадочно. Наверное, я должна поблагодарить вас за то, что предупредили меня заранее.

– Пришлю тебе оттуда кучу открыток с заклинателями змей и слонами, переходящими улицу, по которой катят рикши.

– Круто. Я отправлюсь кататься на лифте, а вы – в Сингапур. Так что не заморачивайтесь.

– Если захочу заморачиваться – буду.

– Только не делайте мне одолжений. – Она отвернулась от него. – Я правда не хочу, чтобы вы обо мне беспокоились.

На мгновение Майклу почудилось, будто все это с ним уже было. Он наклонился и нежно провел рукой по лбу Стейси. Ее лицо скривилось.

– Мне жаль, что ты сердишься на меня, но я загляну на следующей неделе и сможем поговорить об этом еще.

– Да откуда вам знать, что я чувствую? Я же *глупая*. Вы и представить себе не можете, что творится у меня внутри.

– Веришь, нет, кое-какое представление об этом я имею, – сказал он.

– Вы когда-нибудь видели томограмму изнутри, доктор Пул?

Майкл поднялся, наклонился поцеловать девочку, но та снова отвернулась.

Когда он выходил из палаты, Стейси плакала. Прежде чем уйти из больницы, Майкл зашел в сестринскую.

3

В тот же вечер Пул позвонил друзьям и сообщил, что прилетает чартерным рейсом.

– Круто, старик, просто здорово, – среагировал Конор.

– Ты не поверишь, я как раз сидел и гадал, когда же ты проявишься, – ответил Гарри Биверс.

– Мой ответ тебе известен, Майк, – сказал Тина Пумо. – Кому-то все же надо присматривать за лавочкой.

– В глазах моей жены ты только что стал полубогом, – ответил Майкл. – Что ж... Ну, может, ты попытаешься раздобыть для нас адрес Тима Андерхилла? Его книги карманного формата в мягкой обложке издает «Гладстоун хаус» – кто-нибудь там должен знать адрес.

Они договорились перед вылетом собраться выпить вместе.

4

На следующей неделе как-то вечером в сильную метель Майкл возвращался домой. Вдоль обсаженной деревьями дороги то и дело попадались брошенные автомобили, помятые либо серьезно поврежденные, – словно тела павших после битвы. «Люстра» на крыше полицейской машины тревожно мигала в нескольких сотнях ярдов впереди: красный, желтый, голубой, желтый, снова красный. Видимость была плохой, машины едва ползли в один ряд мимо высокого белого борта скорой и полицейских, размахивающих светящимися жезлами. На мгновение Пулу почудилось, что он увидел Тима Андерхилла – смазанный метельной пеленой, весь облепленный снегом и оттого похожий на гигантского белого кролика, тот стоял рядом со своей машиной и размахивал фонарем. Зачем – хотел остановить его? Указать ему верный путь? Майкл повернул голову и увидел, что это дерево – всего лишь тяжело обремененное снегом дерево. Желтый отсвет мигалки патрульной машины метнулся через лобовое стекло и коротко мазнул по переднему сиденью.

9. В поисках Мэгги Ла

1

«Все с самого начала пошло не так, – думал Тина Пумо. – Буквально сразу все стало разваливаться». Он возненавидел «Палладиум» и «Ночной клуб Майка Тодда». А также «Палестины», «Рокси», «Си-Би-Джи-Би», «Мэджик», «Данситерию» и «Ритц». Мэгги и не собиралась показываться в «Майке Тодде», как и ни в одном из других клубов. Он часами мог торчать у барной стойки и пить в буквальном смысле до упаду, и никто ничего не заметит, разве что эти людишки, ночные выпивохи, будут топтать его на пути к очередной бутылке «Роллинг Рок»⁴⁸. В первый раз, когда он пробрался мимо швейцара в огромное, похожее на сарай помещение, которое «Палладиум» использовал для рекламных вечеринок и закрытых приемов, он возвращался с затянувшейся рабочей встречи с бухгалтерами «Сайгона». На нем тогда был его единственный костюм из серой фланели, купленный еще до войны во Вьетнаме и явно ему тесный в талии. Пумо бродил в толпе, пытаясь отыскать Мэгги. Со временем он обратил внимание, что едва ли не каждый окидывал его пристальным взглядом, после чего отступал в сторону, давая пройти. В переполненном зале его окружала своего рода демилитаризованная зона, *санитарный кордон* из пустого пространства. В какой-то момент он вдруг услышал за спиной смех и обернулся – не сможет ли он разделить с кем-то шутку, но увидел, что лица всех, кто в эти секунды смотрел на него, словно обратились в камень. Наконец он добрался до барной стойки и сумел завладеть вниманием молодого тощего бармена с подведенными тушью ресницами и светлым колтуном на макушке.

– А скажите, вы, случаем, не знаете девушку по имени Мэгги Ла? – спросил Тина. – Я рассчитывал сегодня вечером здесь встретиться с ней. Миниатюрная, китаянка, хорошенькая такая...

– Знаю ее. Может, и появится – попозже, – ответил бармен и направился к другому концу стойки.

На мгновение Тину захлестнула ярость. «Может, у „Майка Тодда“, может нет... Ла-ла». До него дошло, что это сообщение – очередная издевка над ним. Он кинулся вон из бара и, придя в себя на улице, обнаружил, что стоит перед светленькой девушкой, лет шестнадцати на вид, с нарисованными на обеих щеках звездами и облаченной в блестящее облегающее черное платье-рубашку. Девушка была как раз в его вкусе.

– Поедем ко мне, – предложил он.

Девушка разлепила похожие на розовый бутончик губы и раскрыла одну из тайн, проговорив:

– Я не езжу домой к наркам⁴⁹.

Все происходило через неделю после Хеллоуина. По меньшей мере две последующие недели выбраться в город возможности у Тины не сыскалось: в борьбе с насекомыми у себя в ресторане он разворотил всю кухню. Каждый раз, когда дезинсекторы снимали очередную секцию стены, оттуда высыпали полчища тараканов, стремясь укрыться от света, – их убивали в одном месте, на следующий день они появлялись в другом. Долгое время тараканы как будто «базировались» за кухонной плитой «Гарленд». Дабы фумигант не испортил пищу, Пумо и кухонный персонал приклеили толстые листы прозрачного пластика между плитой и поверхностями для готовки, а заодно и во всех других местах, где пытались истребить насекомых.

⁴⁸ Популярное американское пиво.

⁴⁹ Нарк (англ. нарк. жаргон) – сотрудник Федерального бюро по наркотикам и опасным медикаментам США.

Тяжеленную плиту весом в три тысячи фунтов вытолкали на середину кухни. Шеф-повар Винь жаловался, что он и его дочь не спят по ночам из-за того, что за стенами кто-то бежит. Не так давно они переехали жить в ресторанный «офис» – маленькую комнату в подвале, потому что сестра Виня родила еще одного ребенка и ей потребовалась их комната в ее доме в Квинсе. Офис ресторана имел «стандартную» обстановку – письменный стол, диван и коробки с документами. Теперь диван перешел к Гудвиллу, стол втиснули в угол гостиной Пумо, а Винь и Хелен спали на брошенном на пол матрасе.

Это временное нелегальное положение выглядело так, будто становится постоянным. Хелен не только не могла здесь спокойно спать, но еще и мочилась в постель – на матрас – всякий раз, когда заснуть все же удавалось. Винь утверждал, что энурез девочки усилился сразу после того, как она увидела сидевшего в баре Гарри Биверса. А Гарри Биверса вьетнамцы почему-то считали дьяволом, насылающим проклятья на детей. Их загадочная истерия была наивной и искренней, и переубедить их не удавалось. Иногда Пумо готов был придушить Виня, но поступи он так – не только угодил бы за решетку, но и никогда бы уже не сыскал такого шеф-повара.

Одна проблема следовала за другой. Вот уже десять дней от Мэгги ни звонков, ни весточек. А по ночам начал сниться Виктор Спитальны, выбегающий из пещеры в Я-Туке, облепленный пауками и осами.

Департамент здравоохранения вынес Тине второе предупреждение, а инспектор продолжал нудить о нецелевом использовании нежилого помещения: маленький офис провонял мочой.

За день до того как Мэгги разместила в «Вилледж войс» очередное объявление, Майкл Пул снова позвонил Пумо и спросил, не найдется ли у него минутка справиться в издании «Глэдстоун хаус» насчет адреса Тима Андерхилла.

– Конечно, найдется, а как же, – пробурчал в ответ Тина. – Я же целыми днями валяюсь в постели и читаю поэзию.

Однако номер в справочнике все же отыскал. Ответившая на звонок женщина направила его в редакционный отдел. Другая женщина, назвавшаяся Корасон Фэйр, сообщила, что ничего не знает об авторе по имени Тимоти Андервуд и переадресовала его женщине по имени Дина Мэллоу, та переключила его на Сару Гуд, которая, в свою очередь – на Бетси Флэгг, и последняя по крайней мере слышала о Тимоти Андервуде, верно? Нет? Я соединю вас с отделом рекламы. В отделе рекламы Джейн Бут отфутболила его к Мэй Апшоу, а та – Марджори Фэн, которая ушла в астрал на пятнадцать минут и вернулась с информацией о том, что десять лет назад мистер Андерхилл написал в издательство письмо с просьбой под страхом серьезного недовольства автора сохранять в тайне его материальное положение и местонахождение, а всю корреспонденцию, включая таковую от поклонников, направлять ему через его агента, мистера Фенвика Тронга.

– Фенвик Тронг? – уточнил Пумо. – Это его настоящее имя?

Следующим днем была среда. Пумо отвез Виня на рынок, Хелен – в школу, после чего направился к газетному киоску на углу Восьмой улицы и Шестой авеню купить свежий номер «Вилледж войс». Немало киосков располагалось и ближе, но от Восьмой улицы и Шестой авеню было всего несколько кварталов до кафе «Ла Гросерия», где можно посидеть под бледным солнцем, роняющим лучи через высокие окна, не спеша потягивать капучино, а потом еще одно, где хорошенькие официантки с бледными сонными лицами зевали и изящно потягивались, как балерины, и где можно прочитать каждое слово на странице объявлений «Вилледж войс».

Сообщение Мэгги он нашел прямо над рисунком в центре страницы: «Вьетнамский котятка. Попробуем еще разок в том же месте, в то же время? Автографы и татушки. Лети с

другими на Восток и захвати с собой тип-А⁵⁰». Должно быть, ее брат узнал об их планах от Гарри и рассказал ей.

Пумо представил себе, каково это будет – отправиться в Сингапур с Пулом, Линклейтером, Гарри Биверсом и Мэгги Ла. Тотчас его желудок сжался, а капучино вдруг обрел привкус меди. Мэгги наверняка потащит с собой массу ручной клади, большую часть которой составят бумажные пакеты. Просто из принципа как минимум дважды потребует смены отеля. Возьмется флиртовать с Пулом, провоцировать и задевать Биверса и виртуально усыновлять Конора. Пумо почувствовал, что начинает потеть. Он дал знак, чтобы его рассчитали, расплатился и ушел.

В течение дня он несколько раз набирал номер Фенвика Тронга, но линия агента была занята напропалу.

В одиннадцать вечера он отдал не слишком нужные распоряжения о закрытии ресторана, принял душ, переоделся и поспешил к служебному входу «Палладиума». Минут пятнадцать он мерз в компании с полудюжиной других людей на огороженной территории, похожей на собачий проволочный вольер, затем кто-то наконец узнал его и впустил.

«Если бы не статья в „Нью-Йорке“, – подумал он, – черта с два я попал бы сюда».

В этот раз на нем был пиджак от «Джорджо Армани», отдаленно напоминающий кольчугу, свободные черные брюки с защипами, рубашка из серого шелка и узкий черный галстук. «Сегодня я, может, и смахиваю на сутенера, – мелькнула мысль, – но никак не на нарка».

С бутылкой пива в руке Пумо дважды прошелся взад и вперед по всему залу, прежде чем признаться себе: Мэгги продинамила его второй раз подряд. Сквозь толпу он пробрался к столикам – за ними, облитые неровным светом свечей, склонялись друг к другу экстравагантно одетые молодые люди, и Мэгги среди них не было.

«Ни с того ни с сего все полетело к чертям, – подумал Пумо. – С какого-то момента моя жизнь потеряла смысл».

Вокруг него кружились и прыгали парни и девушки. Из невидимых динамиков ревел модный синтезаторный рок. На мгновение Пумо захотелось вернуться домой, натянуть голубые джинсы и послушать «Роллинг стоунз». Мэгги не собиралась появляться здесь – ни в этот вечер, ни в какой-либо другой. В один прекрасный день какой-нибудь ее новый амбалистый бойфренд возникнет у него на пороге, чтобы забрать то, что осталось от Мэгги: пластмассовый тюнер, маленький желтый фен «Пони-про» и записи похожей на собачий лай музыки.

Пумо протолкался к бару и заказал двойной водка-мартини со льдом. «Поменьше оливок, поменьше вермута и поменьше льда», – вспомнил он, как заказывал себе выпить Майкл Пул в маленьком клубе Мэнли, где не было ни оливок, ни вермута, ни льда – только кувшин с подозрительно желтоватой «водкой», которую, уверял Мэнли, он раздобыл у полковника из Первой воздушно-десантной дивизии.

– Гляжу, ты повеселел впервые за этот вечер, – прозвучал рядом низкий голос.

Пул повернул голову и натолкнулся на взгляд высокого создания неопределенного пола в камуфляжной форме. Над ушами создания блестела гладко выбритая кожа, черные блестящие волосы воинственно топорщились на макушке, а на затылке свисали до спины. Тут Пумо заметил груди, выпирающие под камуфляжной рубашкой привидения, а под поясом – женственную округлость бедер. «Интересно, каково в постели с женщиной с мужской стрижкой?» – мелькнула мысль.

Пятнадцатью минутами позже девушка уже прижималась к нему на заднем сиденье такси.

– Прикуси меня за ушко, – прошептала она.

⁵⁰ Согласно теории личности, ядром личности типа А является сильно выраженное стремление к первенству, социальному превосходству, восприятие жизни как арены конкурентной борьбы, всегда актуальное желание быть неизменно первым, лучшим. Причем желание быть первым и лучшим во всем, чем занимается личность типа А.

– Прямо здесь?

Она наклонилась к нему голову. Одной рукой Пумо обнял ее за плечи и легонько сжал зубами мочку уха. Над ухом и на виске ее темнела тонкая черная щетина.

– Сильнее.

Когда он сильнее прикусил мочку, девушка поежилась.

– Ты не назвала своего имени, – сказал Пумо.

Девушка скользнула рукой к его паху. Затем прильнула грудью к его плечу. Он почувствовал приятное возбуждение.

– Друзья называют меня Дракулой, – ответила она. – Но не потому, что я сосу кровь.

Она не разрешила ему включить в квартире свет, и в спальню им пришлось пробираться в полной темноте. Захихикав, она толкнула его на кровать.

– Просто ляг и лежи, – сказала она и расстегнула ему ремень, сняла с него туфли и стянула брюки. Он избавился от пиджака-кольчуги и сорвал с себя галстук.

– Красавчик Тина, – шепнула Дракула и, склонившись над ним, лизнула его напряженный член. – Всякий раз, когда я это делаю, мне кажется, будто я в церкви.

– Ух ты... – проговорил он. – Где ж ты была всю мою жизнь?

– Тебе лучше не знать, где я была. – Длинным ногтем она легонько царапнула его мошонку. – Не переживай, дурных болезней у меня нет. И живу я практически в кабинете врача.

– Это почему?

– Наверное, просто потому, что мне нравится быть девушкой.

Опустошенный, одуревший от алкоголя, Пумо позволил ей продолжить. Когда она села на него верхом, широко расставив ноги, то сделалась похожей на воина из племени апачей с выщипанными бровями:

– Ну как, нравится тебе Дракула?

– Да я, пожалуй, женюсь на Дракуле, – ответил он.

Она расстегнула камуфляжную рубашку и стянула ее, обнажив упругие, конической формы груди.

– Укуси, – велела она, толкнув ими в лицо Пумо. – Кусай *сильно*, пока не скажу «стоп».

Он осторожно куснул один из сосков, и она сжала его виски костяшками пальцев.

– *Сильней*. – Она впиалась ногтями в его член.

Он крепче сомкнул зубы на соске.

– Еще сильнее!

Когда он почувствовал на губах кровь, она вскрикнула и застонала, крепко обхватив руками его голову.

– Вот так, хорошо. – Одна ее рука оторвалась от его головы и вновь отыскала его член. – Все еще стоячок? Какой хороший Тина.

Наконец она позволила ему поднять голову. Из-под ее груди вниз по ребрам сбегала тонкая струйка крови.

– А сейчас маленькая Драк снова пойдет в церковь.

Пумо рассмеялся и вновь откинулся на подушку. «Интересно, – подумал он, – слышали ли Винь или Хелен ее крики?» – и решил, что, скорее всего, нет: его квартира находилась двумя этажами выше.

После какого-то показавшегося бесконечно долгим горячего иступления оргазм Пумо выстрелил петляющими лентами семени на ее щеки, брови, в воздух. Она застонала и, упав на него, прижалась к его телу так, что его руки оказались зажаты под ее ногами, и поразила его тем, что принялась обеими руками втирать сперму себе в лицо.

– Никогда так не кончал с тех пор, как мне было лет двадцать, – признался он. – Но знаешь, моим рукам почти больно.

– Бедный мальчик, – она погладила его по щеке.

– Нет, правда, буду несказанно тебе признателен, если слезешь с моих рук.

Победно взглянув на Пумо, она вдруг крепко ударила его в висок.

Пумо дернулся, пытаясь подняться, но Дракула снова нанесла удар. На секунду он почувствовал, что не в состоянии пошевелиться. Она оскалилась в ухмылке, зубы и глаза ее сверкнули в темноте, и вновь ее кулак впился ему в висок.

Он попытался позвать на помощь, но получил еще один удар.

– Убивают! – завопил он.

Его никто не слышал.

Незадолго до двадцатого по счету удара по вискам зрение Пумо вдруг прояснилось и он увидел, что Дракула, крепко сжав губы с размазанной помадой, безразлично смотрит на него.

2

Пумо очнулся в той же темноте, не понимая, насколько позже. Губы его пульсировали и распухли каждая, казалось, до размеров бифштекса. Во рту ощущался привкус крови. От боли ломило все тело: с равной силой ее источали два центра – голова и пах. Внезапно запаниковав, он протянул руку к пенису – и нашел его неповрежденным. Пумо открыл глаза и, подняв руки, поднес их к лицу – они были темны от крови.

Он оторвал голову от подушки взглянуть вниз, на свое тело, и острая, обжигающая боль пронзила голову от виска до виска. Он упал обратно, заполошно дыша. Переведя дух, Пумо поднял голову на этот раз более осторожно: он лежал голый на влажных простынях. В этот миг он почувствовал, что продрог до костей. То вспыхивая, то угасая, тонкая раскаленная нить боли пронизывала голову точно посередине. Теперь губы напоминали ему два шершавых красных кирпича.

Влажными пальцами он коснулся лица и прикинул, как бы ему подняться с кровати. Затем согнул правую руку, чтобы взглянуть на время – часов на запястье не было.

Он повернул голову. С прикроватной тумбочки исчезло радио с цифровыми часами.

Пумо сполз с кровати, нащупав опору сначала одной ногой, затем опустившись на пол обоими коленями и прижимаясь грудью к краю кровати. В этот момент он проглотил комочек горькой рвоты. Когда ему удалось подняться на ноги, все вокруг поплыло, а в глазах потемнело. Он ухватился за изголовье кровати ноющими от боли руками. Рана на виске горела и пульсировала.

Обхватив голову руками, Пумо заковылял в ванную. Не зажигая света, он обмыл лицо холодной водой, прежде чем решился взглянуть на себя в зеркало. На него смотрела гротескная багрово-фиолетовая маска, лицо Человека-слона⁵¹. Желудок Пумо скрутило, его вырвало в раковину, и, прежде чем упасть на пол, он снова потерял сознание.

⁵¹ «Человек-слон» – фильм 1980 года американского режиссера Дэвида Линча, основанный на биографии знаменитого британца XIX века Джозефа Меррика. Внешность Меррика была настолько ужасающей, что ему приходилось носить просторное одеяние вроде мешка, чтобы никто не увидел пугающих наростов по всему его телу и на лице.

10. Разговоры и сны

1

– Да, я лежу пластом. И нет – насчет поездки я не передумал, – сказал Пумо. Он говорил по телефону с Майклом Пулом. – Видел бы ты меня сейчас... Хотя нет, лучше не надо. Зрелище то еще. Мной можно детей пугать, поэтому я почти никуда не выхожу.

– Это что – шутка такая?

– Да если бы. Меня избила какая-то психопатка. И заодно ограбила.

– То есть ты подвергся разбойному нападению?

Пумо замялся:

– Вроде того. Я бы рассказал подробности, Майк, но, честно говоря, слишком уж они... щекотливые.

– Намекни хотя бы.

– Намекни... Никогда не снимай того, кто назовется Дракулой. – После того как Майкл от души рассмеялся, Пумо продолжил: – Я остался без наручных часов, электронных часов с радио, новеньких туфель из кожи ящерицы от «Маккриди и Шрайбера», вокмена, моего верного «Уотчмэн», зажигалки «Данхилл», нерабочей, правда, пиджака от «Джорджо Армани». Исчезли все мои кредитные карточки и почти триста долларов наличными. А когда эта сволочь, она или он, смылась, то оставила дверь внизу открытой, и какой-то чертов бомж обоссал мне всю прихожую.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил Майкл и тут же застонал: – Ох, прости за дурацкий вопрос. Я имею в виду, как ты вообще себя чувствуешь? Почему не позвонил мне сразу же?

– Вообще? Я чувствую, что готов прямо сейчас прибить кого-нибудь, вот как я чувствую себя вообще. Эта история потрясла меня, Майк. В мире столько зла. Я понял, что не могу чувствовать себя в безопасности – нигде, ее просто не существует. В любое мгновение с любым может случиться ужасное. Из-за этой сволочи я теперь боюсь высунуть нос из дому. Каждый, у кого есть хоть капля здравого смысла, *должен* с опаской выходить на улицу. Прошу вас, ребята, пожалуйста, будьте *осторожны*, когда прилетите туда. Не рискуйте понапрасну.

– Хорошо, – пообещал Майкл.

– Причина, по которой я не стал звонить тебе или кому-либо еще, – единственная хорошая вещь, которая вышла из всей этой истории. Мэгги объявилась. Скорее всего, я просто разминутся с ней в том месте, где наткнулся на Дракулу. Бармен рассказал ей, что видел, как я уходил с кем-то. И на следующий день Мэгги пришла, чтобы проверить, так ли это. И нашла меня с физиономией вдвое шире обычной... В итоге она переехала обратно ко мне.

– Как говорит Конор, не было бы счастья, да несчастье помогло. Или вроде того.

– Кстати, мне удалось пообщаться с агентом Андерхилла. Точнее, с его бывшим агентом.

– Ну, не тяни.

– Суть в том, что есть информация, будто наш паренек на самом деле отбыл в Сингапур, как, сам помнишь, он постоянно говорил. Тронг – так зовут его агента, Фенвик Тронг, хочешь верь, хочешь нет, – он не в курсе, в Сингапуре Тим все еще или нет. Там все как-то странно получилось. Андерхилл всегда депонировал свои чеки в филиале банка в Чайна-тауне. А Тронг даже не знает его адреса. Корреспонденцию ему отправлял на почтовый ящик. Время от времени Андерхилл звонил ему, чтобы устроить разнос, а пару раз даже увольнял. Думаю, в течение пяти-шести лет его звонки становились все более оскорбительными, более жесткими. Всякий раз, когда Андерхилл звонил, Тронгу казалось, что тот пьян, либо обкурился, либо

под чем-то, либо все три кайфа одновременно. А через несколько дней перезванивал, каялся и умолял Тронга снова работать с ним. В конце концов, он как-то раз довел Тронга, и тот сказал Тиму, что больше не сможет работать на него. Тронг предполагает, что с тех пор Тим агентирует свои книги сам.

- Значит, вполне вероятно, что он все еще там, но выяснить это мы должны сами.
- Майкл, по-моему, он законченный псих. Я бы на твоём месте тоже остался дома.
- Выходит, разговор с агентом убедил тебя, что Тим Андерхилл может быть Коко.
- Хотелось бы мне ответить, что это не так.
- Мне тоже.

– Так что подумайте, ребята, вот о чем: заслуживает ли он того, чтобы рисковать своей головой? – спросил Тина.

– Своей головой я бы скорее рискнул ради Андерхилла, чем ради Линдона Бэйнса Джонсона⁵².

- Ладно, давай прощаться: пришла моя лучшая половинка, – сказал Тина.

2

– По-моему, взрослые мужчины давно перевелись, если они вообще когда-то существовали, – заявила Джуди. – По сути все они просто повзрослевшие мальчишки. Это унижительно. Майкл умница, такой заботливый, труженик, и все такое, но то, во что он верит, просто смешотворно. Просто когда ты достигаешь определенного уровня, его ценности кажутся ну просто детскими.

– Они по крайней мере такие зрелые, – сказала Пэт Колдуэлл. Этот разговор женщины вели по телефону. – Что же до Гарри, иногда я боюсь, что он просто инфантилен.

– Майкл по-прежнему верит в армию. Сам он отрицает, однако это так. И воспринимает эту детскую игру за реальность. Ему всегда нравилось быть одним из их отряда.

- Гарри, похоже, лучшее время своей жизни провел во Вьетнаме, – сказала Пэт.

– Фишка в том, что Майкл *возвращается*. Ему снова хочется служить в армии. Хочет стать частью их отряда.

- Мне кажется, Гарри хочет просто заняться хоть чем-то.

- Чем-то заняться? Он может пойти работать! Например, снова начать работать юристом.

- М-м-м, пожалуй...

– А ты в курсе, что Майкл собирается продавать свою долю в практике? Что хочет переехать в Вестерхольм и работать в бедном районе? Он считает, что делает *недостаточно*. Я о том, что есть у него такой пунктик: врачом нужно работать именно в таком месте, чтобы понять, насколько здесь все политизировано, ты не поверишь, сколько внутри этого мирка борьбы, но именно там настоящая жизнь – такая, какова она есть.

– Выходит, он использует эту поездку, чтобы дать себе время и обдумать свое решение? – предположила Пэт.

– Нет, он ее использует, чтобы поиграть в армию, – ответила Джуди. – А про его непроходящее раскаяние из-за Я-Тука лучше вообще не вспоминать.

– Вот как... А Гарри, по-моему, даже гордится тем, что произошло в Я-Туке, – сказала Пэт. – Как-нибудь при случае я покажу тебе его письма.

⁵² Линдон Бэйнс Джонсон – 36-й президент США от Демократической партии с 22 ноября 1963 года по 20 января 1969 года, который начал войну во Вьетнаме.

3

В ночь перед вылетом в Сингапур Майклу снился сон. Он шел ночью по горной тропе, направляясь к группе людей в военной форме, сидящих вокруг маленького костра. Когда он подходит ближе, то видит, что это вовсе не люди, а призраки: через их тела смутно просвечивает пламя костерка. Призраки повернулись и следят за его приближением. Их военная форма изорвана и задубела от засохшей грязи. Во сне Майклу понятно, что он служил с ними – когда они были людьми. И тут один из призраков, Мелвин О. Элван, встает и делает шаг навстречу.

– Не связывайся с Андерхиллом, – говорит Элван. – В мире столько зла...

В ту же ночь Пумо снится, что он лежит в кровати, в то время как Мэгги Ла меряет шагами спальню. (В действительности Мэгги снова исчезла, как только его лицо стало приходить в норму.)

– Невозможно победить катастрофу, – говорит ему во сне Мэгги. – Единственное, что остается, – это пытаться удержать голову над водой. Представь себе слона, его степенность и грациозность, его врожденное благородство. Сожги ресторан и начни с нуля.

11. Коко

Ставни бунгало были закрыты из-за жары. Тонкая пленка конденсата лежала на розовых оштукатуренных стенах, и сам воздух здесь, теплый, влажный и густой, казался розовым. Удушливо и остро пахло экскрементами. В одном из двух массивных кресел сидел связанный мужчина – время от времени он начинал кряхтеть, шевелиться и пытаться выдраться из веревок. Женщина не двигалась, потому что умерла. Коко был невидим, но глаза мужчины неотрывно следовали за ним: когда знаешь, что вот-вот умрешь, можешь видеть невидимое.

Если ты в деревне, скажем...

Если дым очага качнется и вновь устремится вертикально вверх. Если курица подняла ногу и замерла. Если свиноматка насторожилась, подняв голову. Если ты видел все это. Если ты видел, как дрожит лист, видел, как висит в воздухе пыль...

Тогда, возможно, ты увидишь, как бьется жилка на шее Коко. Увидишь, как стоит, прижавшись к стене хижины, Коко с пульсирующей на шее жилкой.

Коко знал точно: глухое местечко сыщется всегда. В городах, где люди спят на тротуарах, в перенаселенных городах, где люди спят на кровати по очереди, в перенаселенных городах, где ни один человек не в состоянии ощутить себя в тишине и покое. Именно в таких вот городах всегда найдутся укромные места – заброшенные и забытые всеми. Места эти оставляют за собой богатые люди или же сам город оставляет их за собой.

Богатые люди все вывозят и забывают, а ночью в дом бесшумно врывается вечность вместе с Коко.

Его отец сидел в одном из двух массивных кресел, которые оставили богачи. «У нас все идет в дело, – сказал его отец. – У нас ни одна часть животного не пропадает понапрасну».

Кресла у нас не пропадают понапрасну.

Жило в нем одно воспоминание – об увиденном в пещере, и в том воспоминании ни одна часть животного не пропадает понапрасну.

Одно знал Коко точно: они считали, что кресла недостаточно хороши для них. Где бы они ни бывали, везде кресла были лучше.

Женщина в расчет не идет. Роберто Ортис просто привел ее с собой. Для таких, которые не в счет, у него даже не хватало карт, тем более для тех, кого они приводят с собой. Когда они отвечали на письма, предполагалось, что они придут одни, но такие вот, как Роберто Ортис, не придают значения тому, куда идут, как и тому, кого они там увидят, и на все про все у них уйдет десять минут... Они никогда не думали о картах, никто не склонялся над ними по ночам и не говорил: «У нас ни одна часть животного не пропадает понапрасну». Женщина была наполовину индианка, наполовину китаянка, кем-то в этом роде, может, просто евразийкой, просто женщиной, которую Роберто Ортис «снял», которую он рассчитывал трахнуть, как Пумо-Пума трахал шлюху по имени Дон Куччио в Сиднее, Австралия... – просто трупом в кресле, который даже карточки не получит.

В правом кармане его пиджака лежали все пять карт «Слон, вставший на дыбы», все, что осталось от колоды их полка, и четыре из них были подписаны именами – легонько, карандашом. Биверс, Пул, Пумо, Линклейтеер. Он припас их для поездки в Америку.

В левом кармане пиджака лежала колода обычных игральных карт «Орхид бой», сделано в Тайване.

Когда он открыл дверь, изобразив на лице улыбку здоровяка Тима Андерхилла типа «эй, парниша, как делишки», и увидел стоявшую рядом с Роберто Ортисом женщину, у которой наготове тоже была отработанная улыбочка типа «привет, не обращайтесь на меня внимания», он понял, зачем здесь два кресла.

В пещере не было ни кресел, ни тронов для владык земли. Пещера заставила Коко трястись от ужаса, его отец и дьявол заставили его трястись от ужаса.

– Да все нормально, – сказал он. – Пустовато, конечно, но найдется кресло на каждого, так что заходите, присаживайтесь, не обращайтесь внимания на голую обстановку, мы в ней постоянно что-то меняем, на самом-то деле я здесь не работаю...

О, я молюсь здесь.

В общем, уселись они в кресла. Да, мистер Роберто Ортис привез всю документацию, достал ее, улыбаясь, и мало-помалу во взгляде его стало проявляться любопытство, он заметил пыль повсюду и пустоту.

Когда Коко взял из рук мужчины документы, он включил режим невидимости.

Все они получили от него письмо одинакового содержания.

«Дорогой (имя),

Я решил, что больше не в силах молчать, скрывая правду о событиях, имевших место в деревне Я-Тук, месте дислокации 1-го корпуса в 1968 году. Справедливость должна наконец восторжествовать. Вы поймете, что сам я не могу донести правду об этих событиях до глаз и ушей мировой общественности. Я принимал в них непосредственное участие и, кроме того, свой ужас, пережитый в тех событиях, отразил в художественных произведениях. Как представителя, в прошлом либо в настоящем, мировой прессы, как человека, который посетил место чудовищного, не раскрытого до сих пор преступления и увидел его собственными глазами, – не заинтересует ли вас обсуждение этой темы? Меня не интересует прибыль, которую могут принести публикации истинной истории деревни Я-Тук. Вы можете написать мне (адрес), если решите приехать на Восток, чтобы заняться этим вопросом. Я лишь прошу вас – из соображения моей личной безопасности, – воздержаться от обсуждения этой темы с кем-либо или даже упоминания о ней, а также от каких-либо заметок или записей, включая личный дневник, обо мне или деревне Я-Тук до нашей с вами первой встречи, на которой я прошу вас иметь при себе следующие удостоверяющие вашу личность документы: а) паспорт и б) копии всех газетных сообщений и статей, которые написали вы лично либо принимали участие в написании, касающиеся операции американского 1-го корпуса в деревне Я-Тук. Как мне видится, наша с вами встреча обещает быть весьма плодотворной.

Искренне Ваши,

Тимоти Андерхилл».

Коко нравился Роберто Ортис. Нравился очень.

– Я полагал, что просто покажу вам свои паспорта и оставлю материалы, – сказал он. – Мы с мисс Баландран планировали навестить Лолу, а уже вечер, скоро будет поздновато для встречи, мисс Баландран особенно хотела познакомить меня с Лолой, такая форма развлечения весьма популярна в этом городе, не могли бы вы завтра заглянуть ко мне на ланч в отель, у вас будет достаточно времени просмотреть материалы в этой папке...

– Вы знаете Лолу?

– Нет.

Коко нравилась его гладкая смугловатая кожа, блестящие волосы и самоуверенная улыбка. Все у него было самое-самое: самая белоснежная рубашка, самый гламурный галстук и самый стильный голубой блейзер. И была у него мисс Баландран, а у нее были длинные золотистые ноги, и ямочки, и она была знатоком местной культуры. Он собирался что-то ему оставить, а встречу организовать на своей территории, прямо как это сделали французы.

Но у французов были только они сами, не было у них мисс Баландран, которая так мило улыбается, так тихонько, так сексуально уговаривала его согласиться.

– Разумеется, – сказал Коко, – вам следует поступить так, как советует ваша очаровательная «сопроводительница», осмотреть все достопримечательности, а сейчас задержитесь на минутку, выпейте что-нибудь и позвольте мне тем временем взглянуть на то, что вы принесли...

Роберто Ортис не заметил, как зарделась мисс Баландран, услышав «сопроводительницу».

Два паспорта?

Изящно одетые, с безукоризненными манерами, они сидели в креслах и улыбались ему с таким доверием и уверенностью в себе, ни секунды не сомневаясь, что через несколько минут они уже будут на пути к ночному клубу, где их ждут ужин, и напитки, и прочие удовольствия.

– Двойное гражданство, – пояснил Ортис, украдкой глянув на мисс Баландран. – Гондурас и США. В папке, помимо уже знакомых вам публикаций, имеется подборка и на испанском.

– Очень интересно, – сказал Коко. – В самом деле, весьма интересно! Я на секундочку – принесу вам напитки, и мы сможем поднять бокалы за успех нашего предприятия, а также за ваш незабываемый вечер в этом городе.

Зайдя за кресла сзади, он вышел на кухню, включил и выключил кран холодной воды, выдвинул и задвинул со стуком ящик буфета.

– Хотел вам сказать, мне очень нравятся ваши книги, – прилетел из гостиной голос Роберта Ортиса.

На разделочной доске рядом с раковиной лежали молоток, мясницкий нож, автоматический пистолет, нераспакованный рулон обвязочной ленты и маленький коричневый бумажный пакет.

– А из них «Расчлененный», пожалуй, больше всех, – продолжал свою мысль Роберто Ортис.

Коко положил пистолет в карман пиджака и взвесил в руке молоток.

– Благодарю! – откликнулся он.

Оба оставались в своих креслах, дожидаясь его. Коко неслышно выскользнул из кухни – он был невидим и бесшумен. Они просто сидели и ждали напитков. Коко подошел сзади к Роберто Ортису и поднял руку, и мисс Баландран даже не поняла, что он здесь, пока не услышала «шмяк» молотка, вплепившегося в голову Роберта Ортиса.

– Тихо! – скомандовал Коко.

Роберто Ортис сложился в кресле – без сознания, но не мертвый. Струйка крови, словно след улитки, медленно выползла из его носа.

Коко бросил молоток и быстро прошел между креслами.

Мисс Баландран, вцепившись пальцами в подлокотники, смотрела на него глазами величиной с блюдце.

– Хорошенькая какая... – проговорил Коко, достал из кармана пистолет и выстрелил ей в живот.

Люди по-разному реагируют на боль и страх. Но оказавшись на пороге вечности, они неизменно обнажают свою истинную сущность. «Ни одна часть животных не пропала понапрасну». Воспоминания – все, чем они были, – вроде как взяли верх. Коко прикинул, что девица может встать и пойти к нему, сделать пару шагов, прежде чем поймет, что половина ее внутренностей осталась в кресле. На вид девчонка, подумал он, забияка, в обиду себя не даст, прямо настоящий боец. Однако сейчас она была не в силах даже подняться с кресла – ей это даже в голову не приходило. Долго-долго она ослабляла пальцы и снимала руки с подлокотников, она не хотела опускать взгляда. Она обделалась, как лейтенант Боб Биверс тогда в Драконовой долине. Ноги ее вытянулись, голова затряслась. И на мгновение она вдруг постарела лет на пять.

– Господи боже, – проговорил Коко и выстрелил ей в грудь.

Грохот больно ударил по ушам, мгновенно отразившись от оштукатуренных стен. Девушка словно растаяла в кресле, и Коко показалось, будто звук выстрела убил ее до того, как вторая пуля вошла в тело.

– А веревка у меня только одна, – посетовал Коко. – Видишь?

Он опустился на колени и сунул руки меж скрюченных ног Роберто Ортиса, чтобы вытянуть веревку из-под кресла.

Роберто Ортис негромко стонал, пока Коко связывал его. Когда веревка затянулась у него на груди, зажав руки, он издал несильный выдох, пахнув жидкостью для полоскания рта. Шишка размером с бейсбольный мяч багровела около его виска, и струйка крови позади нее легла на волосы красной змейкой, напомнившей Коко дорогу на карте.

С полки на кухне он взял мясницкий нож, моток ленты и коричневый пакет. Нож он бросил на пол и достал из пакета чистую махровую тряпку. Зажав нос Ортиса между указательным и большим пальцами, Коко потянул вверх и засунул тряпку ему в рот. После чего оторвал кусок ленты и трижды обмотал вокруг нижней половины лица Ортиса, закрепив кляп.

Коко достал из кармана обе карточные колоды и уселся на полу, скрестив ноги. Карты он положил на пол рядом, а ручку ножа – себе на бедро. И принялся ждать, когда очнется Ортис, глядя в его глаза.

Если вы думаете, что в жизни много хорошего, если вы из тех, кто считает, что в жизни существуют лучшие мгновения, то вот оно, хорошее, одно из лучших мгновений, – приближается.

У Ортиса вокруг глаз были паутинки крохотных морщин, и они казались грязными – забитыми грязью, потому что цвет кожи лица оливковый. Похоже, он недавно вымыл волосы – густые, черные, блестящие и волнистые, они и впрямь напоминали волны, бегущие одна за другой. Его можно было бы назвать красавцем, если бы не боксерский маленький, изогнутый нос-капля.

Наконец Ортис открыл глаза. Надо отдать ему должное: тотчас ухватив ситуацию, он попытался рвануться вперед. Пути мгновенно погасили его рывок еще до того, как он начал движение, и Ортис секунду боролся с ними, прежде чем понял тщетность усилий. Он просто сдался, сидел и осматривался по сторонам, силясь осмыслить происходящее. Он перестал крутить головой и застыл, когда увидел мисс Баландран, словно растаявшую в своем кресле, затем взглянул прямо на Коко и вновь попытался вырваться из кресла, но даже поняв, что не удастся, не сводил глаз с Коко.

– Ну вот мы с тобой и вдвоем, Ортис, – сказал Коко. Он поднял с пола полковую карточную колоду и показал ему рубашку карты – старого доброго слона, вставшего на дыбы. – Эмблему узнаешь?

Ортис покачал головой, в глазах его плавала боль.

– Ты должен рассказать мне правду, как все было на самом деле, – продолжил Коко. – Не лги, постарайся вспомнить все, не напрягай понапрасну ошметки своих мозгов. Ну-ка давай, смотри как следует.

Он внимательно наблюдал за тем, как Роберто Ортис пытается сосредоточиться и как в его глазах вспыхнула слабая искра пробуждения крохотной клеточки памяти.

– Я не сомневался, что вспомнишь. Ты тогда появился с остальными гиенами и наверняка видел ее где-то. Ты там шастал всюду и наверняка загонялся, что твои выдраенные до блеска башмаки заляпает грязью – ты был, был там, Роберто. Я вызвал тебя сюда, потому что хотел поговорить с тобой. Задать тебе пару серьезных вопросов.

Тряпка и лента не заглушили стона Роберто Ортиса. В его больших теплых карих глазах плескалась мольба.

– А говорить тебе ничего и не надо. Просто кивай.

Если ты видел, как дрожит лист.

Если курица замерла на одной ноге.

Если ты все это видел, то, значит, ни одна часть животного не пропала понапрасну.

– Слон – это символ 24-го пехотного, верно?

Ортис кивнул.

– И ты согласишься с тем, что слон воплощает в себе такие черты: благородство, изящество, уравновешенность, упорство и терпение, выносливость, силу и осторожность в мирное время, ярость и мощь – во время военное?

Ортис выглядел сбитым с толку, но кивнул.

– И как, по-твоему, можно ли назвать произошедшее на территории базирования Первого корпуса в деревне Я-Тук злодеянием?

Чуть замаявшись, Ортис кивнул.

Сейчас Коко находился не в сумрачной комнате бунгало с розовой штукатуркой на стенах на окраине тропического города, а в промерзшей тундре под высоким темно-синим небом. Сильный ветер, не затихая, срывал снег, кружил его и выкладывал тонким ребристым слоем над толщей вечной мерзлоты в сотни ярдов. Далеко на западе темнела гряда ледников, похожих на обломанные зубы. И над всем этим где-то в недостижимой выси виднелась рука Бога и указывала на него.

Коко вскочил на ноги и ударил рукояткой пистолета по шишке на голове Ортиса. Как в комиксе, глаза Ортиса как бы резко всплыли – вылезли из орбит. Тело обмякло. Коко уселся на пол и стал ждать, когда жертва очнется вновь.

Когда веки Ортиса затрепетали, Коко влепил ему пощечину – Ортис рывком поднял голову и дико уставился на него.

– Ответ неправильный, – сказал Коко. – Даже военные трибуналы, как бы несправедливы они ни были, не смогли доказать, что там имело место какое-либо злодеяние. Это был Божий промысел. Сущий Божий промысел. Знаешь ли ты, что это значит?

Ортис покачал головой. Зрачки его глаз казались нечеткими – размытыми.

– Ладно, неважно. Вот что мне хотелось бы знать: помнишь ли ты конкретные имена. Например, имя Тина Пумо, Пумо по кличке Пума?

Ортис вновь покачал головой.

– Майкл Пул?

Ортис устало покачал головой.

– Конон Линклейтер?

Ответ тот же.

– Гарри Биверс?

Ортис поднял голову, припоминая, и кивнул.

– Понятное дело. Он же говорил с тобой, да? И был вполне доволен собой, без намека на раскаяние? «Дети тоже могут убивать, – сказал тогда он, верно? – И не важно, что ты сделаешь с убийцей». А еще он сказал: «Слон заботится о себе сам». Так все было?

Ортис кивнул.

– Какой же ты debil, Роберто. Гарри Биверса помнишь, а всех остальных – нет. Все это люди, которых мне надо найти, выследить... Если, конечно, они сами не приедут ко мне. Шутка! Как, по-твоему, что я с ними сделаю, когда найду?

Ортис вскинул голову.

– В смысле, как по-твоему, должен я поговорить с ними? Эти люди были моими братьями. Мне удалось выбраться из всего этого дерьма, я мог бы сказать, что вычистил свою долю из выгребной ямы и теперь очередь кого-то другого, я мог бы сказать, что могу начать все сначала, и пусть ответственность берет на себя кто-то другой. Каково твое доброе мнение на этот счет, Роберто Ортис?

Посредством интеллектуальной телепатии Роберто Ортис сообщил, что Коко теперь должен позволить кому-то другому нести ответственность за чистку выгребной ямы.

– Не так-то это просто, Роберто. Пул был женат, когда мы были там, господи прости! Неужели ты думаешь, что он обо всем рассказал жене? У Пумо была еще и Дон Куччио, так неужели ты думаешь, что сейчас у него есть подружка, или жена, или то и другое? Лейтенант Биверс строчил письма женщине по имени Пэт Колдуэлл! Видишь, это никогда не кончается! Вот что значит вечность, Роберто! Это значит, что Коко должен продолжать и продолжать свое дело, вычищая мир... следя за тем, чтобы ни одна часть не пропадала понапрасну, чтобы то, что переходит из одного уха в другое, выкорчевывалось, искоренялось и ничего бы не оставалось, не пропадало понапрасну...

На секунду перед глазами Коко пала красная пелена. Мир превратился в бескрайний поток крови, смывающий все, уносящий с собой дома, и коровы, и железнодорожные составы – очищающий все.

– Знаешь, зачем я попросил тебя принести все копии твоих статей?

Ортис покачал головой.

Коко улыбнулся, протянул руку, поднял с пола толстую папку с копиями статей и раскрыл ее на коленях.

– О, классный заголовок, Роберто: «В самом ли деле погибли тридцать детей?» Скажи-ка, это из разряда желтой журналистики или что? Ты и впрямь можешь гордиться собой, Роберто. Можно поставить в один ряд с таким вот «Йети пожирает тибетского младенца». И каков же твой ответ? Неужто тридцать детей умерли?

Ортис не пошевелился.

– Не хочешь говорить – что ж, это нормально. Бесы являются нам в каких угодно личинах – их столько...

Пока Коко говорил, он достал из кармана коробок спичек, поджег папку и помахал ею, чтобы разгорелось хорошенько.

Когда пламя подползло к пальцам, Коко уронил горящие листы и раскидал их ногами. Невысокие язычки пламени оставляли на деревянном полу жирные черные отметины.

– Обожаю запах огня, – сказал Коко. – И запах пороха. И запах крови. Знаешь ли ты, что это запахи очищения?

Обожаю запах пороха.

Обожаю запах крови.

Он улыбнулся трепещущим на полу маленьким язычкам пламени.

– Обожаю даже запах горячей пыли, – он с улыбкой повернулся к Ортису. – Хотел бы я, чтобы на этом работа моя завершилась. Но по крайней мере я обзавелся двумя недурными паспортами, пригодятся. Может статься, когда закончу дело в Штатах, отправлюсь в Гондурас. А что, вполне логично. Отправиться туда после того, как рассчитаюсь со всеми, с кем должен рассчитаться, – он закрыл глаза и принялся раскачиваться взад-вперед. – Работа никогда не дает скучать, верно? – Он перестал раскачиваться. – Хочешь, прямо сейчас развяжу тебя?

Ортис испытующе посмотрел на него, затем медленно-медленно кивнул.

– Какой же ты тупой... – вздохнул Коко.

Он покачал головой, грустно улыбаясь, поднял с пола пистолет и направил его в середину груди Роберто Ортиса. Затем посмотрел прямо в глаза жертве, снова покачал головой, сохраняя на лице грустную улыбку, обхватил правое запястье левой рукой и нажал на спуск.

И стал наблюдать за тем, как расстаётся с жизнью Роберто Ортис, – подергиваясь в агонии, силясь что-то сказать. Кровь напитала темным красивый блейзер, погубила великолепную рубашку и роскошный галстук.

Вечность, ревностная и бдительная, наблюдала вместе с Коко.

Когда все кончилось, Коко написал свое имя на одной из игральных карт сувенирной колоды, крепко сжал в руке рукоять тесака и рывком поднялся с пола, чтобы выполнить грязную часть работы.

Часть третья. Сады Тигрового бальзама⁵³

12. Начало положено

1

– Вы позволите мне оставить эти книги себе? – обратился Майкл Пул к застывшей рядом с его креслом бортпроводнице – миниатюрной и всей как будто состоящей из облака черных блестящих волос и соблазнительных ямочек. На ее бейджике значилось «Пун Инь». Она наклонилась к Пулу его сумку ручной клади, и он вынул из открытого бокового кармана томики «Увидеть зверя» и «Расчлененный». Улыбнувшись ему, стюардесса пошла дальше по проходу салона, наполненному педиатрами.

Доктора начали выпускать пар, как только лайнер набрал крейсерскую высоту. На земле, на виду у своих пациентов и прочих неспециалистов, коллеги Майкла предпочитали казаться знающими, осмотрительными и настолько юными, насколько позволяла традиционная американская этика. В воздухе же они вели себя как мальчишки из студенческого братства. Педиатры в домашней одежде, в махровых спортивных костюмах и свитерах с эмблемами колледжей, педиатры в красных блейзерах и клетчатых брюках бродили по проходам огромного лайнера, раздавая приветствия и выкрикивая неудачные шутки.

Пун Инь не прошла и полпути к носовой части самолета с сумкой Майкла, когда приземистый, обрюзгший доктор с плотоядным, злым, как у хеллоуинской тыквы, взглядом, преградил ей путь и изобразил похабное движение бедрами.

– Ну, что ребята, мы в пути! – сказал Биверс.

– Скажем хором: «С»! – Конор поднял бокал.

– Книжки захватить не забыл? Или голова опять отказала?

– Они у меня в сумке, – ответил Пул. С портрета автора на обороте последней книги Андерхилла «Кровь орхидеи» он сделал пятьдесят ксерокопий.

Все трое наблюдали, как незнакомый доктор подергивается вокруг Пун Инь, вдохновленный поощрительными выкриками группы медиков. Хорошенькая стюардесса похлопала толстяка по плечу и протиснулась мимо него, отгородившись сумкой Майкла.

– Нам предстоит столкнуться лицом к лицу со слоном, – сказал Биверс. – Помните?

– Разве такое забудешь? – проговорил Майкл.

Их полк был сформирован во времена Гражданской войны, и в нем бытовало выражение «лицом к лицу со слоном», означавшее «идти в бой».

Громким, нечетким голосом Конор спросил:

– А какие такие качества воплощает в себе слон?

– В мирное время или военное? – уточнил Биверс.

– И в то и в другое. Давай выкладывай все по полной программе.

Биверс глянул на Пула:

– В мирное время слон олицетворяет благородство, изящество, уравновешенность, упорство, выносливость, силу и осторожность. В военное же – ярость и мощь.

⁵³ Сады Тигрового бальзама – тематический парк в Сингапуре, также известный как парк «Хо Пар Вилла», посвященный китайской культуре и мифологии. По мнению местных жителей, парк является самым неординарным и загадочным местом отдыха в Сингапуре. Его построили в 1937 году два брата бирманско-китайского происхождения, придумавшие знаменитый целебный травяной «Тигровый бальзам».

Несколько сидевших рядом педиатров смотрели на него в приветливом недоумении, пытаясь, по-видимому, разделить с ним его шутку.

Биверс и Пул начали смеяться.

– В яблочко! – сказал Кононор. – И никаких гвоздей!

На мгновение вдали в голове салона мелькнула Пун Инь, затем задернула перед собой занавеску и исчезла.

2

Самолет неспешно поглощал тысячи миль между Лос-Анджелесом и Сингапуром, где в укрытом зеленью брошенном бунгало сидели никем не обнаруженные трупы мисс Баландран и Роберто Ортиса. Летевшие на форум педиатры разошлись по своим креслам и дремали, убавляя алкоголь и длительным перелетом. Стали разносить пресную еду, далеко не такую приятную для восприятия, как улыбка Пун Инь, с которой та выкладывала порции на столики пассажирам. Немного погодя стюардесса собрала подносы, разлила бренди, взбила подушечки перед долгой ночью.

– Я ведь не рассказал тебе, что бывший агент Андерхилла сообщил Тине Пумо, – сказал Пул Биверсу, перегнувшись через дремлющего Линклейтера.

Лучи света пронизали длинный темный салон 747-го: начали показывать фильм «Улыбки Саванны», за которым последовал второй фильм, в котором снялись Карл Молден⁵⁴ и несколько югославов.

– То есть ты не хотел рассказывать мне, – заметил Биверс. – Что-то, наверное, очень хорошее.

– Вполне, – допустил Пул.

Биверс ждал. Не дождавшись, наконец проговорил:

– Ладно. Часов двадцать у нас еще есть.

– Да я просто пытаюсь собрать мысли в кучку, – Пул прочистил горло. – Поначалу Андерхилл вел себя как любой другой автор. Ворчал по поводу тиражей его книг, по поводу сроков выплаты гонораров и тому подобное. Был он, по-видимому, более покладистым, чем большинство авторов или, по крайней мере, не хуже. Не без странностей, разумеется, но они не казались из ряда вон. Жил он в Сингапуре, и работники «Гладстоун хаус» не могли писать ему напрямую, поскольку даже у его агента имелся лишь номер его почтового ящика.

– Дай угадаю. Потом все изменилось к худшему.

– Далеко не сразу, постепенно. Он написал несколько писем маркетологам и в отдел рекламы. Мол, они вкладывают в него недостаточно средств, не воспринимают его всерьез; ему не по вкусу оформление издания в мягкой обложке; тираж слишком мал. Ладно. «Гладстоун» решил вложиться немного больше в его вторую книгу «Расчлененный», и усилия окупались. Книга попала в список бестселлеров изданий в мягкой обложке, продержалась там месяц или два и очень хорошо продавалась.

– И что наш юноша – остался доволен? Отправил букет роз в отдел маркетинга?

– Пустился во все тяжкие. Как только книга попала в хит-парад, он отправил им длинное бредовое письмо: дескать, она должна была подняться выше и быстрее, рекламная кампания никуда не годится, ему осточертело получать от них удары в спину и все в таком духе. На следующий день прилетело еще одно гневное письмо. Ежедневно в течение недели «Гладстоун» получал его длинные, пяти-шестистраничные злопыхательские послания. Последние два несли в себе угрозы физическим насилием.

⁵⁴ Карл Молден (урожд. Младен Джердже Секулович, 1912–2009) – американский актер, обладатель премий «Оскар» и «Эмми».

Биверс ухмыльнулся.

– Те письма изобиловали всяким вздором о том, что его якобы третируют за то, что он ветеран Вьетнама. Не удивлюсь, если он даже упомянул там Я-Тук.

– Ха!

– Позже, когда книга покинула хит-парад, он затеял долгое дуракаваляние насчет судебного разбирательства. В «Гладстоун хаус» стали приходить странные письма от сингапурского адвоката по имени Онг Пхин. Андерхилл предъявил издательству иск на два миллиона долларов – именно такую, по расчетам адвоката, сумму потерял его клиент из-за непрофессионализма «Гладстоуна». С другой стороны, если «Гладстоун» желает избежать расходов и огласки судебного разбирательства, клиент Онг Пхина был готов пойти на соглашение за единовременную выплату в размере полумиллиона долларов.

– И издательство платить отказалось.

– Тем более после того, как они установили, что адрес Онг Пхина суть тот же почтовый ящик, на который агент Андерхилла Фенвик Тронг отправлял ему почту и чеки с гонорамами.

– Узнаю нашего мальчика!

– Они направили Андерхиллу ответ, предоставив возможность предложить свою книгу какому-нибудь другому издательству, раз уж он не удовлетворен их усилиями, – и он как будто пришел в себя. Даже прислал им письмо с извинениями за то, что потерял самообладание. В этом же письме он объяснил, что Онг Пхин – его друг, юрист, который остался без офиса и временно проживает у него.

– «Цветочек»!

– Ну, в любом случае... Он преподнес угрозу двухмиллионного иска как пьяную шутку. Все утряслось. Но как только он представил свою следующую книгу, «Кровь орхидеи», то снова сбрендил и стал угрожать судебными исками. Онг Пхин настроил несколько бредовых депеш на таком английском, каким японцы составляют инструкции по эксплуатации. А когда книга вышла, Андерхилл отправил по почте коробку с засохшими экскрементами президенту «Гладстоуна» Джеффри Пенмейдену, известному и весьма уважаемому человеку. Это было все равно, что прислать дерьмо Максвеллу Перкинсу⁵⁵. А книга вышла и... провалилась. Вот просто раз – и исчезла из виду. С тех пор в издательстве о Тиме не слышали ни слова, и я не думаю, что они горят желанием возобновить с ним сотрудничество.

– Он прислал посылку с дерьмом Джеффри Пенмейдену? Самому знаменитому издателю Америки? – спросил Биверс.

– Полагаю, здесь дело скорее не в сумасшествии, а в ненависти к себе, – предположил Пул.

– Ты всерьез думаешь, что это не одно и то же? – Биверс потянулся и похлопал Майкла по колену.

Когда Биверс опустил спинку кресла, откинулся на нее и закрыл глаза, Майкл включил лампочку для чтения и взял в руки книгу «Видеть зверя».

Действие в первом романе Андерхилла начиналось с того, что юношу из богатой семьи по имени Генри Харпер призвали в армию и отправили на Юг в учебный центр основной подготовки. Он представляет собой тип человека, который постепенно, но основательно подрывает благоприятное первое впечатление о себе. Харпер внешне обаятелен, высокомерен, эгоистичен. Другие люди по большей части либо производят на него впечатление, либо вызывают отвращение. Само собой, военную подготовку он ненавидит, а его ненавидят все остальные новобранцы на базе. Он знакомится с парнем по имени Нэт Бисли, чернокожим солдатом,

⁵⁵ Уильям Максвелл Эвартс Перкинс (1884–1947) – американский литературный редактор, наиболее известный своим сотрудничеством с такими классиками американской литературы, как Эрнест Хемингуэй, Фрэнсис Скотт Фицджеральд и Томас Вулф.

который, похоже, симпатизирует ему, несмотря на его недостатки, и который под снобизмом и самосознанием Генри обнаруживает порядочного человека. Нэт Бисли берет Харпера под свою опеку и всячески помогает пройти курс боевой подготовки. Во многом к облегчению Харпера, его отец, федеральный судья в Мичигане, похлопотал, чтобы Генри и Бисли попали в одно подразделение во Вьетнаме. Судье даже удалось посадить Генри и Бисли на один рейс из Сан-Франциско в Таншоннят⁵⁶. И во время перелета Генри Харпер заключает с Нэтом Бисли сделку. Суть ее такова: Нэт продолжает защищать его, а Генри гарантирует ему выплату половины всех денег, которые заработает когда-либо или унаследует. Речь шла о сумме не менее двух-трех миллионов долларов, и Бисли дает согласие.

Спустя примерно месяц пребывания в стране оба солдата во время патрулирования отстают от своего подразделения. Нэт Бисли поднимает свою М-16, нажимает на спуск и делает в груди Генри Харпера дыру размером с семейную Библию, меняется с покойником жетонами⁵⁷, после чего уродует тело Харпера до неузнаваемости. Затем по пересеченной местности отправляется в сторону Таиланда.

Майкл читал, перелистывая страницы в свете желтого луча лампы, в то время как на маленьком экране перед ним как бы сам по себе крутился невразумительный кинофильм. Ровно гудящую тишину салона то и дело прорезали храп и отрывки забывшихся сном педиатров. Нэт Бисли наживает целое состояние на торговле гашишем в Бангкоке, женится на красивой шлюхе из Чиангмая и летит обратно в Америку с паспортом на имя Генри Харпера. Пун Инь или, возможно, какая-то другая стюардесса, сидевшая в последнем ряду, шумно вздохнула.

В аэропорту Нэт Бисли арендует автомобиль, и они вместе с красавицей-шлюхой из Чиангмая едут в Гросс-Пойнт. Майкл представил себе, как Нэт, сидя за рулем, повернулся к жене и показал ей на большой белый особняк судьи Харпера перед зеленым простором безупречной лужайки. Вслед за этими образами, словно сопровождая их, стали всплывать другие: Пул никогда не проводил столько времени в воздухе, начиная с 1967 года, и моменты его непростого полета во Вьетнам, заключенные в оболочку такого же беспокойства, переплетались с приключениями Нэта Бисли, рядового-дезертира.

Весь тот день, что они находились в воздухе, его не покидало ощущение курьезности полета на войну регулярным коммерческим авиарейсом. Почти три четверти пассажиров самолета были новобранцами, как и он сам, остальные же – кадровыми офицерами либо бизнесменами. Стюардессы разговаривали с ним, избегая встречаться глазами, и улыбки их казались неестественными, как случайные подергивания губ.

Майклу вспомнилось, как он тогда взглянул на свои руки и подумал, какими они будут, когда он вернется в Америку, – быть может, безжизненными и холодными? И почему он не уехал в Канаду? В Канаде в тебя не стреляли. Почему просто не остался в университете? Что за глупый фатализм правил его жизнью?

Конор Линклейтер испугал Майкла, резко выпрямившись в кресле. Он поморгал сонными глазами на Майкла и проговорил:

– Эй, ты пялишься в эту книгу, будто это Розеттский камень, – и тут же откинулся назад и заснул, казалось, раньше, чем сомкнулись его веки.

⁵⁶ *Tan Son Nhat* (англ. Tan Son Nhat) – гражданский международный аэропорт города Хошимина (бывший Сайгон), Вьетнам. Крупнейший международный аэропорт Вьетнама по площади и по количеству обслуживаемых пассажиров.

⁵⁷ Жетоны, которые носились американскими военнослужащими во время войны во Вьетнаме, имели вместе с группой крови и резус-фактор (как правило, только положительный – POS). Там же получила распространение традиция дополнительный жетон зашнуровывать в армейских ботинках, некоторые крепили к брючному ремню или зашивали в карман брюк. При подрыве боеприпаса в непосредственной близости от военнослужащего или при прямом попадании пули цепочка могла быть перебита и жетон утерян – в таком случае запасной жетон помогал опознать погибшего.

Нэт Бисли прохаживается по особняку судьи Харпера. Задумчиво созерцает содержимое холодильника. Заходит в судейскую гардеробную и примеряет костюмы судьи. Его жена возлежит на кровати судьи с пультом в руке и листает шестьдесят кабельных телеканалов.

Рядом с Майклом вдруг возник ангел – это Пун Инь, разведя в стороны руки с пледом, укрывает тело спящего Конора Линклейтера. В 1967 году белокурая стюардесса со стрижкой «паж» разбудила его, похлопав по руке, ослепительно улыбнулась и попросила готовиться к высадке. У Майкла все внутри сжалось. Когда стюардесса открыла дверь, в самолет хлынул горячий влажный воздух, и все тело Майкла тотчас покрылось пленкой пота.

Нэт Бисли достает тяжелый пластиковый коричневый пакет из багажника «Линкольн Таун кар» и сбрасывает его в глубокую впадину меж двух елей. Вынимает из багажника второй пакет, полегче, и бросает его поверх первого.

От такой жары, подумал Майкл, туфли развалятся прямо на ходу.

Пун Инь выключила светильник для чтения и закрыла его книгу.

3

В прошлом генерал, а ныне – уличный проповедник в Гарлеме, на минуту оставил Тину наедине с Мэгги в захлавленной гостиной своей богатой квартиры на углу 125-й улицы и Бродвея. Генерал был другом отца Мэгги, тоже, по-видимому, генерала Тайваньской армии, который после убийства генерала Ла и его жены привез Мэгги в Америку, – значит, эта душная гарлемская квартира и была тем местом, откуда Мэгги когда-то сбежала! «Вот оно что», – разгадав этот пазл, Пумо испытывал и облегчение, и досаду одновременно.

С одной стороны, его девушка оказалась дочерью генерала. Этот факт объяснял многое в Мэгги – например, ее абсолютно естественную гордость; ее привычку добиваться своего; присущую ей манеру говорить так, словно она передает оперативную сводку; а еще она полагала, что знает о солдатах все.

– Тебе не приходило в голову, что я беспокоюсь о тебе?

– Да не беспокоись ты, скажи честно – ревнуешь.

– А если и так, что в этом плохого?

– Тина, я не твоя *собственность*. А плохо потому, что проявляется это твое «беспокойство» только тогда, когда я ухожу, а ты не знаешь, где меня искать. Ты сам-то понимаешь, что ведешь себя как маленький мальчик?

Он оставил эти слова без внимания.

– И еще потому, что, когда я живу с тобой, Тина, ты в итоге начинаешь воспринимать меня как полусумасшедшего маленького панка, который на самом деле просто мешает тебе думать о бизнесе и тусоваться с друзьями.

– Все это лишь говорит о том, что ревнуешь *ты*, Мэгги.

– Может, ты все-таки не безнадежно глупый, – Мэгги улыбнулась ему. – Но ты создаешь мне слишком много проблем.

Она сидела на шикарном, обитом цветистой парчой диване, поджав под себя ноги, завернувшись в свободно струящееся темное шерстяное нечто, – такое же цветасто-китайское, как и обивка дивана. Видя улыбку девушки, Тина безумно захотел обнять ее. Ее прическа была сегодня иной – менее воинственной, больше похожей на гладкую темную соломку. Пальцы Тины прекрасно помнили, как шелковиста тяжелая волна густых волос Мэгги, и сейчас ему очень хотелось взъерошить их.

– То есть ты хочешь сказать, что не любишь меня?

– Нельзя вот так взять и перестать любить человека, Тина, – ответила она. – Но если я опять перееду к тебе, пройдет совсем немного времени, и ты втайне станешь гадать, как бы

отделаться от меня: ты настолько грешен, что никогда не позволишь себе жениться. Ты никогда не станешь мне ближе.

– Выходи за меня.

– Нет, – она пристально наблюдала за его настороженно-удивленной реакцией. – Я же сказала, ты создаешь мне слишком много проблем. Но дело даже не в этом. Дело в том, как ты *поступаешь*.

– Хорошо, я не идеален. Это ты хотела услышать от меня? Все, чего я хочу, это чтобы ты вернулась ко мне, и ты это знаешь. А еще я могу прямо сейчас повернуться и уйти – это ты тоже знаешь.

– Вспомни-ка вот что, Тина. Те рекламные объявления, что я публиковала для тебя в «Вилледж войс»...

Тина кивнул.

– Тебе было приятно их видеть?

Он снова кивнул.

– И ты каждую неделю искал их на странице?

Тина еще раз кивнул.

– Тем не менее, ты даже не подумал разместить в ответ свое, верно?

– Так в этом все дело?

– О, неплохо, Тина. Я было думала, ты ответишь, что староват для таких забав.

– Мэгги, у меня сейчас буквально куча неприятностей.

– Что, власти закрыли «Сайгон»?

– Его закрыл я. Понял, что одновременно и готовить пищу, и травить тараканов просто нереально. Решил сконцентрироваться на травле.

– Только не перепутай и не начни готовить тараканов.

В раздражении он покачал головой и проговорил:

– Я теряю на этом уйму денег. К тому же я продолжаю выплачивать зарплату персоналу.

– И очень жалеешь, что не полетел в Сингапур с маленькими мальчиками.

– Скажем так: мне было бы веселей, чем сейчас.

– Вот прямо сейчас?

– В смысле, вообще сейчас. – Он смотрел на нее с любовью и ожесточением. Ответный взгляд Мэгги был спокоен. – Никак не думал, что ты хотела, чтобы я отвечал тебе объявлениями в газете, иначе обязательно бы это сделал. Мне даже в голову не приходило...

Она вздохнула и подняла руку, затем медленно опустила ее на сложенные вместе колени.

– Забыли об этом. Просто помни, что я знаю тебя намного лучше, чем ты когда-либо сможешь знать меня, – она подарила ему еще один спокойный взгляд. – Беспокоишься о них, да?

– Беспокоюсь. Может, поэтому и жалею, что сейчас не с ними.

Она медленно покачала головой:

– У меня в голове не укладывается: вас там едва не убили, а ты готов снова пройти по тому же пути, будто ничего не случилось.

– Случилось много чего, и я не прочь признаться в этом.

– Да ты просто боишься, боишься, боишься!

– Хорошо – да, я боюсь, – он шумно выдохнул. – Я даже не люблю в одиночку выходить из дома в дневное время. А по ночам все чудятся какие-то шумы. Такая вот странная фигня: не выходит он из головы – Вьетнам.

– Не выходит только по ночам или постоянно?

– Знаешь, ловлю себя на том, что думаю об этой странной фигне в любое время – не только ночью, днем тоже, если ты об этом.

Мэгги выпростала ноги из-под себя:

– Хорошо, я поеду к тебе и останусь на некоторое время. Пока ты помнишь, что из нас двоих ты не единственный, кто может уйти.

– Черта с два я такое забуду!

Вот и все, никаких особых усилий не потребовалось. Ему даже не пришлось признаваться ей, что прямо перед тем, как приехать в центр города, он стоял в своей кухне с бутылкой пива и на жуткие несколько секунд вдруг *понял*, что он в Ба Муй Ба и что пуля с его именем, та самая, что тогда миновала его, все эти годы кружит над миром и ищет его.

Бывший генерал, а ныне проповедник, смерил его таким взглядом, будто он все еще чертов генерал, а затем пролаял несколько слов на китайском, обращаясь к Мэгги. Она ответила ему фразой с отчетливыми нотками, как показалось Пумо, упрямства и ребячливости. Генерал же своим ответом раз и навсегда доказал Тине, что тот никогда не поймет кантонский язык: лучезарно улыбнувшись Мэгги, он нежно обнял ее и поцеловал в макушку. А Тине даже пожал руку с такой же сияющей улыбкой.

– Сдается мне, он только рад избавиться от тебя, – заметил Тина, когда они дожидались едва ползавшего вонючего лифта.

– Папа христианин, он верит в любовь.

Ему не удалось распознать, что это было – сарказм или прямой смысл, как, впрочем, частенько бывало у него с Мэгги. Лифт брякнул на этаже генеральской квартиры, и распахнул пасть, и дохнул кислым зловонием мочи. Тина не мог позволить Мэгги догадаться, что боится лифтов. Она стояла уже внутри и пристально смотрела на него. Сглотнув, Тина шагнул в провонявшую кабину.

За спиной с грохотом сомкнулись двери.

Ему удалось улыбнуться Мэгги. Зайти в кабину было самым трудным.

– Что он тебе сказал перед нашим уходом?

Мэгги похлопала его по руке.

– Он сказал, что ты хороший старый солдат и я должна заботиться о тебе и не слишком пилить, – подняв голову, она озорно глянула на него. – Ну, а я сказала ему, что вообще-то ты та еще задница и я возвращаюсь к тебе лишь для того, чтобы подтянуть мой разговорный английский.

Внизу Мэгги настояла на том, чтобы ехать на метро, а затем продемонстрировала, что не оставила свои прежние забавы.

Они достигли верхних ступеней лестницы и двигались к кассе, чтобы купить жетоны. Порыв холодного ветра пронизал куртку и забросил капюшон Тине на затылок. Когда он оглянулся на Мэгги и не увидел ее рядом, его прошиб холодный пот – он запаниковал.

Шумная компания парней в черных куртках и вязаных шапочках, один из них с огромным магнитофоном на плече, с топотом приплясывала на платформе и нокаутировала воздух кулаками в такт песне Кертиса Блоу⁵⁸. Темнокожие женщины в тяжелых пальто стояли, привалившись к перилам, и не обращали на молодежь никакого внимания. Далеко впереди на платформе ждали поезда несколько мужчин и женщин, бесцельно глядя вниз на рельсы. Тина внезапно с болью ощутил себя прыгуном – высоко над водой, на гибкой доске. Захотелось вцепиться руками в перила: чудилось, будто внезапный порыв ветра сметет его отсюда и швырнет на Бродвей.

Он автоматически влился в очередь за жетонами. Парни скучковались в начале платформы. Взмешенный исчезновением Мэгги и своей болезненной реакцией на это, Тина полез в карман.

⁵⁸ *Курт Уокер*, более известный как *Кертис Блоу* – американский рэпер, продюсер. Один из первых коммерчески успешных рэперов.

Затем он услышал хихиканье Мэгги и, повернув голову, увидел, что она уже миновала турникет и, выйдя на платформу, стояла неподалеку от безучастных женщин в черных пальто. Глубоко засунув руки в карманы пуховика, Мэгги с усмешкой смотрела на него.

Тина получил жетон и прошел через турникет.

– Как ты это проделала? – спросил он.

– У тебя все равно не получится, зачем тогда мне рассказывать?

Когда к платформе с грохотом подлетел поезд, она взяла Пумо за руку и затащила в вагон.

– Ребята уже в Сингапуре? – спросила она.

– Да уже, наверное, дня три или четыре.

– Брат сказал, они и в Тайбэй собирались.

– Не исключено. Для того чтобы отыскать Андерхилла, они махнут куда угодно.

Мэгги странно посмотрела на него – язвительно и в то же время наполовину участливо.

– Бедный Тина, – проговорила она и положила его руку на свои мягкие, обтянутые пуховиком колени.

Пумо сидел рядом с ней в шумном вагоне метро, почти до конца обуздав свой страх. Никто не смотрел на него. Его рука уютно покоилась на коленях Мэгги меж ее теплых маленьких ладошек.

Грязный поезд мчал их под Манхэттенем на юг: Мэгги Ла с ее непостижимо загадочными чувствами и Тина Пумо – со своими, причудливым образом созвучными чувствам его друзей под терпеливым взглядом Пун Инь. «Я люблю Мэгги и боюсь этой любви, – думал Тина. – Она необыкновенный человек. Бросает меня, чтобы меня удержать, достаточно умна, чтобы уйти, прежде чем я ее прогоню, и доказывает это, возвращаясь всякий раз, когда мне без нее совсем невмоготу. И, может быть, Андерхилл псих, и, может быть, я тоже псих, но надеюсь, они найдут его и вернут сюда».

«Вот Тим Андерхилл, – продолжал размышлять Тина Пумо. – Вот Андерхилл в секторе базы Кэмп-Крэндалл, так же хорошо известном психам старого доброго „Слона, вставшего на дыбы“, как Озон-парк⁵⁹. Озон-парком они называли доступный всем ветрам, лишенный растительности участок земли размером в пару городских кварталов между задней стеной «клуба» Мэнли и проволокой забора военного лагеря. Из всех мыслимых удобств он представлял один унитаз, где можно было по-человечески облегчиться, и высоченное сооружение из пустых бочек, предлагавшее тень и всепроникающую вонь нефти. Официально Озон-парка не существует, поэтому он надежно защищен от вторжений Железного Дровосека, для которого, по истинно армейской традиции, «должно быть» означает то же, что и «есть». А вот Тим Андерхилл в компании нескольких сослуживцев просаживают деньги и здоровье на курево «Си Ван Во 100», а еще больше – на белый порошок, дозы которого достает Андерхилл из кармана. Вот Андерхилл в подробностях излагает нам всем – М. О. Денглеру, Спэнки Барреджу, Майклу Пулу, Норману Питерсу и Виктору Спитальны, который прячется за бочкой и время от времени бросает маленькие камушки в остальных, – излагает нам всем легенду о рядовом-дезертире. Юноша из хорошей семьи, рассказывает Андерхилл, сын федерального судьи, призван в армию и направлен в старый добрый Форт Силл, расположенный в прекрасном Лоутоне, что в штате Оклахома...

– Меня уже тошнит от твоего голоса, – глумливо усмехается Спитальны сбоку, из своей засады, бросает камушком в Андерхилла, и тот ударяет ему в середину груди. – Все равно ты мелкий пидор, и больше никто.

⁵⁹ *Озон-парк* – район в юго-западной части Квинса, Нью-Йорк. Когда-то прозванный «Маленькой Италией Квинс» (из-за большой итало-американской общины в этом районе), Озон-парк также был рассадником преступного мира, одним из оплотов Коза Ностры. Согласно исследованию американского сообщества, за период 2010–2014 гг. 15,7 % населения идентифицировали себя как итальянцы-американцы (6,9 % по всему Нью-Йорку). В 2010 году в Озон-парке проживало 21 376 человек, в том числе 37,9 % латиноамериканцев, 30,5 % неиспаноязычных белых и 19,4 % азиатов.

«А ты все равно задрот», – Пумо вспомнил, как он красноречиво назвал Спитальны, а тот в ответ бросился камушком уже в него. Много времени потребовалось, чтобы привыкнуть к «цветочкам», потому что много потребовалось времени, чтобы понять: Андерхилл никогда никого не развращал, он никого не мог развратить, поскольку сам не был развращен. Хотя многие знакомые Пумо солдаты утверждали, что брезгуют азиатскими женщинами, почти все они пользовались услугами проституток и девиц из бара. Исключение составляли Денглер, цеплявшийся за свою непорочность, считая ее именно тем талисманом, что хранит ему жизнь на войне, и Андерхилл, «снимавший» исключительно юношей. «Интересно, – думал Пумо, – знали ли остальные, что всем его „цветочкам“ перевалило за двадцать и что их было-то всего двое?» Пумо это знал, потому что был знаком с ними обоими. Первый, однорукий бывший солдат ВСРВ⁶⁰ с девичьим лицом, жил со своей матерью в Хюэ и зарабатывал на жизнь тем, что жарил мясо в продуктовой лавке, пока его не начал содержать Андерхилл. Второй «цветочек» в самом деле работал на цветочном рынке в Хюэ, и Пумо как-то обедал вместе с Андерхиллом, юношей и его сестрой и матерью. И увидев тогда, сколько нежности соединяло этих четверых людей, Пумо, будь такое возможным, с радостью породнился бы с ними. Эту семью Тим тоже содержал. А теперь, так случилось, ее поддерживал и Пумо, потому что, когда самый любимый «цветочек» Андерхилла Винь наконец отыскал его в Нью-Йорке в 1975 году, Пумо вспомнил превосходную еду, которую тот готовил, а также тепло и доброту в их маленьком доме, и взял его на работу шеф-поваром. Винь сильно изменился: он казался старше, жестче и уже не таким жизнерадостным. (К тому же он стал отцом ребенка, потерял жену и долгое время стажировался на кухне вьетнамского ресторана в Париже.) Никто из друзей Пумо не знал истории Виня. Гарри Биверс как будто видел его однажды с Андерхиллом, но вскоре забыл об этом: по каким-то ему одному известным причинам Биверс убедил себя, что Винь родом из Ан Лат – деревни близ Я-Тука, – и всякий раз, когда Биверс видел Виня или его дочь, он напрягался и обретал какой-то загнанный вид.

– Ты как будто повеселел, – заметила Мэгги.

– Коко – это не Андерхилл, – ответил Тина. – Сукин сын хоть и был шизиком, но шизиком самым здравомыслящим, какого только можно вообразить.

Мэгги ничего не сказала и не сделала – не выпустила его руку из своих, даже не моргнула, глядя на него, и он не понял, услышала ли она его. А может, почувствовала себя уязвленной. Поезд с грохотом влетел на станцию и, дернувшись, остановился. Зашипели, расходясь, двери, и в вагоне стало тихо. Пумо на мгновение замер. Мэгги потянула его и подняла на ноги. Когда Тина вышел из вагона, он склонился над Мэгги и крепко, как только мог, обнял ее.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась она. – Только не пойму, я самая здравомыслящая из сумасшедших или наоборот.

Когда они свернули на Гранд-стрит, Мэгги ахнула.

– Извини, что не предупредил, – сказал Пумо.

Стопки кирпичей, штабели досок, мешки со штукатуркой и распиленные обрезки демонтированных труб заполняли тротуар перед «Сайгоном». Рабочие в парках и толстых перчатках, пригибая головы от ветра, вывозили тачки со строительным мусором из парадной двери и старательно сваливали их в контейнер. Два грузовика стояли бок о бок у контейнера: один с надписью «Скапелли констракшн Ко», второй – с другой маркировкой: «Маклиндон – дезинсекция и дератизация». Между рестораном и грузовиками взад-вперед бродили люди в касках. Мэгги увидела Виня – тот разговаривал с женщиной, державшей в руках пачку развернутых чертежей: шеф-повар подмигнул ей, а затем помахал Пумо.

– Надо поговорить! – крикнул Винь.

⁶⁰ Вооруженные силы Республики Вьетнам – вооруженные силы государства Республика Вьетнам (также известного как Южный Вьетнам), созданные в 1955 году и прекратившие свое существование в 1975 году.

– Представляю, каково внутри, – сказала Мэгги.

– Не так жутко, как снаружи. Кухню всю разворотили, большую часть обеденного зала – тоже. Винь помогает мне – шпыняет кого надо, когда меня нет. Пришлось разобрать всю заднюю стену, а затем перестроить часть подвала.

Он вставлял ключ в белую дверь рядом с дверью «Сайгона», но открыть не успел: пожав руку архитектору, торопливо подошел Винь.

– Рад снова видеть тебя, Мэгги, – поздоровался Винь и сразу же обратился к Пумо на вьетнамском. Тина ответил тоже на вьетнамском, застонал и повернулся к Мэгги с выражением растущего беспокойства на лице.

– Пол провалился?

– Сегодня утром кто-то сюда залез. Меня не было часов с восьми утра – я выходил позавтракать и связаться кое с кем из поставщиков. Поскольку мы все это затеяли, то расширяем кухню, и, как обычно, мне приходится носиться по всему ресторану, что я и делал до того момента, пока меня не остановила последняя страница «Вилледж войс».

– Как мог сюда кто-то забраться, когда здесь столько народу?

– Ох, – вздохнул Пумо. – Забрались не в ресторан, а в мою квартиру. Винь услышал, как кто-то ходит наверху, и решил, что это я. Потом он поднялся ко мне спросить о чем-то и только тогда понял, что это был чужой.

Тина почти со страхом прошелся взглядом вверх по узкому пролету ступеней, ведущих к его квартире.

– Не думаю, что это твоя Дракула заглянула с визитом вежливости, – сказала Мэгги.

– Я тоже, – Тина не был так уж уверен в этом. – Похоже, та сучка вспомнила, что не все унесла в прошлый раз.

– Да ну, скорее всего, просто грабитель, – возразила Мэгги. – Слушай, давай уже уйдем с холода, – она поднялась на пару ступеней, обернулась, схватила Пумо обеими руками за локти и потянула к себе. – Знаешь ли ты, белый мальчик, в какое время совершается большинство краж со взломом? Около десяти утра, когда плохие парни уверены, что хозяева на работе.

– Я в курсе, – улыбнулся ей Тина. – Нет, правда, я знаю.

– А если маленькая Дракула вернется за твоим телом, я превращу ее в... хм-м... – Мэгги закатила глаза и подперла щеку указательным пальчиком. – Я превращу ее в даньхуатан⁶¹!

– Лучше в утку по-сайгонски. Не забывай, где ты сейчас находишься.

– Так пойдем наверх и посмотрим, как там и что.

– Так и я о том же.

Вслед за Мэгги он поднялся по лестнице к двери своей квартиры. В отличие от двери на улицу, эта была заперта.

– Похоже, некто похитрее Дракулы, – заметила Мэгги.

– Замок двери захлопывается сам, поэтому я пока не уверен, что это не она здесь побывала, – Пумо отпер дверь и переступил порог первым.

Его пальто и куртки висели на своих крючках, под ними ровным рядком выстроилась обувь.

– На первый взгляд все на месте.

– Прекрати *трусить*, – Мэгги подтолкнула его.

В паре шагов впереди была дверь в ванную – здесь все оставалось на своих местах, но на мгновение Пумо вдруг живо представил себе, как Дракула, чуть согнув в коленях ноги перед зеркалом для бритья, взбивает свой «ирокез».

⁶¹ *Даньхуатан* – китайский суп с клочками яиц, сваренных в курином бульоне. Представляет собой суп с яичными хлопьями, который готовят, выливая в кипящий бульон взбитое яйцо тонкой струйкой, в результате чего яичный белок сворачивается в тонкие плавающие хлопья.

Дальше располагалась спальня. Взгляду Пумо представились неубранная постель и пустая подставка для телевизора – это он оставил постель в таком виде и не успел пока найти замену 19-дюймовому «Сони», который украла Дракула. Дверцы стенного шкафа были распахнуты, и несколько его костюмов упали с вешалок поверх неопрятной кучи другой одежды.

– Вот черт, это все-таки была *она*. – Он почувствовал, что все тело покрылось пленкой пота.

Мэгги вопросительно взглянула на него.

– В первый раз она стащила мой любимый пиджак и любимые ковбойские сапоги. Гадина! Положила глаз на мой гардеробчик! – Пумо постучал кулаками себя по вискам.

Он метнулся через комнату, стал хватать одежду с пола шкафа, осматривать ее и водворять на вешалки.

– Винь вызвал полицию? Ты будешь им звонить?

Поверх охапки одежды Тина взглянул на Мэгги:

– А толку? Даже если ее найдут и чудесным образом упекут за решетку, она выйдет уже через день-другой. Так делаются дела у нас в стране. У вас в Тайбэе, наверное, совершенно иная система.

Мэгги прислонилась к дверному косяку, опустив руки – они висели параллельно друг дружке.

«Надо же, какие необычные у нее пальцы – миниатюрные, с крупными суставами...» – заметил Пумо, наверное, в тысячный раз.

Она ответила:

– У нас в Тайбэе таким вот скрепляют скобами язык и верхнюю губу и тупым ножом отрубают по три пальца на каждой руке.

– Вот это, я понимаю, правосудие, – сказал Пумо.

– В Тайбэе мы понимаем это как либерализм, – сказала Мэгги. – Пропало что-нибудь?

– Минуточку... – Пумо повесил последний костюм на плечики, а плечики – в шкаф на поручень. – Мы еще не смотрели в гостиной. И я даже не уверен, что мне этого хочется.

– Давай я посмотрю. Мы же будем сюда периодически наведываться, раздеваться и заниматься тем, чем изначально собирались заняться.

Он взглянул на нее с нескрываемым изумлением.

– Пойду-ка я удостоверюсь, что враг из гостиной отступил, – сказала Мэгги спокойным ясным голосом и скрылась в гостиной.

– А, черт! Да будь я проклят! – взорвался Пумо через несколько секунд. – Так и знал!

Мэгги, испуганная и слегка задыхающаяся, вновь заглянула в спальню:

– Ты звал меня?

– Глазам своим не верю, – Пумо смотрел на пустую прикроватную тумбочку и поднял ошеломленный взгляд на Мэгги. – А как в гостиной?

– Ну, за ту пару секунд, что у меня были до того, как я отвлеклась на вопли сумасшедшего, гостиная показалась мне слегка в беспорядке, но в остальном как будто все нормально.

– Это точно была Дракула, – Пумо не понравилось, как прозвучало из ее уст «слегка в беспорядке». – Так и знал, черт. Эта дрянь вернулась и опять унесла то же самое, – он указал на тумбочку: – Мне тогда пришлось купить новые радиочасы, и теперь их нет. Купил новый вокмен, а эта гадина и его увела.

Пумо смотрел, как маленькая красивая Мэгги в свободном как бы струящемся китайском одеянии всплывает в его спальню, и перед его мысленным взором предстала разгромленная гостиная. Он увидел вспоротые диванные подушки, сброшенные с полок книги, опрокинутый стол; пропали телевизор, автоответчик, чековые книжки, красивая декоративная ширма, что он привез из Вьетнама, видеомагнитофон и почти весь запас дорогого алкоголя. Пумо не считал себя так уж привязанным к своему имуществу, однако ему пришлось собраться с духом

перед потерей этих вещей. Больше всего жаль было дивана, который Винь изготовил и обил своими руками.

Мэгги ногой подцепила свесившийся угол одеяла – под ним обнаружились радиочасы и вокмен, очевидно, свалившиеся с тумбочки утром.

Ни слова не говоря, она повела Пумо в гостиную, и он признался себе, что комната выглядела почти так же, как и тогда, когда он ее оставил.

Гладкая, толстая, голубая в крапинку ткань обивки дивана Виня осталась нетронутой; книги – в привычном беспорядке на полках и стопками на журнальных столиках; телевизор, глупый как идол, торчал на своей полке под видеоманитофоном и роскошной стерео-установкой. Пумо взглянул на пластинки на полке ниже и понял, что кто-то их листал.

У дальней стены гостиной две ступени вели к невысокой платформе, сооруженной из дерева, – тоже дело рук Виня. Здесь располагались полки, уставленные бутылками, пара полочек с кулинарными книгами, также раковина, встроенный ящичек со льдом. Мягкое кресло, настольная лампа. В самом углу платформы, где примостился письменный стол Пумо, кожаное рабочее кресло было выдвинуто в сторону, как будто злоумышленник намеревался провести какое-то время за столом.

– Выглядит не так уж плохо, – согласился он с Мэгги. – Она вошла сюда, осмотрелась, но, как вижу, гадостей не наделала никаких.

Двигаясь уже более уверенно, он вошел в гостиную и внимательно осмотрел журнальный столик, книги, пластинки и журналы. Дракула задержалась тут – почти все предметы она сдвинула с привычных мест.

– «Батальонный вестник», – наконец сказал он.

– Что, прости?

– Она взяла девятый номер «Батальонного вестника». Он выходит два раза в год. Честно говоря, я крайне редко заглядываю в них, но никогда не выбрасываю предыдущий номер, пока не получу свежий.

– Она западает на солдат.

Пожав плечами, Пумо поднялся по ступенькам на возвышение. Чековые книжки – его личная и «Сайгона» – лежали на столе, но чуть сдвинутые. А рядом с ними – «пропавший» «Вестник», раскрытый на фотографии в полстраницы полковника Эмиля Элленбогена, уходящего в отставку с какого-то второстепенного поста в Арканзасе, куда Железного Дровосека отправили после его неудачной службы во Вьетнаме.

– А нет, эта сучка просто перетащила его сюда, на стол, – сообщил он Мэгги, которая стояла посередине гостиной, обхватив себя руками.

– И на столе все как было, ничего не пропало?

– Не знаю. Как-будто чего-то не хватает, не могу понять, чего именно.

Он вновь прошелся по захламленному столу внимательным взглядом. Чековые книжки. Телефон. Автоответчик с мигающим индикатором нового сообщения. Пумо нажал клавишу перемотки, затем – воспроизведения. Прослушал тишину. Быть может, она звонила проверить, дома ли он? Чем дольше Тина смотрел на столешницу, тем больше убеждался, что чего-то не хватает, и это «что-то» никак не привязывалось к конкретному предмету. Рядом с автоответчиком лежала книга под названием «Вьетнам», которая совершенно точно уже много месяцев покоилась на одном из журнальных столиков: читать ее он бросил на середине, но держал там, из суеверия: признаться себе в том, что никогда не закончит ее, означало пустить на порог неудачу.

Дракула взяла «Вестник» и «Вьетнам», положила их на стол, просмотрев между делом его чековые книжки. «Ее длинные сильные пальцы касались каждого предмета на столе», – подумал Пумо. Его снова прошиб пот и на секунду замутило.

Посреди ночи Тина проснулся с колотящимся сердцем. Безумно страшный сон таял, отступая в темноту спальни.

Он повернул голову и увидел, что Мэгги спит: голова на подушке, в темноте он с трудом различал ее лицо. О, как он любил смотреть на спящую Мэгги Ла. Без мимики черты лица девушки казались безличными и очень-очень китайскими.

Он вновь вытянулся рядом с Мэгги и легонько коснулся ее руки. Что сейчас поделывают они, его друзья? Мысленно он представил их шагающими по широкому тротуару, держащими друг друга под руки. Тим Андерхилл не может быть Коко, и они поймут это сразу, как только отыщут его. Следом как-то само собой подоспело понимание: если Коко не Андерхилл, значит, это кто-то другой – тот, кто хищно кружит над ними, сужая круги, как та пуля с его именем все кружит и кружит над миром, не падая и не теряя силы.

Утром он заявил Мэгги, что непременно обязан что-то сделать, чтобы помочь парням, – например, постараться добыть больше информации о жертвах Коко.

– Вот это дело! – откликнулась Мэгги.

4

К чему все эти вопросы и ответы?

К тому, что они следуют один за другим, ровненько, по прямой. Они есть верное направление и выход. И помогают мне думать.

А о чем тут думать?

Как всегда – о крахе надежд. О бегущей девушке.

Ты вообразил, что она существовала на самом деле?

Именно. Я *воображаю*, что она была реальной.

Ну, а о чем еще есть смысл подумать?

О самом близком мне – Коко. И сейчас больше, чем когда-либо.

Почему же именно сейчас?

Потому что он вернулся. Потому что я, кажется, видел его. Нет, я точно видел его.

Ты вообразил, что видел его?

Это одно и то же.

Как он выглядел?

Он был похож на танцующую тень. Он был похож на смерть.

Он явился тебе во сне?

Он явился мне – если это верное слово – прямо на улице. Смерть явилась мне на улице, как явилась и девушка. Оглушительный шум сопровождал появление девушки, обычный шум улицы, мирской шум окружал тень. Он был с ног до головы покрыт, хотя и невидимо, кровью других людей. Девушка, которую видел лишь я один, была покрыта собственной кровью. Оба буквально источали одно и то же всеохватывающее чувство.

Что же за чувство такое?

Такое чувство, будто мы лишь в малейшей степени имеем возможность влиять на важнейшие сюжеты наших судеб. Хэл Эстергаз из «Расчлененного». Девушка бежит поговорить со мной, она охвачена ужасом и отчаянием, она бежит ко мне из пропасти и тьмы, она выбрала меня. Потому что я выбрал Хэла Эстергаза и потому что я выбрал Нэта Бисли. Не сейчас, говорит она, не сейчас. История еще не закончилась.

Почему Хэл Эстергаз покончил с собой?

Потому что не осилил бремя того, что лишь начал познавать.

Это туда уносит тебя твое воображение?

Если его ничто не сдерживает.

Ты очень испугался, когда увидел девушку?

Я благословил ее.

13. Коко

Как только самолет взлетит, Коко тоже начнет свое путешествие.

Коко знал одно: все путешествия – это путешествие в вечности. Под крылом тридцать тысяч футов, часы крутят время назад, свет и тьма, день и ночь легко меняются местами.

«Когда стемнеет, – подумал Коко, – можно будет прильнуть к маленькому окошку и, если ты готов, если твоя душа уже наполовину окунулась в вечность, ты сможешь разглядеть, как из черноты к тебе склонился суровый клыкастый лик Бога».

Коко улыбнулся своим мыслям, и хорошенькая бортпроводница салона бизнес-класса улыбнулась ему в ответ. С подносом в руках она наклонилась к нему:

– Сэр, что бы вы предпочли сегодня утром – апельсиновый сок или шампанское?

Коко покачал головой.

Земля присосалась к брюху самолета, тянулась сквозь салон и пыталась вобрать Коко в себя, сосала, сосала, несчастная скудная земля обожала все вечное, и все вечное любило землю и страдало ей.

– А кино покажут?

– «Никогда не говори „никогда“, – ответила бортпроводница ему через плечо. Новый фильм про Джеймса Бонда.

– Замечательно, – откликнулся Коко, внутренне возликовав. – Я сам, кстати, никогда не говорю «никогда».

Девушка с сознанием долга рассмеялась и проследовала дальше.

Вдоль проходов тянулись пассажиры, неся портпледы, пластиковые пакеты, плетеные корзинки, книги. Перед Коко заняли места два китайских бизнесмена – он услышал, как они торопливо распахнули свои «дипломаты», едва усевшись.

Светловолосая, средних лет бортпроводница в голубой униформе наклонилась к нему с дежурной улыбкой:

– Как нам вас называть, мм? – Она подняла планшет с планом рассадки так, чтобы ему было видно. Коко медленно опустил газету. – Вы у нас... – Она взглянула на него в ожидании ответа.

«А как нам вас называть, мм? Дахау, назовем тебя Леди Дахау».

– Почему бы вам не называть меня Бобби?

– Что ж, так я и поступлю: буду называть вас Бобби. – И женщина нацарапала «Бобби» в ячейке, обозначающей на схеме место «4В».

Из карманов Роберто Ортиса он выгреб не только паспорта и кучу карточек и удостоверений личности, но также шестьсот долларов США и триста сингапурских. Нехило! А в кармане блейзера Коко нашел ключ от номера в отеле «Шангри-Ла» – где же еще мог остановиться молодой целеустремленный американец?

В сумочке мисс Баландран Коко обнаружил расческу-выпрямитель, противозачаточный колпачок, тубик со спермицидным гелем, маленький пластиковый контейнер с зубной пастой «Дарки» и зубной щеткой, чистые трусики и новую пару колготок, флакончик блеска и кисточку для губ, трубочку туши для ресниц, кисть для румян, расческу с тонким черенком, трехдюймовый отрезок белой пластиковой соломинки, маленький кожаный футляр, заряженный поппер-ампулами с амилнитритом⁶², потрепанную книгу Барбары Картленд в мягкой

⁶² *Амилнитрит* – группа ненаркотических веществ сосудистого действия. Якобы улучшают качество полового акта, обогащая возникающие при этом ощущения. Первоначально использовались гомосексуалистами для расслабления анального сфинктера, со временем и благодаря рекламе их стали широко продавать под названием «лекарства для отдыха». Представляют собой летучие жидкости для вдыхания, продаются во флаконах. Вызывают сильную головную боль, как нитроглицерин. Когда производство для этих целей в США было запрещено списком, циклогексилнитрит в него не попал, поэтому он остается

обложке, пудреницу, полдюжины рассыпанных таблеток «валиума», множество скомканных салфеток «Клинекс», несколько связок ключей и пухлую «котлету» купюр, в которой оказалось четыреста пятьдесят три сингапурских доллара.

Деньги Коко забрал себе, все остальное бросил в ванной на полу. Затем, сполоснув лицо и вымыв руки, взял такси до «Шангри-Ла».

В Нью-Йорке Роберто Ортис проживал на Вест-Энд-авеню.

Там, на Вест-Энд-авеню, можно ли почувствовать, как владыки земли, как сам Господь алкали смертности? Ангелы летели по-над Вест-Энд-авеню, их плащи развевались на ветру.

Когда Коко покидал отель «Шангри-Ла», на нем были две пары брюк, две рубашки, хлопчатобумажный свитер и твидовый пиджак. В сумке для ручной клади, что он нес в левой руке, лежали скатанные в рулон два костюма, еще три рубашки и пара первоклассных черных туфель.

Подобрав Коко с зеленой Гроув-роуд, такси понесло его к Орчард-роуд, далее через опрятный и спокойный Сингапур к пустому зданию на кольцевой улице неподалеку от Бахру-роуд, и во время этой поездки ему представлялось, что он стоит в открытой машине, едущей по Пятой авеню. Ленты серпантина и тучи конфетти, словно струи и капли дождя, рушатся на него и всех других владык земли под оглушительный рев толпы, запрудившей тротуары.

И Биверс, и Пул, и Пумо, и Андерхилл, и Тату Тиано, и Питерс, и милый Спэнки Би, и все остальные, все повелители земли – кто сможет пережить день их пришествия? Ибо узрите – землю покроет тьма! И мальчик-юрист, Тед Банди, и Хуан Корона, который воевал, и тот, кто в Чикаго одевался как клоун, и Джон Уэйн Гэйси, и сын Сэма, и Уэйн Уильямс из Атланты, и убийца зебры, и те, кто оставил своих жертв на склонах холмов, и коротышка из фильма «Риллингтон Плейс, дом 10», и Лукас – а этот, пожалуй, был величайшим из них. Воители небесные, настал ваш день. Шагая со всеми, кого никогда не поймают, со всеми, кто явит миру достойные лица, живя в скромности, переезжая из города в город, оплачивая их счета, храня самые сокровенные тайны.

Огонь очищения.

Коко влез через окно подвала и увидел своего отца, неистового и раздражительного, сидящего на упаковочном ящике.

– Идиот проклятый, – сказал отец. – Ты чересчур самонадеян. Думаешь, они в честь кого-то навряд тебя когда-нибудь устроят парад? Ни одна часть животного не пропадает понапрасну.

Он разложил деньги прямо на грязном полу, и это сработало:

– Ничто не заменит доброго масла, – заулыбавшись, проговорил старик, и Коко закрыл глаза и увидел вереницу бредущих мимо слонов, кивающих ему с торжественным одобрением.

На раскатанный спальный мешок он бросил паспорта Роберто Ортиса и разложил пять карт со стоящим на задних ногах слоном так, чтобы были видны имена на них. Затем, порывшись в коробке с бумагами, отыскал номер американского журнала «Нью-Йорк», который прихватил из вестибюля отеля через два дня после парада в честь возвращения заложников. Под названием журнала полыхал огнем заголовок: «Десять новых „горячих точек“».

«Горячие точки» – это Я-Тук, Хюэ, Дананг. И еще «Сайгон». Вот она, новая «горячая точка» – «Сайгон». Журнал автоматически открылся на анонсируемой статье: фотография и несколько параграфов о новой «горячей точке». (Там ел мэр.)

В своем новом костюме Коко растянулся на полу и раздумчиво вглядывался в фотографию новой «горячей точки». На фоне белых стен покачивались пышные пальмовые ветви. Официанты-вьетнамцы в белых рубашках сновали меж занятыми сплошь столиками, двигаясь так быстро, что на снимке запечатлелись нечеткими светлыми мазками. Коко слышал гром-

законным. Для медицинского использования амилнитрит выпускается в ампулах, издающих при открытии легкий хлопок, отсюда название – «Поппер» (англ. popper).

кие голоса, бряцанье вилок и ножей по фарфору. Хлопали пробки. На переднем плане снимка Тина Пумо стоял, прислонившись к стойке своего бара и состроив рожицу, и вдруг Пумо-Пума ожил, высунулся прямо из фотографии и заговорил с Коко голосом, отчетливо слышимым на фоне шума его ресторана, – так соло саксофона выделяется на фоне аккомпанемента джаз-оркестра.

Пумо сказал:

– Не осуждай меня, Коко.

Пумо был смертельно напуган.

Именно так все они говорят, когда стоят на пороге двери в вечность.

– Я все понимаю, Тина, – сказал Коко маленькому испуганному человеку на фотографии.

В статье рассказывалось о том, что в «Сайгоне» подают одни из самых разнообразных и аутентичных вьетнамских блюд в Нью-Йорке. Клиентура, как правило, молодая, тусовочная и шумная. Вкус подаваемой здесь утки «потусторонний», а супы все до одного «божественны».

– Ты мне вот что скажи, Тина, – попросил Коко. – Что это за херню тут пишут – «божественны»? Ты всерьез полагаешь, что суп можно назвать «божественным»?

Тина промокнул бровь хрустким белым носовым платком и утянулся обратно в фотографию.

А вот и они – адрес да номер телефона новой «горячей точки», выведенные праздным и округлым шелестом курсива.

В кресло рядом с Коко в четвертом ряду салона первого класса сел мужчина, огляделся по сторонам и пристегнулся. Коко прикрыл глаза и увидел, как с бездонного холодного неба падает снег на панцирь древнего льда в сотни футов толщиной. В заштрихованной снегопадом дали маячат обломанные клыки ледников. И над скованной стужей пустыней парит невидимый Бог, страстно жаждущий утолить свой гнев.

Ты знаешь то, что знаешь. Лет сорока, может, чуть за сорок. Густые, мягкие белокурые волосы мажора, изящные очки с дымчато-коричневыми стеклами, грубое лицо. Крупные руки мясника держат вчерашний выпуск «Нью-Йорк таймс». Костюм за шесть сотен долларов.

Самолет вырулил на взлетную полосу, разбежался и мягко поднялся в воздух, завистливые присосавшиеся рты и пальцы унесло назад, нос самолета нацелился на запад, в сторону Сан-Франциско. Сосед Коко – преуспевающий делец с руками мясника.

Светлая крачка⁶³ расправляет крылья на лицевой стороне сингапурской долларовой банкноты. Черная полоска окраса, словно маска налетчика, маскирует ее глаза, а позади птицы вихрь пересекающихся окружностей, точно изобары циклонов. Птица в ужасе взмахнула крыльями, и тьма накрыла землю.

Мистер Лукас? Мистер Банди?

Банковские операции, говорит сосед. Инвестиционно-банковская деятельность. В Сингапуре у нас работы по горло.

У меня тоже.

Чертовски приятное место этот Сингапур. Но если занимаешься денежными операциями, то горячее – в прямом смысле.

Ага, еще одна из новых «горячих точек».

– Бобби, чего бы вы хотели выпить? – спрашивает меня бортпроводница.

– Водку, очень холодную.

– Мистер Дикерсон?

Мистер Дикерсон возжелал пивка «Миллер хай лайф».

⁶³ Светлая, или темнотатылочная, крачка – у этой птицы семейства чайковых на фоне белой головы и шеи выделяется черный затылок и черная полоса, проходящая через глаза.

Во Вьетнаме мы так прикалывались: «Водка-мартини со льдом, поменьше вермута, поменьше оливок, поменьше льда».

О, вам не довелось бывать во Вьетнаме?

Возможно, прозвучит странно, однако вы упустили колоссальный опыт. Я это не к тому, что сам не прочь бы туда вернуться. Боже упаси! К тому же вы, наверное, были за противную сторону, а? Без обид, сейчас-то мы все по одну сторону: воля Божья так непредсказуема... Но я на все марши протеста выходил с М-16, ха-ха.

А зовут меня Бобби Ортис. Занимаюсь туристическим бизнесом.

Билл? Рад познакомиться, Билл. Да, перелет долгий, можем даже успеть подружиться.

Ясное дело. Принесите, пожалуйста, еще одну водку и одно пиво для моего доброго приятеля Билли.

Что? Да, я был в Первом корпусе, около демилитаризованной зоны, неподалеку от Хюэ.

Хочешь, покажу фокус, которому научился во Вьетнаме? Впрочем, поберегу-ка я пока его, покажу потом, тебе точно понравится.

Бобби и Билл Дикерсон расправились с принесенной пищей в дружеском молчании. Время стремительно крутилось назад – или вперед?

– В карты играешь? – спросил Коко.

Дикерсон глянул на него, остановив вилку на полпути ко рту.

– Бывает. Но не по-крупному.

– А хочешь небольшое пари?

– Зависит от ставки. – Дикерсон наконец донес до рта вилку с кусочком курицы.

– Хотя... нет, лучше не стоит, слишком уж оно мудреное. Забудь.

– Да ладно, «забудь», – уперся Дикерсон. – Сам же предложил, а теперь на попятную?

О, Коко Билли Дикерсон понравился. Красивый голубой льняной костюм, красивые очки в тонкой оправе, красивый крупный «Ролекс» на руке. Билли Дикерсон играл в ракетбол, Билли Дикерсон носил на лбу спортивную повязку и обладал хлестким ударом закрытой стороной ракетки – отличный противник.

– Я, наверное, вспомнил об этом, потому что оказался в самолете. Мы проделывали такие штуки во Вьетнаме.

Взгляд старины Билли недвусмысленно отразил заинтересованность.

– Когда попали в зону высадки.

– Зону высадки?

– Именно. Видишь ли, зоны высадки сильно отличались. В одних было просто офигительно, в других же – скуотища, как в разгар церковного пикника в штате Небраска. В общем, мы коротали время, делая ставки на безвозвратные потери.

– То есть ставили на потери убитыми? В смысле, на тех, кто, как раньше выражались военные, «купил ферму»⁶⁴?

«„Купил ферму“. Ишь ты, красавчик».

– Скорее на то, *если* кого-то из нас убьют. Вот скажи, сколько сейчас денег в твоём бумажнике?

– Больше, чем обычно, – ответил Билли.

– Сотен пять, шесть?

– Поменьше.

⁶⁴ Купить ферму – умереть, сыграть в ящик. (buy the farm – *букв.* «купить ферму»). Существует две версии происхождения идиомы. Первая: со времен Второй мировой войны, когда государство возмещало фермерам убытки в случаях, если на их фермах совершали аварийную посадку военные самолеты, и тогда разрушенные территории выкупались у хозяев. Более правдоподобна вторая версия: многие солдаты после войны рассчитывали вернуться домой, купить ферму, зажить самостоятельной жизнью... И вот, купил ферму, что называется.

– Ну, пусть будет две сотни. Если в аэропорту Сан-Франциско кто-нибудь умрет, пока мы будем находиться внутри терминала, ты платишь мне две сотни. Если нет – я дам сотню тебе.

– Ты дашь мне два к одному в случае, если кто-то умрет в аэропорту, пока мы будем проходить таможенную, получать багаж и все такое?

– Ну да.

– Ни разу не видел, чтобы кто-нибудь отправился к праотцам прямо из аэропорта, – Билли с улыбкой помотал головой, готовый согласиться на пари.

– Зато я видел, – сказал Коко. – По случаю...

– Ну, что ж, тогда по рукам, – согласился Билли, и они обменялись рукопожатием.

Через некоторое время Леди Дахау опустила киноэкран. Большая часть светильников над креслами погасла. Билли Дикерсон закрыл «Мегатрендс», откинул спинку сиденья и заснул.

Коко попросил Леди Дахау принести еще одну водку и тоже откинул спинку, приготовившись смотреть фильм.

Хороший парень Джеймс Бонд увидел Коко, едва появился на экране. (Плохой Джеймс Бонд был тормознутым англичанином, слегка похожим на их медика Питерса, что погиб в разбившемся вертолете. А хороший Джеймс Бонд внешне смахивал на Тину Пумо.) Он подошел прямо к камере и обратился к Коко с едва заметной улыбкой:

– Ты в полном порядке, беспокоиться тебе не о чем. Каждый делает то, что делать должен. Ты молодец, правильно повел себя со своим новым другом. А теперь вспомни...

Атака справа? Атака слева? Оружие к бою!

«Добрый день, джентльмены, добро пожаловать в Республику Южный Вьетнам. Сегодня третье ноября тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, местное время пятнадцать двадцать. Сейчас вас доставят в Бинь Лонг, в центр подготовки пополнений, где каждый получит назначение в свое подразделение».

Вспомни темень в палатках. Вспомни железные шкафчики. Вспомни москитные сетки на т-образных балках. Вспомни заляпанные грязью полы. Вспомни, как были похожи на пещерные капающие своды палатки.

Джентльмены, отныне вы часть огромной машины смерти.

Вот ваше оружие. Оно может помочь вам сохранить жизнь.

Великодушие, милосердие, уравновешенность.

Коко увидел слона, шагающего по широкой улице цивилизованного европейского города. Слон, втиснутый в застегнутый на все пуговицы элегантный костюм зеленого цвета, снимал шляпу перед идущими ему навстречу очаровательными дамами. Коко улыбнулся Джеймсу Бонду, который выскочил из своей шикарной машины, взглянул Коко прямо в глаза и тихим и округлым курсивом произнес:

– Пришло время вновь встретиться со слонем, Коко.

Спустя долгое-долгое время они с ручной кладью в руках стояли в проходе и ждали, когда Леди Дахау откроет дверь. Прямо перед Коко на уровне глаз маячил пиджак от синего льняного костюма Билли Дикерсона, весь в паутинке больших и маленьких складок, казавшихся такими уютными, легкими и непринужденными, что хотелось помяться самому – легко и непринужденно. Подняв взгляд повыше, Коко увидел растрепавшиеся светлые волосы Билли Дикерсона над идеальным воротником льняного пиджака. От старого доброго Билла приятно веяло мылом и средством после бритья: в это утро полчаса назад он уединился в туалете почти на полчаса, в то время как безвременье вдруг превратилось в местное время в Сан-Франциско.

– Бобби, – Дикерсон глянул через плечо на Коко, – если хочешь отменить наше пари, то я не против. Чумовое оно какое-то...

– Сделай одолжение, – отозвался Коко.

Леди Дахау дождалась сигнала и открыла дверь.

Они ступили в коридор холодного огня. Путь им указали ангелы, махнув пылающими мечами. Коко услышал отзвуки далекой перестрелки – знак того, что в принципе ничего серьезного не происходит: просто Железный Дровосек отправил нескольких парней израсходовать часть денег налогоплательщиков, выделенных на этот месяц. Холодный огонь, застывший узорно, как камень, колыхался под ногами. Здравствуй снова, Америка. Ангелы с пламенеющими мечами и калеными улыбками.

– А помнишь, я обещал тебе фокус?

Дикерсон кивнул, вопросительно выгнув бровь, и они с Коко зашагали к зоне выдачи багажа. Мало-помалу ангелы с пылающими мечами утрачивали свою божественность, превращаясь в бортпроводниц в форме, тянущих за выдвижные ручки сумки на колесиках. Под ногами завитки холодного пламени застыли ледяными узорами.

Коридор шел прямо ярдов двадцать и с уклоном заворачивал направо. Повернули направо и они.

– Ну наконец-то туалет! – воскликнул Дикерсон, прибавил шаг и толкнул плечом дверь.

Улыбаясь, Коко прогулочным шагом последовал за ним; воображение нарисовало ему пустое бело-кафельное помещение.

Мимо прошла женщина в ярко-желтом платье, и от нее повеяло таким знакомым ароматом вечности – горячим и кровавым. На мгновение в руке ее ослепительно сверкнул меч. Он толкнул дверь мужского туалета, и ему пришлось переложить свою сумку в другую руку, чтобы открыть вторую дверь, что была за первой.

У одной из раковин мыл руки лысый мужчина. Склонившись над соседней раковиной, мужчина без рубашки соскабливал пену с лица синим пластиковым станком. Коко весь подобрался. Старина Билли стоял в дальнем конце длинного ряда писсуаров, половина из которых были заняты.

Коко видел в зеркале его напряженное, обеспокоенное лицо.

Он подошел к первому писсуару и сделал вид, будто мочится, а на самом деле дожидаясь, пока все уйдут и оставят его с Дикерсоном наедине. Внутри него будто что-то освободилось, распрямилось, словно пружина, под ребрами завибрировало и затрепетало, голова закружилась, и он покачнулся.

На несколько мгновений он вдруг увидел себя в Гондурасе: его работа либо завершена, либо должен начаться новый ее этап. Под огромным безжалостным солнцем маленькие люди с кирпичного цвета кожей толпились вокруг комичного вида провинциального аэропорта: полуразвалившиеся лачуги, бездельничающие полицейские, разморенно дремлющие дворняги.

Дикерсон вжикнул молнией, быстро перешел к раковине, подставил руки под струю воды, а затем – воздуха из сушилки и вышел из туалета за мгновение до возвращения в туалет Коко.

Он заторопился к выходу. Освободившееся в груди нечто трепетало в груди, болезненно колотясь по ребрам.

Дикерсон быстрым шагом входил в просторное помещение, где багажные карусели, словно вулканы, кружили, толкая чемоданы по ребристым черным жерлам. У второй карусели собрались почти все пассажиры их рейса. Тварь в груди Коко скользнула вниз, в желудок, а оттуда разъяренной пчелой влетела в кишечник.

Обливаясь потом, Коко пробирался через толпу ожидающих багажа пассажиров и отделивших его от Дикерсона. Легонько, едва ли не благоговейно, он провел пальцами по тонкому льняному рукаву, укрывавшему левую руку Дикерсона.

– Знаешь, Бобби, мне, честно говоря, даже неловко, – проговорил Дикерсон, наклонившись и подхватывая с ленты транспортера большой чемодан «Виттон».

Коко знал наверняка: такой чемодан выбирала для него женщина.

– Я про нашу сделку. Восемьдесят шесть, и по рукам, пойдет?

Коко с несчастным видом кивнул. Его собственный потрепанный чемодан на ленте пока не просматривался. Все вокруг как бы размылось по краям, словно в помещении висела легкая дымка. Высокая черноволосая женщина, которая на самом деле была живым мечом, подхватила крошечный чемоданчик с ленты и – Коко увидел сквозь струящуюся вниз дымку – улыбнулась Дикерсону.

– Счастливо! – попрощался Дикерсон.

К Дикерсону безошибочно подошел человек в форме и, задав лишь пару вопросов, пропустил через зону таможенного контроля, после чего Бобби проследовал к окошку проверки паспортов.

Слегка заторможенный, Коко увидел, как его собственный чемодан стукнулся о бортик карусели и заскользил мимо, прежде чем он догадался снять его с ленты. Он безучастно наблюдал, как удаляется и неуклонно съедается расстоянием тело Дикерсона, проходящего уже через дверь с надписью «Выход к транспорту».

На таможенном контроле инспектор назвал его «мистер Ортис» и проверил распоротую подкладку чемодана в поисках бриллиантов или героина.

В зоне иммиграционного контроля он увидел за плечами стоявшего за стойкой офицера проклевывающиеся ростки огненных крыльев. Чиновник проштамповал его паспорт и поприветствовал возвращение в страну. Коко поспешно схватил свой старенький чемодан и сумку и бегом припустил к ближайшему туалету. Очутившись за дверью, он бросил вещи, заскочил в открытую кабинку и едва успел усесться на стульчак, как кишечник опорожнился, затем еще раз. Огонь бил струей, истекал из него. На мгновение Коко показалось, будто его желудок пронзило длинной иглой. Почти сразу же он наклонился вперед, и его стошнило прямо под ноги. Забыв о брошенных чемодане и сумке, невидящим взглядом уставившись перед собой, он еще долго сидел в облаке собственной воню.

Наконец он вытерся, переместился к раковине, умыл лицо, вымыл руки и сунул голову под холодную струю.

Коко забрал свой багаж, вышел на улицу и стал поджидать автобус к терминалу, откуда должен вылететь его самолет в Нью-Йорк. Воздух благоухал какой-то химией и механизмами: все вокруг казалось двухмерным, бесцветным, выхолощенным.

Во втором терминале Коко отыскал бар и заказал пива. Время остановилось, чувствовал он, лишь затем, чтобы вновь пробудить его к жизни. Его дыхание сделалось неглубоким и слегка учащенным. В голове, в области лба, ощущалось светлое опустошение и легкость – словно донимала несильная боль и только что отпустила. Он очень мало помнил из того, что приключилось с ним за последние двадцать четыре часа.

Леди Дахау он помнил.

Джентльмены, отныне вы часть огромной машины смерти.

За десять минут до объявления о посадке Коко отправился к своему выходу и там стоял, глядя в окно, – скромный, малоприметный мужчина, увидевший слона в костюме и шляпе, поднимающегося на дыбы из широкой лужи темной крови. Пассажиры первого класса пригласили проследовать на посадку в самолет, и Коко прошел на борт и занял свое место. Бортпроводницу он попросил называть его Бобби.

А затем все как будто наладилось. Трепет и сладостное предвкушение вновь ожили в его груди, потому что низенький и пухлый мужчина лет тридцати с небольшим бросил дипломат на крайнее у прохода сиденье, движением плеч скинул рюкзачок и положил его рядом с дипломатом, снял пиджак, явив миру полосатую рубашку и темно-синие подтяжки, и щелчком пальцев дал знак бортпроводнице забрать у него пиджак. Мужчина сунул рюкзак на багажную полку и втиснулся в сиденье. Нахмурившись, он посмотрел на Коко и принялся рыться в содержимом дипломата.

– Полагаю, вы человек не азартный... – заговорил с ним Коко.

14. Воспоминания о Драконовой долине

1

Майкл Пул стоял у окна своего номера и с каким-то тревожным ощущением свободы смотрел на раскинувшийся внизу изумительно зеленый, удивительно аккуратный простор Сингапура, разительно отличающийся от того, что он ожидал увидеть здесь, на Востоке. Вдалеке тянулись к небу высокие чистые белые высотки – их комплекс будто бы пересадили сюда из делового центра Нью-Йорка. Ничто другое здесь даже отдаленно не напоминало Манхэттен. Деревья, раскидистые кроны которых казались сочными и съедобными будто овощи, заполняли большую часть пространства между отелем и высокими белыми зданиями, а поскольку номер Майкла располагался много выше макушек этих деревьев, вся растительность казалась отсюда живым кудрявым ковром. Меж обширных засаженных зеленью участков пролегали широкие чистые дороги с безупречным покрытием. По этим идеальным дорогам скользили дорогие машины – «ягуаров» и «мерседесов» среди них было столько же, сколько на Родео-драйв. Здесь и там в просветах крон мелькали крошечные фигурки людей, шагающих по широким аллеям. Ближе к отелю зеленые склоны холмов занимали бунгало с розовыми или кремовыми оштукатуренными стенами, широкими террасами, колоннами и черепичными крышами. У некоторых имелись открытые внутренние дворики, и в одном из них Майкл рассмотрел коре-настую женщину в ярко-желтом халате, развешивавшую выстиранное белье. Совсем рядом, не скрытые деревьями, искрились на солнце бассейны этого и других отелей – словно крошечные лесные озера, увиденные из иллюминатора самолета. Полосатый красно-синий навес обрамлял самый дальний бассейн, где по-собачьи плавала женщина; у среднего бармен в черной куртке готовил к открытию свой бар. Рядом с ближайшим к отелю Майкла бассейном мальчик-китаец тянул стопку толстых матрацев к ряду пустых лежаков из красноватой древесины.

Роскошный город и удивил его, и обнадежил, и взволновал больше, чем он готов был признать. Майкл даже невольно чуть подался к окну, словно готовый полететь в эту зеленую даль. Все там, внизу, казалось теплым на ощупь. Сингапур в его воображении представлял собой сочетание Хюэ и Чайна-тауна с обобщенным мазком уличных торговцев едой и велосипедов. Он рисовал себе подобие Сайгона – города, который он видел лишь мельком и который ему не понравился. (Как не нравился тот и большинству побывавших в Сайгоне солдат.) Сейчас же, просто глядя на эти ровные сектора зеленых крон, аккуратные рифленые крыши, тропические бунгало и сверкающие бассейны, Майкл почувствовал себя намного лучше.

Без сомнения, сейчас он находился где-то... не в своей жизни – ему удалось вырваться из нее, и до этого мгновения он не осознавал, насколько сильно желал или нуждался в этом шаге. Сейчас ему хотелось побродить под пышными кронами этих деревьев, погулять по широким аллеям и насладиться благоухающим цветом воздухом, который он помнил с момента их прибытия в сингапурский аэропорт Чанги.

В этот момент зазвонил телефон. Майкл взял трубку, уверенный, что на другом конце линии услышит Джуди.

– Доброе утро, джентльмены, и добро пожаловать в Республику Сингапур, – проговорила трубка голосом Гарри Биверса. – На испытанном надежном «ролексе» сейчас девять часов тринадцать минут. Вам надлежит явиться в кофейню, где перед каждым будет поставлена своя задача... Хочешь, удивлю?

Майкл промолчал.

– В телефонном справочнике Сингапура имя Т. Андерхилл отсутствует.

Чуть больше часа спустя они шагали по Орчард-роуд. Пул нес конверт, набитый фотографиями Андерхилла с обложек книг; Биверс, карман пиджака которого оттопыривал «Кодак инстаматик», неуклюже пытался на ходу рассмотреть что-то на карте путеводителя по Сингапуру, а Конор Линклейтер шагал вместе со всеми, сутулясь и сунув руки глубоко в карманы, и не нес ничего. Во время завтрака они решили провести утро как обычные туристы и попытаться пройти на своих двоих по Сингапуру столько, сколько хватит сил, – «проникнуться духом города», как сказал Биверс.

Эта часть Сингапура казалась такой же пресной и безвредной, как их завтрак в кофейне. Чего не удалось рассмотреть из окна своего номера доктору Пулу – так это того, что город имеет очень много общего с дьюти-фри-зоной крупного аэропорта. Каждое строение, если это только не гостиница, было либо офисным зданием, либо банком, либо торговым центром, причем последние, преимущественно трех-четырёхэтажные, составляли абсолютное большинство. Гигантский постер на самом верхнем этаже еще строящегося здания изображал бизнесмена-американца, беседующего с сингапурским банкиром-китайцем. В круг над головой американца были вписаны слова: «Я с радостью узнал о фантастической прибыли, которую могу получить, инвестируя свои деньги в Сингапур!» На что китайский банкир отвечал: «С нашей выгодной инвестиционной программой для наших зарубежных друзей никогда не поздно принять участие в экономическом чуде Сингапура!»

В любой момент – хоть прямо сейчас – можно зайти в магазин со стеклянным фасадом и купить фото- или видеокамеры либо стереоаппаратуру. Напротив, по ту сторону шестиполосной улицы, расположился торговый центр «Орчард Тауэрс»: поднявшись по пролету мраморных ступеней, вы можете заглянуть на выбор в любой из семи магазинов, предлагавших камеры, стерео, электробритвы и электронные калькуляторы. А рядом через дорогу, слегка напоминая зиккурат, стоит торговый центр «Дальний Восток», над которым натянут длинный красный баннер со словами: «Гонг Хей Фат Чой»⁶⁵: совсем недавно праздновался китайский Новый год. Рядом с «Орчард Тауэрс» расположился отель «Хилтон», на террасе которого завтракали степенные американцы. Далее располагался «Сингапур форум», перед которым невысокий крепыш-малаец с лицом Уильяма Бендикса⁶⁶ поливал из шланга каменные плиты тротуара. Далеко вверх на склоне холма они увидели садовника, трудившегося над тем, чтобы территория «Шангри-Ла» оставалась такой же безупречной, как центральный корт на Уимблдоне. А дальше по Орчард-роуд тянулись торговый центр «Лаки плаза», отели «Айрана» и «Мандарин».

– Такое ощущение, – сказал Конор Линклейтер, – будто в один прекрасный день Уолт Дисней сошел с ума и сказал: «К черту детишек, давайте лучше изобретем Сингапур и просто станем рубить капусту».

Когда они проходили мимо «Просперити тэйлор шоп», из него вышел ухмыляющийся маленький человечек и направился следом за ними, пытаясь зазвать в магазин и что-нибудь приобрести.

– Вижу, вы парни крутые! – сказал он, протаскиваясь за ними первые полквартала. – Мы дадим вам скидку десять процентов. Лучшего предложения вам не сыскать во всем городе. – После того как они практически миновали большой перекресток на Клеймор-Хилл, он сделался более назойливым. – Так и быть, гарантирую скидку в двадцать пять процентов! Опустить цену ниже я просто не могу!

– Костюмы нам не нужны, – сказал ему Конор. – Мы *не ищем* костюмы. Отвяжись.

⁶⁵ Китайское новогоднее поздравление и пожелание процветания.

⁶⁶ Уильям Бендикс (1906–1964) – американский актер кино, театра и телевидения, который «сделал карьеру, исполняя роли симпатичных здоровых простаков, хотя иногда с неменьшим успехом он играл зловещие и трагические роли». С выступающей челюстью, сломанным носом, плотный и дородный, Бендикс достиг уровня популярности, практически неслыханного для характерного актера, называя себя «столь же красивым, как грязный забор».

– Неужели вам не хочется хорошо выглядеть? – спросил портной. – Что с вами не так, мужчины? Нравится выглядеть как туристы? Только на минутку загляните в мой магазин – и выйдете из него утонченными джентльменами, да еще получите скидку в двадцать пять процентов.

– Да я и так выгляжу как утонченный джентльмен.

– А я могу сделать так, что будете выглядеть просто блестяще! – не унимался портной. – То, во что вы сейчас одеты, обошлось вам в три-четыре сотни долларов, я же за эту цену дам вам костюм в три раза лучше!

Биверс, нетерпеливо шагавший по тротуару, резко остановился. Выражение неприкрытого изумления на его лице стало для Майкла Пула (и, как он полагал, для Конора – тоже) прямо-таки рождественским сюрпризом.

– С моей помощью вы преобразитесь и станете выглядеть, как завсегдатай Сэвил Роу⁶⁷, – говорил портной, круглолицый китаец за пятьдесят в белой рубашке и черных брюках. – За костюм, который стоит шестьсот пятьдесят долларов, я попрошу всего триста семьдесят пять. Цена со скидкой пятьсот, я сбавлю цену еще на четверть. Триста семьдесят пять – это несколько отличных ужинов в «Четырех сезонах». Вы же адвокат, да? Когда окажетесь перед Верховным судом, на вас обратят внимание не только потому, что вы выиграете дело, все станут ахать: «Откуда у вас такой костюм? Должно быть, из ателье пошива „Просперити“, хозяин которого Винь Чонг»!

– Да не хочу я покупать костюм, – сказал Биверс с лукавым выражением лица.

– Костюм вам просто необходим.

Биверс резким движением выудил из кармана фотоаппарат и, вытянув вперед руку с камерой, словно стреляя, сделал несколько снимков китайца. Портной с усмешкой позировал ему.

– Почему бы вам не пристать к одному из этих парней вместо меня? А еще лучше – вернуться в свое ателье?

– Самые низкие цены! – Портного уже трясло от едва сдерживаемого веселья. – Триста пятьдесят долларов. Ниже не могу – не хватит оплатить аренду. Если сброшу еще – станут голодать дети.

Биверс сунул камеру в карман и повернулся к Майклу с видом животного, попавшего в капкан.

– Похоже, этот тип знает все, – сказал Майкл. – Может, спросить у него про Андерхилла?

– Так покажи ему фото!

Майкл вытащил из-под руки конверт с фотографиями и открыл его.

– Мы сотрудники полиции из Нью-Йорка, – сказал Биверс.

– Вы адвокат, – возразил портной.

– Скажите-ка, видели ли вы когда-нибудь этого человека? Майк, покажи ему фото!

Майкл вынул из конверта один из снимков и в вытянутой руке показал портному.

– Знаете его? – спросил Биверс. – Вспомните, видели ли его раньше?

– Этого человека я никогда не видел, – ответил портной. – Для меня было бы честью встретиться с этим человеком, да только он не смог бы заплатить мне даже минимальную цену.

– Почему же? – спросил Майкл.

– Слишком артистичная натура, – сказал портной.

Майкл улыбнулся и не успел убрать фотографию в конверт, когда портной наклонился вперед и выхватил снимок.

⁶⁷ Сэвил Роу (англ. Savile Row) – небольшая улица в лондонском Вест-Энде, которую по праву называют домом мужского пошива. Это единственное в мире место, являющееся синонимом одного из формальных видов одежды. Вот уже больше двух веков Сэвил Роу, на которой расположено множество ателье, является центром мужской моды.

- Дайте мне фото? У вас еще много, а?
- Врет он, – сказал Биверс. – Вы лжете. Где этот человек? Можете отвести нас к нему?
- Это фото знаменитости, – сказал портной.
- Он просто хочет заполнить фото, – сказал Майкл Биверсу.
- Конор хлопнул китайца по спине и громко рассмеялся.
- «Просто хочет заполнить фото» – это ты о чем?
- Повесить на стенку, – сказал портной.
- Майкл вручил ему фотографию.
- Портной сунул снимок под мышку и захихикал:
- Большое спасибо!

Он развернулся и по широкому тротуару отправился восвояси. Хорошо одетые китайские мужчины и женщины неспешно шагали к ним под нависающими деревьями. Большинство мужчин были в синих костюмах, аккуратно повязанных галстуках и солнцезащитных очках и выглядели, как тот банкир с плаката. Женщины были хрупкими и хорошенькими, все в платьях. Пул осознал, что он, Биверс и Конор здесь представляли расовое меньшинство из трех человек. Далеко впереди аллеи, рядом с плакатом, запечатлевшим сурово хмурящегося Чака Норриса в окружении языков пламени и множества иероглифов, лениво брела китайская девочка-подросток, рассеянно заглядывая в витрины магазинов. На ней была, по-видимому, школьная форма: плоская белая шляпка с широкими полями, белая матроска с черным галстучком и свободная черная юбка. Затем позади нее открылась взгляду целая стайка так же одетых девчушек – словно выводок утят. Через дорогу рядом с постером, рекламирующим гамбургеры «Макдоналдс», виднелся квадратный белый знак, призывающий «Говорите на мандаринском – помогите своему правительству». Неожиданно Пул ощутил сильный запах духов, словно окунулся в облако аромата невидимого экзотического цветка, и без всякой причины вдруг почувствовал себя непомерно счастливым.

– Раз уж мы собрались искать Буги-стрит, о которой частенько рассказывал Андерхилл, почему бы нам не взять такси? – предложил он. – Мы же в цивилизованной стране.

2

Ужаленный осознанием знакомого кошмара, Тина Пумо проснулся, как ему показалось, в полной темноте. Громко билось сердце. Он, наверное, кричал, мелькнула мысль, или издал какой-нибудь звук, прежде чем проснуться, но Мэгги безмятежно спала рядом. Он поднял руку, взглянул на светящийся циферблат часов: три двадцать пять ночи.

Тина понял, что пропало со стола. Если бы Дракула не сдвигала все со своих привычных мест, он бы сразу заметил пропажу; к тому же, будь следующие после взлома два дня обычными рабочими, он бы понял все, едва усевшись за рабочий стол. Но эти два дня были какими угодно, только не нормальными: по меньшей мере половину каждого из них он проводил внизу со строителями, подрядчиками, плотниками и дезинсекторами. По-видимому, избавить кухню «Сайгона» от оккупировавших ее насекомых в конце концов удалось, но дезинсектор все еще находился в состоянии, сильно смахивающем на эйфорию от количества, разнообразия и живучести букашек, которых ему пришлось истребить. По несколько часов в день уходило на то, чтобы убедить Молли Уитт, его архитектора, что она проектирует всего лишь кухню и расширенный обеденный зал, а не высокотехнологичный операционный зал. Остальное время он провел с Мэгги, рассказывая ей о себе столько, сколько никому и никогда не рассказывал в жизни.

Пумо не оставляло ощущение, будто Мэгги за два неполных дня проделала трудный путь к тому, чтобы вытащить его из той скорлупы, в которую он, едва созная это, заключил себя сам.

В какой-то мере он лишь начинал догадываться, что оболочка эта сформировалась во Вьетнаме. Пумо чувствовал стыд и унижение от этого нового знания: Дракула жутко напугала его, вновь пробудив к жизни чувства, которые, как он с гордостью – но тщетно – надеялся, ему удалось скинуть с себя вместе с военной формой. Пумо с уверенностью полагал, что вьетнамский глубокий болезненный след в душе могли позволить себе другие – только не он. И потому прежде чувствовал себя на эмоционально безопасном расстоянии от всего, что с ним там произошло. Оставив армию, он продолжил жить своей жизнью. Как практически любому другому ветерану, ему пришлось пережить период неустроенности и осознания бессмысленности жизни, когда казалось, что его просто влечет по течению. Но период этот завершился шесть лет назад, когда он сделал первый шаг – приобрел «Сайгон». И да, это правда: он продолжал свои «путешествия» от девушки к девушке, и, по мере того как становился старше он, девушки делались моложе, оставаясь в том же возрасте. Пумо влюблялся в очертания их губ, или форму их предплечий, или гармонию между их икрами и бедрами; он влюблялся в то, как колыхались их волосы, или в то, какими глазами девушки смотрели на него. До того момента, думал теперь Пумо, когда его остановила Мэгги Ла, он влюблялся во все внешнее – в то, что видел в облике человека, не чувствуя самого человека.

– По-твоему, реально существует такой момент, в котором заканчивается *тогда* и начинается *сейчас*? – как-то спросила его Мэгги. – Разве ты не знаешь, что в глубине души вещи, с тобой происходящие, никогда не перестают происходить с тобой потом?

Пумо пришло в голову, что Мэгги может думать так, потому что она китаянка, но о своем предположении умолчал.

– Человек не в силах избавиться, уйти от прошлого, как ты, по-твоему, ушел от Вьетнама, – сказала она ему. – На твоих глазах каждый день убивали твоих друзей, а ведь ты был тогда еще совсем мальчишкой. Теперь же, получив незначительную трепку, ты боишься лифтов, боишься подземки, темных улиц и еще бог знает чего. Тебе не кажется, что существует некая связь?

– Кажется, – согласился он. – Но как можешь знать об этом ты, Мэгги?

– Об этом знают *все*, Тина, – сказала она. – За исключением на удивление большого количества мужчин-американцев среднего возраста, действительно верящих, что люди способны начать жизнь сначала, что прошлое умирает, а будущее начинается с чистого листа и что такие убеждения добродетельны и высоконравственны.

Сейчас Пумо осторожно поднялся с постели. Мэгги не пошевелилась, и дыхание ее осталось размеренным и спокойным. Он должен еще раз взглянуть на свой стол и убедиться в правильности своей догадки насчет того, что именно исчезло. Сердце его билось по-прежнему учащенно, и собственное дыхание казалось чересчур громким. В темноте он крадучись пересек спальню. Едва он взялся за дверную ручку, как перед мысленным взором возникла Дракула, поджидающая его по другую сторону двери. Лицо его покрылось потом.

– Тина? – прозвенел из спальни хрустальный и тихий, чуть громче дыхания, голосок Мэгги.

Пумо застыл в темноте пустого коридора. Никого там не было, словно голос Мэгги помог рассеять угрозу.

– Я знаю, что пропало, – сказал он. – Схожу проверю. Извини, что разбудил.

– Ничего...

В голове гулко отдавался пульс, и все еще немного дрожали колени. Если он простоит на этом месте еще несколько секунд, Мэгги поймет, что что-то не так. Ей даже может прийти в голову подняться с постели, чтобы помочь ему. Пумо спустился в гостиную и потянул за шнур выключателя верхнего света. Как большинство комнат, в которых бываешь в основном в дневное время, гостиная показалась Пумо жутковатой – будто все здесь до мелочей заменили

точными копиями. Пумо пересек комнату, вошел по ступенькам на возвышение и уселся за письменный стол.

Так и есть: того, о чем он вспомнил, здесь не было. Он заглянул под телефон и автоответчик. Сдвинул в сторону чековые книжки и поднял стопки счетов-фактур и квитанций. Посмотрел за коробками с канцелярскими резинками и бумажными салфетками. Ничего. Искомое не могли скрыть ни баночки с витаминами бок о бок с электрической точилкой для карандашей, ни две коробки карандашей «Блэкуинг» рядом с ней... Все ясно: украли.

Желая окончательно убедиться, Пумо посмотрел под столом, перегнулся взглянуть за столешницей, порылся в корзине для бумаг: множество скомканных салфеток, старый выпуск «Вилледж войс», обертка из-под батончика «Квакер оутс гранола бар», просительные письма от благотворительных организаций, продуктовые, премиальные купоны из бакалейной лавки, несколько невскрытых конвертов, обклеенных стикерами о том, что он уже выиграл ценный приз, ватный шарик и пломба-наклейка от баночки с витаминами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.